

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХИГС ХАБАРОВСК

ISSN 1818-4049
(print)

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

POWER AND ADMINISTRATION IN THE EAST OF RUSSIA

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Н. М. БАЙКОВ, Ю. В. БЕРЕЗУТСКИЙ

Региональное развитие и профессиональная деятельность в представлениях служащих органов публичной власти Дальнего Востока России

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Д. А. ИЗОТОВ

Экономическое развитие и внешнеторговые взаимодействия России: текущее состояние и среднесрочные перспективы

СОЦИОЛОГИЯ

Л. А. КРИВОНОСОВА, И. Ф. КАСИЧ

Этническая толерантность как способ взаимодействия населения с мигрантами: социологический анализ

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

А. С. ЛАДА

Миграция молодежи как объект социального регулирования миграционных процессов в статистическом измерении

№ 1
(110)
2025

ХАБАРОВСК

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации»

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2025 г. №1 (110)**

Научный журнал «Власть и управление на Востоке России» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Scientific journal «Power and Administration in the East of Russia» is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of candidate of science, for the degree of doctor of science must be published.

ISSN 1818-4049

ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ

**научный журнал
2025 г. № 1 (110)**

Научный журнал основан
в марте 1998 г.
Выходит 4 раза в год

Главный редактор: Ю. В. Березутский

Адрес редакции:

680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33. Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». Тел. (факс): (4212) 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (119606, г. Москва, просп. Вернадского, 82)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-48935 от 12 марта 2012 г.

Редакционная коллегия:

Н. М. Байков, д.с.н., профессор (Россия)

Ю. В. Березутский, к.с.н., доцент (Россия)

Е. Н. Галичанин, д.э.н., профессор
(Россия)

И. А. Гареева, д.с.н., доцент (Россия)

Ю. А. Зубок, д.с.н., профессор (Россия)

С. Г. Максимова, д.с.н., профессор (Россия)

Е. Л. Мотрич, д.э.н. (Россия)

А. В. Новокрещёнов, д.с.н., профессор
(Россия)

Е. С. Осипова, д.э.н., доцент (Россия)

О. М. Прокапало, д.э.н. (Россия)

О. М. Рензин, к.э.н., ст. науч. сотр.
(Россия)

А. М. Сергиенко, д.с.н., доцент (Россия)

О. И. Тишутина, д.э.н., доцент (Россия)

С. Н. Третьякова, д.э.н., доцент (Россия)

Ю. А. Тюрина, д.с.н., профессор
(Россия)

Андреас Кнорр, доктор, профессор
(Германия)

Зенджиро Сугиура, профессор (Япония)

Ма Юцзюнь, доктор, главн. науч. сотр.
(Китай)

Чжун Цзяньпин, д.и.н., профессор
(Китай)

При перепечатке ссылка на журнал «Власть и управление на Востоке России» обязательна. Рукописи рецензируются.

Мнения, высказываемые авторами, могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведённых фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

ISSN 1818-4049

**POWER AND
ADMINISTRATION
IN THE EAST
OF RUSSIA**

**scientific journal
2025, no. 1 (110)**

Scientific journal is founded
in March, 1998
Is issued 4 times a year

Editor-in-Chief: Yu. V. Berezutskiy

Address:

Russia, 680000, Khabarovsk, Muraviova-Amurskogo St., 33. The Far-Eastern institute of management – branch of the Academy of National Economy and Public Administration by the President of the Russian Federation. Tel. (fax): 305-306. E-mail: rio-dviu@ranepa.ru

Founder:

The Federal state budgetary educational institution of the highest education “The Russian Academy of National Economy and Civil Service by the President of the Russian Federation” (119606, Moscow, 82, Vernadskiy prospect)

The periodical is registered by the Federal Service for supervision in the sphere of communication, information technologies and mass communications (Roscommnadzor). The certificate about the registration of the mass information PI № FS77-48935 dated March 12, 2012.

Editorial Staff:

N. M. Baykov, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

Yu. V. Berezutskiy, Candidate of Sociology, Associate Professor (Russia)

E. N. Galichanin, Doctor of Economy, Professor (Russia)

I. A. Gareeva, Doctor of Sociology, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Zubok, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

S. G. Maksimova, Doctor of Sociology, Professor (Russia)

E. L. Motrich, Doctor of Economy (Russia)

A. V. Novokreshchenov, Doctor of Sociology, professor (Russia)

E. S. Osipova, Doctor of Economy, professor (Russia)

O. M. Prokapalo, Doctor of Economy (Russia)

O. M. Renzin, Candidate of Economy, chief scientific researcher (Russia)

A. M. Sergienko, Doctor of Sociology (Russia)

O. I. Tishutina, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

S. N. Tretyakova, Doctor of Economics, Associate Professor (Russia)

Yu. A. Tyurina, Doctor of Sociology, professor (Russia)

Andreas Knorr, Doctor, Professor (Germany)

Zenjiro Sugiura, Professor (Japan)

Ma Yujun, Doctor, Chief Researcher (China)

Zhong Tsyannpin, Doctor of History, Professor (China)

No part of any material may be reprinted without the reference to the journal “Power and Administration in the East of Russia”. Articles are subject to review.

The authors’ opinions may not coincide with those of the editorial board.

The authors of the articles bear responsibility for the selection and precision of the facts, quotations, economic and statistical data, proper and geographical names.

СОДЕРЖАНИЕ

Дальний Восток: стратегии и модели развития

Байков Н. М. Березутский Ю. В.	Региональное развитие и профессиональная деятельность в представлениях служащих органов публичной власти Дальнего Востока России	8
Сидорова Н. П. Сидоров П. Г.	Кадровый потенциал органов публичной власти: социологические аспекты	25
Шпакова Р. Н.	Дальний Восток Российской Федерации: реализация программ повышения мобильности трудовых ресурсов	36

Теория и практика экономики и управления

Изотов Д. А.	Экономическое развитие и внешнеторговые взаимодействия России: текущее состояние и среднесрочные перспективы	48
Маслюк Н. А. Медведева Н. В.	Формирование инвестиционных предложений и траектория их продвижения: региональный аспект	68
Спасский Е. Н. Лю Дяньбо	Генезис и актуальные аспекты управления системы высшего образования в Китае: социологический аспект	80

Социология

Кривоносова Л. А. Касич И. Ф.	Этническая толерантность как способ взаимодействия населения с мигрантами: социологический анализ	92

Гареева И. А. Перепечай П. Э.	Социально-структурная стратификация на региональном рынке труда в контексте престижа профессий у молодежи	107
Зубков В. В.	Миграционные представления молодежи как фактор развития дальневосточного региона	118

Представляю к защите

Лада А. С.	Миграция молодежи как объект социального регулирования миграционных процессов в статистическом измерении	127
Агарков К. Ю.	Социальные сети как канал политической коммуникации парламентских партий России	136
Вагин М. С.	Влияние бережливого производства на конкурентоспособность российской промышленности	145
Зайцев Э. А.	Теоретические подходы к оценке эффективности реализации молодежной политики	158
Ким А. Л.	Краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы автономных расходов в регионах российского Дальнего Востока	167
Мутдин К. В.	Особенности межэтнических и межконфессиональных процессов в Хабаровском крае: социологическое измерение	178

CONTENTS

The Far East: strategies and development models

Baykov N. M. Berezutskiy Yu. V.	Regional Development and Professional Activities in the Views of the Public Officials in the Russian Far East	8
Sidorova N. P. Sidorov P. G.	Human Resources Potential of Public Authorities: Sociological Aspects	25
Shpakova R. N.	Implementation of Programs to Increase Labor Mobility in the Far Eastern Regions of the Russian Federation	36

Theory and practice of economics and management

Izotov D. A.	Economic Development and Foreign Trade of Russia: Current Situation and Medium-Term Prospects	48
Maslyuk N. A. Medvedeva N. V.	Formation of Investment Proposals and the Trajectory of their Promotion: a Regional Aspect	68
Spassky E. N. Liu Dianbo	Genesis and Current Aspects of Management of the Higher Education System in China: Sociological As- pect	80

Sociology

Krivososova L. A. Kacich I. F.	Ethnic Tolerance as a Way of Interaction Between Population and Migrants: a Sociological Analysis	92

- Gareeva I. A.
Perepechay P. E. Social-Structural Stratification in the Regional Labor Market in the Context of Occupational Prestige among Youth 107
- Zubkov V. V. Migration Representations of the Youth as a Factor in the Development of the Far Eastern Region 118

Post-Graduate Research

- Lada A. S. Youth Migration as an Object of Social Regulation of Migration Processes in the Statistical Dimension 127
- Agarkov K. Yu. Social Networks as a Channel of Political Communication for Parliamentary Parties 136
- Vagin M. S. The Impact of Lean Manufacturing on the Competitiveness of Russian Industry 145
- Zaitsev E. A. Theoretical Approaches to Assessing of the Youth Policy Implementation Effectiveness 158
- Kim A. L. Short-term and Long-term Multipliers in the Regions of the Russian Far East 167
- Mugdin K. V. Features of Interethnic and Interfaith Processes in the Khabarovsk Territory: Sociological Assessment 178

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: СТРАТЕГИИ И МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ

Научная статья

УДК 331.108.2(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-8-24

Региональное развитие и профессиональная деятельность в представлениях служащих органов публичной власти Дальнего Востока России

Николай Михайлович Байков¹, Юрий Владимирович Березутский²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ baykov-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2114-0201>

² berezutskiy-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2930-8765>

Аннотация. В статье представлен анализ результатов социологического исследования «Кадровый потенциал органов власти Дальневосточного федерального округа: состояние, проблемы и перспективы развития», выполненного инициативной группой социологов Дальневосточного института управления – филиала РАН-ХиГС при поддержке аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе. Результаты проведенного исследования свидетельствуют о поступательном развитии Дальневосточных территорий за последние годы: реализация масштабных национальных проектов, привлечение инвестиций под создание и строительство новых предприятий, развитие социальной инфраструктуры, создание тысяч новых рабочих мест, реновация облика дальневосточных городов и общественных пространств в рамках реализации мастер-планов их развития. Большинство государственных и муниципальных служащих в целом оценивают социально-экономическое развитие Дальнего Востока России как положительное, но с наличием ряда серьезных проблем, сдерживающих позитивные тенденции: ростом цен на товары и услуги, качеством здравоохранения и доступностью медицинской помощи, низким уровнем оплаты труда и доступности жилья, миграционным оттоком населения и снижением кадрового потенциала региона. Особая роль в реализации национальной стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока России отводится кадровому потенциалу органов государственной власти и местного самоуправления. Однако самооценки государственных и муниципальных служащих свидетельствуют о недостаточной погруженности большинства из них в смысл, цели и содержание национальных проектов развития России, что может снижать эффективность их деятельности по достижению целевых показателей их реализации в своих регионах. Результаты исследования подчеркивают необходимость повышения статуса государственной и муниципальной службы, а также развития образовательных программ, ориентированных на «социоцентрические» мотивы профессиональной служебной деятельности.

Ключевые слова: кадры, власть, публичная власть, государственные и муниципальные служащие, региональное развитие, Дальний Восток России

Для цитирования: Байков Н. М., Березутский Ю. В. Региональное развитие и профессиональная деятельность в представлениях служащих органов публичной власти Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 8–24. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-8-24>

Original article

Regional Development and Professional Activities in the Views of the Public Officials in the Russian Far East

Nikolay M. Baykov¹, Yuriy V. Berezutskiy²

^{1,2}The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

¹ baykov-nm@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2114-0201>

² berezutskiy-yv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2930-8765>

Abstract. *The article presents the analysis of the results of sociological study «Personnel potential of the authorities of the Far-Eastern Federal District: state, problems and development prospects,» carried out by the initiative group of sociologists of the Far-Eastern Institute of Management - branch of RANEPА with the support from the Office of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Far-Eastern Federal District. The results of the study indicate progressive development of the Far-Eastern territories in recent years: implementation of the large-scale national projects, attracting investments for creation and construction of new enterprises, development of social infrastructure, creation of thousands of new jobs, renovation of the appearance of the Far-Eastern cities and public spaces as a part of implementation of master plans for their development. The majority of state and municipal employees generally assess the socio-economic development of the Russian Far East as positive, but there is a number of serious problems that restrain positive trends: rising prices for goods and services, quality of health care and availability of medical care, level of remuneration and housing affordability, migration outflow of the population and decrease in the personnel potential of the region. Special role in the implementation of the national strategy for socio-economic development of the Russian Far East is given to the personnel potential of the state authorities and local self-government. However, self-assessments by the state and municipal employees indicate an insufficient immersion of the majority of them in the meaning, goals and content of the national development projects in Russia, which may reduce the effectiveness of their activities to achieve the targets for their implementation in their regions. The results of the study emphasize the need to improve the state and municipal services status, as well as the development of educational programs focused on the «socio-centric» motives of professional service.*

Keywords: *personnel, power, public power, state and municipal employees, regional development, the Far East of Russia*

For citation: Baykov N. M., Berezutskiy Yu. V. (2025) Regional Development and Professional Activities in the Views of the Public Officials in the Russian Far East *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 8–24. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-8-24>

Введение

Дальневосточный вектор государственной политики за последние два десятилетия воплотился в значительное по масштабам и объемам инвестиций социально-экономическое развитие российских регионов Дальневосточного федерального округа. Согласно национальным целям развития Российской Федерации органами публичной власти

всех уровней разработаны и реализуются федеральные и региональные проекты и программы, охватывающие все сферы жизнедеятельности дальневосточного населения. Их реализация позволяет постепенно превращать регион в достойное место для жизни и трудовой деятельности.

В регионах Дальнего Востока России реализуются крупные инфраструктурные проекты, образуются новые произ-

водства и рабочие места, обновляются сферы здравоохранения, образования и культуры. Благодаря льготной дальневосточной ипотеке более доступным становится современное жилье, формируется комфортная среда жизнедеятельности и многое другое.

Однако позитивные изменения в региональном развитии не снимают с органов публичной власти ответственность за наличие острых проблем, негативно влияющих на жизнедеятельность дальневосточников. В немалой степени они являются триггерами масштабного миграционного оттока постоянного населения, продолжающегося с 90-х гг. XX в., высоких показателей естественной убыли и низкой рождаемости.

Санкционная политика недружественных стран против России, навязанная ей война за независимость и суверенитет в ходе Специальной военной операции оказывают негативное влияние на социальное самочувствие дальневосточного населения и социально-экономическое развитие макрорегиона. Эти тенденции действуют вкупе с общероссийскими проблемами высокого уровня социально-экономического неравенства в российских регионах: роста цен на товары и услуги, неудовлетворенности состоянием здравоохранения и качеством медпомощи, ограничения доступности к обеспеченности комфортным жильем и другими социально значимыми проблемами для дальневосточного населения.

В этой связи роль государственных и муниципальных служащих, их эффективная служебная деятельность на замещаемых должностях в органах публичных власти в немалой степени обусловлена владением не только набором управленческих компетенций, но и социальных знаний об объектах своего влияния для достижения поставленных целей регионального развития.

Изучение социальных представлений государственных и муниципальных служащих о развитии регионов и муници-

пальных образований, а также своей служебной деятельности позволяет оценить как состояние и проблемы жизнедеятельности дальневосточного населения, так и свою собственную роль как субъектов профессиональной деятельности.

Методология исследования

В отечественной литературе нет общепринятого определения термина «региональное развитие» и авторы определяют его по-разному, но обычно – как «региональное экономическое» или же «социально-экономическое развитие». При этом в содержание этих терминов вкладываются и другие факторы развития (демографические, инновационные, территориальные и др.) [Вечкинзова, 2010. С. 72].

Нормативное правовое регулирование социально-экономического развития субъектов РФ и муниципальных образований как методология государственной политики интерпретирует этот термин как «расширенное воспроизводство и постепенные качественные и структурные положительные изменения экономики, производительных сил, факторов роста и развития, образования, науки, культуры, уровня и качества жизни населения, человеческого капитала».¹

С началом второго десятилетия XXI в. социально-экономическое развитие российского общества базируется на национальных проектах федерального и регионального уровней, реализуемых по Указам Президента РФ и решениям органов государственной власти. В 2019–2024 гг., а также на новом этапе до 2030 г. и на перспективу до 2036 г.², они актуализируют служебную деятельность служащих органов публичной власти на реализацию национальных целей развития по достижению комплексного эффекта в социально-экономическом развитии регионов и муниципальных образований. Они призваны объединять все органы публичной власти, граждан, бизнес-сообщество и все созидательные силы российского общества.

¹ Торгашев Р.Е. Социально-экономическое развитие регионов России. URL: <https://clck.ru/3GXJy9> (дата обращения 05.02.2025 г.).

² Национальные проекты (программы) и федеральные проекты, принятые в рамках национальных проектов. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310251/1caf1bd3e1d25c87f89d45f48b5fc7f08cb5063a/ (дата обращения 05.02.2025 г.).

При этом основными социальными ресурсами повышения эффективности органов государственной власти служат доверие населения к власти, эффективное управленческое взаимодействие, управление карьерой чиновников и др. [Байков, 2000. С. 131].

Методологическим основанием для служебной деятельности органов публичной власти служит определение Президентом Российской Федерации В. В. Путиным развития Дальнего Востока как национального приоритета на весь XXI век. При этом национальный приоритет в деятельности органов власти реализуется посредством комплексной государственной программы³, разработанной на основе стратегических документов по развитию регионов Дальнего Востока России⁴.

Социально-экономическое развитие регионов измеряют традиционными экономическими показателями (ВВП, душевой доход, производительность труда и темпы их роста) и используют оценку продолжительности жизни, уровня здоровья населения, степени его образования и квалификации. Не менее важную роль имеют и субъективные оценки представителей органов публичной власти вектора изменений в экономике и социальной сфере регионов.

Результаты социологического опроса государственных и муниципальных служащих о социально-экономическом развитии своих регионов могут быть рассмотрены с точки зрения теории социальных представлений как специфическая форма социального знания [Moscovici, 2001]. Их рассматривают через набор понятий, убеждений и объяснений, возникающих в повседневной коммуникации людей и возникают в процессе укоренения и объективизации объекта познания. При этом люди не только деформируют или

избирательно воспринимают какую-либо информацию в соответствии с разделяемыми ими представлениями, но и сама реальность структурируется на их основе, как своеобразные критерии при ответе на вопрос о реальности происходящего. В этой связи представления можно рассматривать как форму социальной реконструкции реальности.

Результаты исследования

Драйверами экономического развития Дальнего Востока России стали создание новых рабочих мест, привлечение инвестиций и строительство предприятий. По состоянию на 2023 г., в ДФО было сформировано около 130 тыс. рабочих мест, а уровень притока инвестиций в три раза превысил общероссийский. За год было введено 220 объектов капитального строительства по нацпроектам и 74 объекта в рамках президентской единой субсидии. По оценке Ю. П. Трутнева, развитие Дальнего Востока стало общепризнанным фактом. Оно основано на людях, которые работают в Магаданской области и Якутии, на Сахалине и в Хабаровском крае, в Приморье и Еврейской автономной области.⁵

В 2024 г. чистый приток инвестиций в экономику Дальнего Востока России составил 900 млрд руб. Кроме того, в регионе построили 171 новое предприятие и создали 19 тыс. рабочих мест. По единой президентской субсидии за 6 лет построили более 1900 соцобъектов. В их числе: 233 школы и детских сада, 68 больниц, 75 спорткомплексов, 480 спортплощадок, 49 объектов культуры, более 50 фельдшерско-акушерских пунктов. Также модернизировали коммунальную и транспортную инфраструктуру, закупили новые автобусы, оборудование для медцентров, мастерских и колледжей.

³ Государственная программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальневосточного федерального округа» (Наименование в редакции Постановления Правительства Российской Федерации от 30.11.2023 № 2031). URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&infostr=xO7q8+zl7flg7vLu4fDg5uDl8vH/IO3lIOIq7+7x6+Xk7eXpIPDI5ODq9ujo&backlink=1&nd=102349317&page=1&rdk=12#10 (дата обращения 06.02.2025 г.)

⁴ Постановление Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2023 г. № 2031 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». URL: <http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102349317&backlink=1&nd=606192363> (дата обращения 06.02.2025 г.)

⁵ Подведены итоги социально-экономического развития ДФО в 2023 году. URL: <https://news.mail.ru/politics/59455297/?ysclid=m5ryrp65yo248479432> (дата обращения 07.02.2025 г.)

Удалось благоустроить почти 500 общественных территорий и более 1800 дворов, отремонтировать 388 км дорог⁶.

Согласно результатам нашего социологического исследования⁷, большинство опрошенных служащих органов публичной власти оценивают социально-экономическое развитие Дальнего Востока позитивно, отмечая, что «ситуация более или менее нормальная» (50%) и «дела идут хорошо» (19%). Критически оценивает социально-экономическое развитие своих субъектов ДФО («наличие серьезных проблем») пятая часть служащих (22%), и еще статистически незначимая доля опрошенных видит в развитии «кризисную ситуацию» (4%). При этом если в положительных оценках не выявлено существенных различий между государственными и муниципальными служащими, то на «наличие серьезных проблем» указали одна третья часть государственных служащих и две трети муниципальных служащих.

Оценки служащими социально-экономического развития своих субъектов, как позитивно, так и критически, существенно различаются. Так, четверо из десяти служащих Сахалинской области считают, что «дела идут хорошо» (42%) и «ситуация более или менее нормальная» (46%), на второй позиции – Республика Саха (Якутия) (соответственно 21% и 58%), на третьей – Амурская область (соответственно 21% и 56%).

Служащие органов публичной власти оценивают развитие своих регионов (в сумме вариантов ответов «дела идут хорошо» и «ситуация более или менее нормальная») на уровне или близком к среднему по ДФО (69%): Приморский край (68%), Республика Бурятия (66%), Магаданская область (62%), Хабаровский край (64%) и Чукотский АО (61%).

Ниже среднего, чем в целом по

ДФО, служащие оценивают развитие Забайкальского края (56%), Камчатского края (52%). Наиболее критично служащие оценивают социально-экономическое развитие ЕАО, отмечая, что «есть серьезные проблемы» (40%) и «ситуация кризисная» (10%). При этом только третья часть опрошенных считает, что «ситуация более или менее нормальная» (36%), а менее десятой части отмечают, что «дела идут хорошо» (8%).

Прогностические мнения служащих об улучшении жизни населения (в сумме вариантов ответа «значительно улучшится» и «немного улучшится») в субъектах РФ к 2030 г. разделяет половина опрошенных представителей органов публичной власти ДФО (55%), примерно пятая часть считает, что уровень жизни «останется такой же, как сегодня» (18%). Высокий уровень позитивных представлений на улучшение жизни населения до 2030 г. в своих субъектах демонстрируют ответы представителей органов власти Республики Саха (Якутия) (70%), Сахалинской области (67%); наиболее низкий отмечается в ЕАО (42%). Менее десятой части опрошенных делают прогноз на изменение жизни населения в своем субъекте РФ (республики, края, области) к 2030 г. в сторону ухудшения (в сумме вариантов ответа «немного ухудшится» и «значительно ухудшится»).

Независимо от отмеченного выше вектора перемен социально-экономического развития своих регионов, 5784 служащих (около 49%) самостоятельно написали основные причины таких изменений в ответе на открытый вопрос анкеты. Большинство из ответов служащих органов публичной власти субъектов ДФО состоят из односложных нарративов, но немалая их часть содержит и развернутые обоснования. Они отражают как общие для страны изменения, так и их преломление в региональном измерении.

⁶ Юрий Трутнев подвел итоги развития Дальнего Востока в 2024 году // Дальневосточное обозрение. URL: <https://dvoobozrenie.ru/news/6575/> (дата обращения 07.02.2025 г.)

⁷ Здесь и далее. Социологическое исследование по теме: «Кадровый потенциал органов власти Дальневосточного федерального округа: состояние, проблемы и перспективы развития» выполнено инициативной группой социологов Дальневосточного института управления – филиала РАН-ХиГС при поддержке Аппарата полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе, 2024 г. В рамках данного исследования в качестве объекта выступали государственные и муниципальные служащие всех 11 субъектов РФ ДФО. Общий объем выборки составил 11831 респондентов. Научный руководитель – канд. социол. наук, доцент Ю. В. Березутский.

На позитивную динамику изменения в различных сферах социально-экономического развития указывают следующие ответы опрошенных:

- «Бесперебойное финансирование социальных выплат гражданам, строительство жилых домов, больницы, школ. Модернизация оборудования в больницах, в учреждениях образования, обновление пассажирского автомобильного и ж/д транспорта, снижение безработицы, развитие на ДВ гектарах сельскохозяйственного назначения предпринимательства и т. д.».

- «Активно разрабатываются и внедряются меры поддержки гуманитарных отраслей, малого и среднего бизнеса, развиваются международные отношения и совместные проекты, строятся новые объекты. Есть поддержка для креативного кластера. Постоянная обратная связь с жителями региона органов региональной и муниципальной власти. Рост активности среди населения региона, есть желание развивать свой регион».

- «Благоустраиваются места отдыха, придомовые территории, строится жильё, нужно ещё отремонтировать и обеспечить школы и детские сады, построить новые больницы с нормальным доступом для тех, кто не может двигаться по лестницам».

- «Уже сейчас мы видим, как развивается регион: строительство, сельское хозяйство, социальная сфера, развитие отношений с китайской стороной. И это происходит во время непростого периода для нашей страны. К 2030 году, когда закончится СВО, развитие нашей области будет только крепнуть».

- «Благоустройство городов значительно выросло. Стало чище, красивее. улучшилось оснащение школ, больниц. Я думаю, что переход на проектное управление (и контроль исполнения на всех уровнях) возымел свой эффект».

- «Большой объем инвестиций поступает в регион – за счет этого ремонтируются объекты социальной сферы. С 2022 г. я наблюдаю в своем регионе, что ремонтируемых объектов по всей области стало в разы больше».

- «Улучшилось отношение к людям в медицине, к инвалидам, переселение из

ветхого и аварийного жилья, ремонтируются дороги».

- «Улучшение качества жизни; возможность работать, получать образование, создавать семьи, иметь жильё; социальная защищенность, комфортные условия жизни».

Государственными и муниципальными служащими отмечены позитивные изменения в социально-экономическом развитии дальневосточных регионов:

- «Привлечение инвесторов, реализация проектов, направленных на снижение уровня бедности населения, повышение рождаемости, снижение смертности в регионе, принятие мер по привлечению специалистов (в том числе молодых) в регион, сохранение социальной направленности бюджета Сахалинской области и др.».

- «Политика, проводимая Президентом РФ по вопросам развития Дальнего Востока, благополучно уже сегодня отражается на развитии Амурской области».

- «Реализация национальных проектов, в т. ч. направленных на повышение качества госуправления, образования и медицины; строительство моста через р. Лена, газификация населенных пунктов, реализация мастер-планов городов и крупных промышленных инвестиционных объектов, развитие опорных пунктов. Социальная, транспортная и иная инфраструктура развивается быстрыми темпами, при этом удорожание стоимости обслуживания этой инфраструктуры без государственных мер поддержки невозможно, от этого цены будут расти опережающими темпами».

- «Строятся новые объекты (жилые дома, медицинские, образовательные, спортивные учреждения), облагораживаются дворовые территории, появляются новые, современные парки, очистилась бухта Нагаева. В таком регионе комфортно, уютно, удобно жить».

- «Согласно мастер-плану Якутской агломерации, к 2030 г. планируется прирост населения города, прирост занятых в экономике города, строительство нового жилищного фонда, прирост креативного сектора, прирост ВВП, прирост налоговых поступлений».

- «Усиление взаимодействия При-

морского края со странами Азиатско-Тихоокеанского региона за счет развития инфраструктуры и усиления инвестиционной привлекательности».

- «Увеличение бюджета Забайкальского края, участие муниципальных образований края в национальных проектах, федеральных программах, ориентированность на людей, их благополучие».

- «Смена Губернатора и оргштатные изменения в структуре Правительства Хабаровского края, привлечение федеральных средств для реализации новых проектов».

Доминантой обеспокоенности населения своих регионов, по мнению представителей органов публичной власти, отраженной в их нарративах, являются общесистемные процессы инфляции, состояние сфер здравоохранения, образования, доступность жилья, отток дальневосточного населения и другие.

В ответах государственных и муниципальных служащих лидирует озабоченность ростом цен на товары и услуги вкупе с критическими оценками уровня оплаты труда в регионах:

- «Бешенный рост цен на продукты, бензин, услуги ЖКХ, медикаменты, квартиры, зарплаты не растут так, как растут цены».

- «Хоть и принято считать, что здесь высокие зарплаты, только вот цены гораздо быстрее растут, чем сами зарплаты. Когда-то 100 тыс. рублей здесь ощущались как «разгуливание на широкую ногу», сейчас эта сумма уходит практически в ноль к следующему авансу».

- «Потому что реально выживаем, особенно в северных районах, нет элементарных продуктов питания, врачей, все дорого, самолет в один конец стоит 30 тыс. руб. до столицы, пенсионный возраст повысили несмотря на трудности приравняли с южными регионами, дороги даже в центре города убитые».

- «Повышение ставки на ипотечные кредиты, нереально приобрести собственное жилье с такими высокими ценами на недвижимость и завышенными первоначальными взносами, ввиду этого люди будут уезжать туда, где есть возможность приобрести жилье по приемлемым ценам».

- «Ужасный рост цен на жилье, продукты, бензин и ЖКХ. Индексация зарплат не улучшает положение дел, поскольку никто не регулирует рост цен. Дошло до смешного, цены на авиабилеты настолько неподъемные, что Аэрофлот предлагает купить их в беспроцентную рассрочку».

- «У молодежи нет возможности купить жилье с такими ценами, цены растут быстрее заработной платы, очень дорогая электроэнергия, в отличие от других субъектов, и вопрос не решается, квартплата высокая».

- «Улучшение жизни населения зависит от увеличения доходов жителей регионов, ввиду постоянного удорожания цен на коммунальные и прочие услуги, бензин и продукты жизнь населения не улучшится. Увеличение и индексирование заработной платы не соответствует растущим расходам человека».

- «Ухудшение – отсутствие федерального финансирования модернизации отрасли ЖКХ и низкий уровень денежной обеспеченности граждан в силу высоких цен на товары и услуги».

- «Уровень жизни населения упадет в связи с высокими ценами на жилье, автомобили, товары, услуги, нехваткой квалифицированных кадров (врачей, учителей и пр.), высокими процентными ставками на кредиты».

- «Повышение утилизационного сбора на автомобили провоцирует резкий рост цен на автомобили и их содержание плюс рост цен на топливо влечет за собой рост цен на все виды товаров и услуг».

- «С проведением СВО сложно делать прогнозы по поводу экономики, однако цены с каждым месяцем всё выше, ключевая ставка также растет, жилье стало недоступно для покупки, съём – также подорожал».

Текущая ценовая ситуация и ее последствия для населения как социальная реальность отражаются в общественном сознании представителей публичной власти не столько как сугубо экономическая, сколько как более широкая комплексная проблема государственной политики:

- «Развиваются» не те векторы, которые нужны населению. Рост цен на жилье способствует оттоку из региона мо-

лодых людей».

- «Низкое качество услуг здравоохранения, образования, отдаленность от центра, выезд населения за пределы региона, низкая зарплата, нехватка кадров».

- «Низкие заработные платы, отток населения, люди работают вахтой, система образования не соответствует повышению уровня образованности, медицина оставляет желать лучшего, люди выгорают, в субъекте нет собственного производства».

- «2030 год не так уж и далеко, чтобы произошло что-то колоссальное. 6 лет слишком мало, чтобы что-то изменилось в лучшую сторону. Будет демографическая яма, дефицит рабочих рук».

- «Большой отток местного населения в западные регионы страны в связи с отсутствием нормальных условий для проживания, высокими ценами на все услуги, товары, жильё. Отсутствие высокооплачиваемых рабочих мест в регионе по сравнению с западными. Регион является территорией опережающего развития, однако проявляются только деградация региона, отсутствие развития в различных областях и сферах деятельности и многое другое».

- «Большой отток населения, нехватка врачей, педагогов в населенных пунктах, отсутствует финансовая поддержка сел, деревень и малых городов».

- «Большой отток населения, нехватка врачей, учителей, нерегулируемая ценовая политика на основные продукты питания».

- «Боюсь депопуляции региона, особенно сельской и арктической его части. Жизнь на Севере – это борьба за выживание в силу климатических, пространственных факторов. Сейчас оттоку постоянного населения способствуют обветшание инфраструктуры территорий, применение вахтового метода работы на крупных предприятиях, массовый приток мигрантов».

- «Сокращение численности населения, низкий уровень заработной платы при значительном росте цен на товары и коммунальные услуги, низкий уровень культуры населения, низкий уровень образовательных услуг, оптимизация системы здравоохранения».

- «Снижение доступности и качества медицинских и транспортных услуг по причине укрупнения, банкротства муниципальных учреждений; низкий уровень зарплат, несоответствие в оплате труда специалистов одного уровня квалификации в разных отраслях по причине отсутствия единой тарифной сетки; отсутствие работы в малых городах и отток населения; снижение уровня доступности жилья; рост цен на товары и услуги».

Оценочные нарративы некоторой части представителей органов власти отражают критическое видение ими последствий для развития детей и молодежи:

- «Цены на жилье растут с очень быстрой скоростью, ипотечных программ нет (про людей от 36 лет), для молодых семей до 36 лет льготные ипотеки по космическим ценам за кв. м., цены на продукты питания высокие при наличии своего производства и животноводства, качество продуктов оставляет желать лучшего. Развитие для детей нет никакого, да, имеются спортивные секции, но не на том уровне, на котором можно развиваться, дороги в городе Благовещенске в печальном состоянии. Экскурсий для детей нет, а если и есть – цена, конечно, зашкаливает, к примеру, классом съездить на космодром «Восточный» на одного ребенка цена 8000 тыс. руб., из класса единицы, кто может себе позволить отправить своего ребенка, это вкратце. И дальше будет только печальнее».

- «Хочу, чтобы город развивался не только промышленными и торговыми предприятиями, но и больше строились комплексы для отдыха молодежи и всего населения города. В самом центре города стоят руины архитектурных сооружений советской эпохи «Дворец ЗЛК» и «Строитель» – ужасное зрелище, ведь это лицо города. Очень хотелось бы вернуть трамвайное движение в современном виде».

- «Хочется верить, что обратят внимание на уровень жизни людей, материальный достаток, уровень здравоохранения. Молодежь будет оставаться в крае и на учебу, и на работу. Появится стимул создавать семьи, рожать детей. Благоустройство дворов, территорий, строительство новых развязок».

и дорог, строительство спортивных комплексов и стадионов позволит облегчить жизнь населения».

Благоустройство территорий, как среда для качественного жизнеустройства, субъективно негативно оценивается частью представителей органов власти:

- «Активность жителей в вопросах благоустройства повышается, но на состояние жилищного фонда они повлиять не могут».

- «Благоустройство, отменить хаотичное строительство новых домов, создание больше парков с громадным озеленением, больше скверов и мест отдыха для всех поколений».

- «Точечная застройка, высокие цены на недвижимость, отсутствие социальной инфраструктуры, стремление властей превратить город в бетонные джунгли, огромные проблемы с общественным транспортом, недееспособность властей грамотно организовать дорожное движение, транспортную инфраструктуру, рост цен не соотносится с ростом зарплат».

- «Касательно самого Владивостока: большие проблемы с транспортом, которые не решаются, проблемы с инженерными коммуникациями и точечными застройками без инфраструктуры».

Оценочные суждения отдельных представителей органов публичной власти, отражают их представления о происходящих изменениях в своих регионах:

- «Ничего не меняется десятилетиями. Чиновники большого ранга воруют, отмывают деньги. Большинство людей получают мизерные зарплаты и пенсии. Процветает по-прежнему неофициальное трудоустройство. Жилье не предоставляется. Кто встал в очередь до 2005 года, имеет право в ней состоять и стоит, только очередь не двигается, разве что на несколько пунктов за счет тех, кто выбыл из нее естественным образом (умер). А дворцы и шикарные дома множатся, но не для тех, кто в очереди».

- «Администрации городских округов занимаются отписками, власть закрывает глаза на происходящие нарушения норм и требований законодательства по отношению к гражданам ради достижения эфемерных показателей».

- «Все останется такое же, как сегодня, потому что лишь единицы серьезно заинтересованы в практической реализации социальной политики. А основное большинство стремится отделяться отписками, никто не хочет разбираться в вопросах реально, чтобы не делать работы больше, чем привыкли и не получить от руководства за излишнюю инициативу».

- «В ближайшие 5 лет руководить регионом будут вновь избранный губернатор и его команда. Многие из них - не местные, соответственно, не будут душой рады за своё дело. К тому же, в правительстве и министерствах люди часто меняются, что тоже негативно сказывается на управлении и решении вопросов. Особенно тех, что требуют вдумчивости, стратегического подхода, поэтапности. Но поскольку в крае реализуются многие программы (федеральные, краевые) и за их исполнением ведётся строгий контроль, надеюсь, что жизнь понемногу всё же будет улучшаться».

- «Ухудшение экологической ситуации в связи с увеличением неэкологичных видов упаковок, а также с ростом «ненадежной» бытовой техники и других видов, увеличением числа курильщиков и увеличением пивных заведений, магазинов, торгующих алкогольной продукцией, все это может сказаться на ослаблении физического здоровья людей, либо деградацией в целом, отсутствия интереса у большинства людей трудиться на благо Бурятии».

- «Уже 2025 г., объекты планируемые в СЭР вряд ли будут реализованы, участки, выданные на льготных условиях инвесторам, резидентам не спешат застраиваться, производств по импортозамещению не появляется, возможность подведения инженерной инфраструктуры отсутствует, бюрократические барьеры во всех сферах и уровнях власти, создали очень много программ поддержки в сфере земельного и градостроительного законодательства, а органы власти на всех уровнях оказались не готовы к этому».

- «Поменяйте направление законов на ответственность непосредственного исполнителя по концессиям! Внесите

изменения в 44-ФЗ или отмените его вообще. Где школа, где мосты? Где люди, взявшие деньги и пропавшие без вести! Где ответственность этих людей именно как исполнителей по государственным контрактам, а не заказчика по 44-ФЗ или руководства региона, на которое порой можно списывать многое. Доработайте или отмените эти закупки с таким подходом! Только реализовать бюджет, только исполнить, а качество работ исполнителей по этим аукционам просто ужасное. Как итог – деньги не помогают развивать субъект! Ведь мы живем тут, тут наши дети!».

Представления части служащих органов публичной власти об основных причинах изменений в социально-экономическом развитии своих регионов, самостоятельно изложенные в нарративах, коррелируют с ответами большинства опрошенных о проблемах жителей.

Государственные и муниципальные служащие обозначили широкий спектр проблем, волнующих дальневосточников, среди которых наиболее значимыми являются: рост цен на товары и услуги (63%), здравоохранение и получение качественной медпомощи (60%), достойная оплата труда (59%), жилищная проблема (доступность жилья) (51%), состояние ЖКХ (41%), уровень жизни (34%), благоустройство улиц, дворов, дорог (34%), получение качественного образования (30%), трудовые мигранты (27%), алкоголизм, пьянство (26%), уверенность в завтрашнем дне (24%), безработица или опасность не найти (потерять) работу (23%), проведение СВО (18%), возможности для самореализации, развития молодежи (13%).

Однако представления служащих органов публичной власти о наиболее значимых для жителей проблемах различаются по субъектам Дальнего Востока. Так, оценки «роста цен на товары и услуги» высказывают в большинстве регионов по две трети опрошенных (60–65%), но более критичны оценки в Магаданской области (73%), Камчатском крае (72%) и Чукотском АО (67%). По данным Центро-

банка РФ, инфляция в регионах Дальнего Востока опережает общероссийскую, и ДФО вошел в тройку лидеров по росту цен. В ежемесячной динамике темпы роста цен снизились в четырех субъектах, в остальных наблюдалось повышение⁸.

Более критично, чем в целом по ДФО (в среднем 60%), оценивают здравоохранение и получение качественной медицинской помощи в Магаданской области (80%), ЕАО (80%), Камчатском крае (78%) и Чукотском АО (78%). Менее критично – в Республике Саха (Якутия) (32%), Республике Бурятия (49%), Сахалинской области (49%).

По мнению служащих, очень значимой для населения является проблема достойной оплаты труда, которая выше, чем в среднем по ДФО (59%) в ЕАО (76%), Республике Бурятия (72%), Забайкальском крае (66%) и ниже – в Сахалинской области (31%), Камчатском крае (42%) и Чукотском АО (53%).

Значимость жилищной проблемы для населения с точки зрения доступности в большей мере, чем в ДФО (51%), отмечают служащие Чукотского АО (78%), Камчатского края (60%), Амурской области (56%), в меньшей мере – служащие ЕАО (40%), Сахалинской области (42%), Магаданской области (46%).

Особую значимость состояния ЖКХ для населения ДФО отмечают четверо из десяти опрошенных (41%), но выше в Магаданской области (57%) и Камчатском крае (54%), ниже – в Сахалинской области (23%).

В ряде регионов значительно выше, чем в среднем по ДФО (27%), оценивается значимость приезда трудовых мигрантов: Магаданская область (44%), Приморский край (36%), Камчатский край (35%), Хабаровский край (34%), Сахалинская область (34%).

Проблемы алкоголизма, пьянства фиксирует четвертая часть служащих в целом по ДФО (26%), в то время как в Республике Бурятия (43%), Чукотском АО (40%), Республике Саха (Якутия) (38%) и Забайкальском крае (34%) оценки несколько выше.

⁸ Инфляция в регионах: Дальний Восток в тройке лидеров по темпам роста цен. URL: <https://dvobozrenie.ru/news/6647/> (дата обращения 08.02.2025 г.)

Безработица или опасность не найти (потерять) работу как особо значимая проблема для населения указывается каждым четвертым опрошенным служащим в целом по ДФО (23%), но выше оценки в ответах служащих Забайкальского края (35%), Республики Бурятия (31%) и Республики Саха (Якутия) (29%).

На решение системных проблем российской общества направлена деятельность всех органов публичной власти по реализации национальных проектов. В этой связи Президент РФ В. В. Путин подчеркивал, что «работа по нацпроектам должна быть экономически обоснованной и иметь реальные результаты. Оценивать ее необходимо не «по бумагам», а исходя из реалий и влияния на жизнь людей»⁹. Быстрее достичь поставленных целей повышения качества жизни россиян можно за счет участия органов власти регионов в федеральных программах, предполагающих дополнительное финансирование.

В этой связи результативность деятельности органов публичной власти во многом зависит от того, насколько хорошо государственные и муниципальные служащие представляют смысл, цели и содержание национальных проектов (программ), реализуемых на территории Дальнего Востока России.

По данным опроса, только третья часть служащих органов власти ДФО отмечает, что «имеют хорошее представление» (32%) о смысле, целях и содержании национальных проектов (программ), реализуемых на территории Дальнего Востока России. Большая часть служащих имеют лишь «общее представление» (45%), а каждый восьмой лишь «кое-что представляет» (12%). При этом существенных различий в представлениях служащих в регионах ДФО по данному вопросу не выявлено. Обозначенные тенденции актуализируют внедрение в образовательные программы повышения квалификации и профессиональной переподготовки государственных и муниципальных служащих занятий по погружению их в специфику реализуемых на территории Дальнего Востока Рос-

сии национальных программ и проектов в особенности привлечения средств для финансирования проектов и программ на территориях своих регионов.

Как подчеркивают в своем исследовании по оценке личностно-деловых качеств государственных и муниципальных служащих Переверзева А. А. и Шуклинова М. В., акцент в обучении служащих необходимо делать на развитие навыков принятия нестандартных решений в постоянно меняющихся условиях: «в условиях построения сервисного государства, ориентированного на обеспечение потребностей гражданского общества и развитие экономики, требуется развивать и совершенствовать качества, позволяющие адаптироваться к постоянно изменяющимся условиям, быстро усваивать большие объемы информации, решать нестандартные ситуации в условиях дефицита времени и ресурсов» [Переверзева, Шуклинова, 2016. С. 157].

Удовлетворенность государственных и муниципальных служащих своей служебной деятельностью – один из значимых факторов их профессионализма в создании условий для социально-экономического развития своих регионов и Дальнего Востока России в целом. При этом удовлетворенность служебной деятельностью оказывает влияние не только на кадровую стабильность, стрессоустойчивость, качество командной работы, уровень мотивации к выполнению служебных обязанностей, но и на повышение репутации органов публичной власти и повышение доверия к ней населения.

Одним из значимых показателей, характеризующих удовлетворенность служащих профессиональной деятельностью, выступают представления служащих о престиже государственной и муниципальной службы в общественном мнении. Результаты исследования свидетельствуют, что высокий статус госслужащего оценили примерно четвертая часть (27%), а муниципального служащего – лишь пятая часть (20%) опрошенных. При этом половина опрошенных

⁹ Путин: вся работа по нацпроектам должна быть посвящена реальным результатам. Электронный ресурс. URL: https://dzen.ru/a/Z3_Ogibj0llJVqyB?ysclid=m7u73m0et4731163516 (дата обращения 10.02.2025 г.)

(48%) отмечает невысокий престиж статуса государственного и муниципального служащего в глазах жителей. Эти представления опрошенных служащих коррелируют с оценками изменения авторитета органа власти в общественном мнении населения региона за последние год-два. Так, одна часть опрошенных считает, что авторитет регионального органа власти повышается (28%), другая считает, что он не изменяется (38%), третья часть считает, что он снижается (18%). Незначительная доля опрошенных затруднилась ответить (16%).

Большинство служащих достаточно мотивированы на профессиональное развитие и демонстрируют высокий уровень заинтересованности в своем дальнейшем профессиональном продвижении. Так, подавляющее большинство служащих (72,3%) в той или иной степени заинтересованы в дальнейшем своем продвижении по службе. При этом каждый пятый опрошенный (20,8%) отметил отсутствие такого интереса. Однако сами служащие в подавляющем большинстве достаточно скептически относятся к перспективам своего продвижения по служебной лестнице, считая, что такая возможность либо «малореальная» (37,3%), либо «совсем не реальная» (10,9%), либо «затруднились с оценкой такой возможности» (13,3%). Меньшая часть опрошенных служащих (38,6%) оценила перспективы своего продвижения по службе как «весьма реальные» (6,9%) или «реальные» (31,7%). Такая ситуация может свидетельствовать либо о реальной неопределенности в органах власти по отношению к работе с кадрами, кадровым резервом; недостаточности мотивации служащих к профессиональному росту, либо о недостаточности обратной связи органа власти со служащими. В любом случае, понимание служащими возможностей и перспектив своего профессионального развития и карьеры в служебной деятельности значительно повышает мотивацию к работе, профессионализму, удовлетворенности службой.

Ряд исследований свидетельствуют об отсутствии системности в работе с кадровым потенциалом органов государственной власти и местного самоуправления: «несмотря на то, что работа с кадровым резервом регламентирована и реализуется

целенаправленно, отсутствие системности и ориентация на решение в большей степени операционных задач затрудняют развитие кадрового потенциала государственной службы, не способствуют формированию «скамейки запасных», готовых эффективно справляться с современными вызовами» [Ясинская, Сладкова, Петрова, 2022. С. 379].

О неустойчивости представлений служащих о перспективах своего профессионального развития косвенно могут свидетельствовать самооценки перспектив потерять свою нынешнюю работу. Высокий уровень обеспокоенности этим в органе власти может свидетельствовать о наличии таких проблем, как отсутствие стабильности и неопределенности в отношении работы с кадрами, о проблемах недоверия и качества обратной связи с сотрудниками, реальных недостатках возможностей для карьерного роста, проблем психологического климата в коллективах. Следует отметить, что практически половина государственных и муниципальных служащих (47,1%) в той или иной степени беспокоит перспектива потерять свою нынешнюю работу. С другой стороны, такие оценки могут свидетельствовать о достаточно высокой степени мотивации к службе.

Результаты опроса государственных и муниципальных служащих отражают обозначенные выше характеристики и свидетельствуют, что для улучшения работы органов власти различного уровня наибольшее значение имеет рост заработной платы, развитие профессионального потенциала служащих и улучшение социально-психологического климата (табл. 1).

При этом результаты опроса свидетельствуют о высоком уровне удовлетворенности различными аспектами служебной деятельности государственных и муниципальных служащих. В большей степени служащие удовлетворены взаимоотношениями с коллегами и руководством, режимом и условиями труда, полезностью работы для общества. В меньшей степени служащие выражают удовлетворенность уровнем оплаты труда, перспективами самореализации, а также возможностью влиять на положение дел в регионе (табл. 2).

В целях повышения доверия общества

Таблица 1

Результаты ответов респондентов на вопрос: «Что, на Ваш взгляд, имеет наибольшее значение для улучшения работы органов власти различного уровня?» (в процентах от числа опрошенных)

Факторы улучшения работы	%
Увеличение заработной платы	71,1
Развитие профессионального потенциала служащих	55,7
Улучшение социально-психологического климата в коллективах	32,7
Улучшение стиля руководства	30,4
Совершенствование системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации	29,8
Улучшение координации работы различных структур	27,1
Совершенствование работы по подбору кадров	27,0
Усиление ориентации на потребности граждан	18,6
Совершенствование работы с кадровым резервом	15,7
Усиление прозрачности и гласности работы структур с помощью СМИ	5,7
Усиление контроля над деятельностью структур со стороны контрольно-надзорных органов	4,3

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования «Кадровый потенциал органов власти Дальневосточного федерального округа: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

Таблица 2

Результаты ответов респондентов на вопрос анкеты: «Какие из следующих обстоятельств Вашей работы удовлетворяют Вас, а какие нет?» (в % от числа опрошенных)

Обстоятельства работы	В той или иной степени удовлетворяет	В той или иной степени не удовлетворяет	Затрудняюсь ответить
Взаимоотношения с коллегами	94,0	2,8	3,2
Отношения с начальством	87,7	6,8	5,6
Режим труда	87,4	9,5	3,1
Условия труда	86,5	9,5	4,1
Полезность работы для общества	84,2	6,7	9,2
Возможность видеть конкретные результаты своего труда	81,2	9,3	9,5
Техническая оснащенность рабочего места	79,1	18,1	2,8
Престиж профессиональной деятельности	72,5	14,4	13,1
Уровень социальной защищенности	71,5	18,7	9,9
Перспектива самореализации, карьеры	63,6	17,9	18,5
Возможность влиять на положение дел в крае, области	50,7	16,9	32,4
Уровень оплаты труда	45,5	48,7	5,7

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования «Кадровый потенциал органов власти Дальневосточного федерального округа: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

к государственным институтам Российской Федерации, обеспечения условий для добросовестного и эффективного исполнения государственными и муниципальными служащими органов публичной власти должностных обязанностей, исключения злоупотреблений в процессе

служебной деятельности разработаны и утверждены общие принципы их служебного этикета¹⁰. Качества служебного этикета в значительной степени способствуют созданию положительного имиджа государственной и муниципальной службы, а также повышают доверие граждан

¹⁰ Общие принципы служебного поведения государственных служащих (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 25.08.2021 № 493). URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/18458> (дата обращения 11.02.2025 г.)

к органам власти, их руководителям.

Как подчеркивает Д. А. Савчук, «можно говорить о соответствии кадрового потенциала государственной гражданской службы принципу социальной и профессиональной востребованности, если он обладает совокупным набором качеств и возможностей, обеспечивающих его как субъекта управления ориентацией на проблемы объектов управления, а также стремлением к сохранению и развитию социально-профессионального потенциала каждого государственного служащего» [Савчук, 2016. С. 44].

Для самооценки наиболее значимых для служебной деятельности качеств служебного этикета служащих органам публичной власти в анкете был предложен их перечень. По мнению опрошенных, наиболее значимыми качествами служеб-

ного этикета для большинства респондентов (выбор более чем половины опрошенных) выступают профессионализм и командная работа: «ответственность» (79%), «профессионализм» (77%), «добросовестность» (65%), «умение работать в команде» (64%), «дисциплинированность» (63%), «взаимопомощь коллег» (57%) и «доброжелательность» (51%). С одной стороны, это важный набор качеств служебного этикета для выполнения профессиональных задач, с другой – он отражает в большей степени ориентир на личные и корпоративные интересы, нежели на общественные: такие значимые качества, отражающие ориентиры на общественное развитие, как «готовность к изменениям» (44%), «честность» (43%), «справедливость» (26%), «способность к компромиссу» (24%), «открытость» (22%), «терпимость к чужим

Таблица 3

Результаты ответов респондентов на вопрос анкеты: «Какие из перечисленных качеств служебного этикета наиболее важны сегодня для государственных и муниципальных служащих?» (в % от числа опрошенных, сумма ответов превышает 100%, т. к. по методике опроса можно было выбрать несколько вариантов ответа)

Качества служебного этикета	%
Ответственность	79,2
Профессионализм	77,2
Добросовестность	65,4
Умение работать в команде	64,2
Дисциплинированность	62,6
Взаимопомощь коллег	56,6
Доброжелательность	51,1
Готовность к изменениям	44,2
Честность	42,5
Корректность	40,8
Инициативность	40,2
Трудолюбие	40,1
Самообразование	37,3
Справедливость	26,3
Способность к компромиссу	23,7
Широкий кругозор	23,5
Открытость	22,1
Решительность	22,0
Лидерские качества	20,6
Самокритичность	16,2
Терпимость к чужим жизненным идеалам	16,2
Принципиальность	15,1

Источник: составлено авторами по результатам социологического исследования «Кадровый потенциал органов власти Дальневосточного федерального округа: состояние, проблемы и перспективы развития», 2024 г.

жизненным идеалам» (16%) выступают значимыми для меньшей части государственных и муниципальных служащих (табл. 3).

Исходя из вышеобозначенных тенденций, не случайными являются и невысокие оценки служащими наличия среди них «государственников» (сторонников твердой государственной власти, действующих в рамках закона и в интересах государства и общества). Среди опрошенных лишь около трети (28%) отметили, что «государственников» среди действующих чиновников «большинство» (8%) или «много» (20%). Еще каждый пятый (22%) отметил, что таких «немного», а каждый десятый (11%) – «таких нет» или «таких единицы». Примечательно, что существенная часть служащих (39%) не смогла ответить на данный вопрос. Как в свое время подчеркивал один из авторитетных социологов, исследующих вопросы развития кадрового потенциала органов государственной службы, В. Э. Бойков: «... одной из насущных проблем является формирование корпуса государственных чиновников, в особенности политической элиты, которая на передний план своей деятельности ставила бы интересы развития общества или хотя бы стремилась согласовать с ними собственные интересы» [Бойков, 2006. С. 14].

Достижение к 2030 г. национальных целей «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, направлено на формирование системы подбора, развития и ротации кадров для органов государственной власти и органов местного самоуправления на основе принципов равных возможностей, приоритета профессиональных знаний и квалификаций, включая механизмы регулярной оценки и обратной связи в рамках единой цифровой платформы. При этом необходимо обеспечить к 2030 г. повышение уровня удовлетворенности граждан качеством работы государственных и муниципальных служащих и работников организаций социальной сферы не менее чем на 50%. Как справедливо отмечают исследователи будущего государственной службы, в современных условиях усиле-

ния неопределенности «государственная служба будущего – это служба многих профессий, объединенных общим набором основных ценностей и чувством общей цели» [Шедько, Миндлин, Власенко, 2023. С. 133].

Заключение

Социологический анализ социальных представлений государственных и муниципальных служащих органов публичной власти ДФО свидетельствуют, что большинство из них в целом выражают их адекватно социальной реальности, как позитивно, так и критически. При этом если в положительных оценках не выявлено существенных различий в оценках между государственными и муниципальными служащими, то на «наличие серьезных проблем» указала третья часть государственных и две трети муниципальных служащих. Объяснением этому может служить большая приближенность органов муниципального управления к населению и его проблемам.

Самооценки государственными и муниципальными служащими Национальных проектов развития России свидетельствуют о недостаточной погруженности большинства служащих в их смысл, цели и содержание, что может снижать эффективность их деятельности по достижению целевых показателей их реализации в своих регионах.

Высокий уровень обеспокоенности служащих перспективой потерять свою нынешнюю работу может свидетельствовать о кадровой нестабильности в органах публичной власти, что нуждается в дополнительном исследовании тех условий и факторов, которые оказывают влияние на эти представления.

Самооценки служащими органов публичной власти наиболее значимых для государственной и муниципальной службы качеств служебного этикета свидетельствуют о доминировании у них «эгоцентрических» мотивов над «социоцентрическими», что, возможно, как в силу жесткой нормативности служебной деятельности, так и слабой ее ориентированности на клиентоцентричность в оказании государственных и муниципальных услуг. Как мы уже ранее в наших исследованиях отмечали: «... общим признаком

коллективного сознания чиновников является его противоречивость, отражающая диффузию основных и производных ценностей, деформацию нравственных устоев, смещение представлений о значимом и незначимом» [Байков, Березутский, 2020. С. 154].

Подавляющее большинство государственных и муниципальных служащих удовлетворены своей профессиональной деятельностью в целом, и мотивированностью на профессиональное развитие и заинтересованностью в карьерном росте в частности, но не все представляют реальные возможности для реализации своих устремлений продвижения по службе.

Большинство государственных и муниципальных служащих считают, что в глазах общественности престиж служа-

щих невысокий, возможно, вследствие того, что среди современных служащих меньшая доля «государственников», действующих в рамках закона и в интересах государства и общества.

Результаты исследования актуализируют повышение статуса и престижа государственной и муниципальной службы; открытости и прозрачности профессиональной деятельности посредством совершенствования системы кадрового резерва и продвижения по карьерной лестнице. Развитие образовательных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки в значительной степени должны быть ориентированы на «социоцентрические» мотивы в профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих.

Список источников:

1. Байков, Н. М. Государственная служба в социальном измерении. – Хабаровск : Хабаровское книжное издательство, 2000. – 201 с.
2. Байков, Н. М., Березутский, Ю. В. Дальневосточный социум: состояние и динамика общественного мнения. – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2020. – 281 с.
3. Бойков, В. Э. Отношение населения к государственной власти: Тенденции формирования и обуславливающие их факторы (результаты социологического мониторинга) // Социология власти. 2006. № 1. С. 5–14. EDN: HTZMUL
4. Вечкинзова, Е. А. К вопросу об определении понятия «Региональное развитие» // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2010. № 5(34). С. 71–73. EDN: NDBVXX
5. Переверзева, А. А., Шуклинова, М. В. Личностно-деловые качества государственных и муниципальных служащих: проблема формирования и развития // Социально-экономические явления и процессы. 2016. Т. 11. № 12. С. 155–158. EDN: XXNDWF
6. Савчук, Д. А. Понятие и особенности кадрового потенциала государственной службы // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 6. С. 39–45. DOI: 10.12737/24392 EDN: XTDQLH
7. Шедько, Ю. Н., Миндин, Ю. Б., Власенко М. Н. Будущее государственной службы: модернизация в условиях усиления неопределенности // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 11–1. С. 130–134. DOI: 10.17513/vaael.3044 EDN: DHTVIA
8. Торгашев, Р. Е. Социально-экономическое развитие регионов России, 2021. URL: <https://clck.ru/3GXJy9> (дата обращения 15.02.2025 г.).
9. Ясинская, И. А., Сладкова, Н. М., Петрова, С. А. Современные подходы и тенденции формирования и развития кадрового потенциала государственной службы с учетом зарубежного опыта // Экономика труда. 2022. Т. 9. № 2. С. 377–398. DOI: 10.18334/et.9.2.114280 EDN: QGVHYA
10. Moscovici, S. Social representations: explorations in social psychology / ed. by G. Duveen. – New York: New York University Press, 2001.

References:

1. Baykov, N. M. (2000) Public service in the social dimension. – Khabarovsk: Khabarovsk

book publishing house, 201 p. (in Russ.).

2. Baykov, N. M., Berezutsky, Yu. V. (2020) Far Eastern society: state and dynamics of public opinion. – Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management – branch of RANEPА, 281 p. (in Russ.).

3. Boykov, V. E. (2006) Population attitude to government: Formation trends and factors determining them (results of sociological monitoring) *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of power], no. 1, pp. 5–14. EDN: HTZMUL (in Russ.).

4. Vechkinzova, E. A. (2010) On the issue of defining the concept of “Regional Development” *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial’no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University], no. 5(34), pp. 71–73. EDN: NDB-VXX (in Russ.).

5. Pereverzeva, A. A., Shuklinova, M. V. (2016) Personal and business qualities of state and municipal employees: the problem of formation and development *Sotsial’no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], vol. 11, no. 12, pp. 155–158. EDN: XXNDWF (in Russ.).

6. Savchuk, D. A. (2016) Concept and features of the personnel potential of the civil service *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], vol. 11, no. 6, pp. 39–45. DOI: 10.12737/24392 EDN: XTDQLH (in Russ.).

7. Shedko, Yu. N., Mindlin Yu. B., Vlasenko M. N. (2023) The Future of the Civil Service: Modernization in the Context of Increasing Uncertainty *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], no. 11–1, pp. 130–134. DOI: 10.17513/vaael.3044 EDN: DHTVIA (in Russ.).

8. Torgashev, R. E. (2021) Socio-economic development of the regions of Russia. URL: <https://clck.ru/3GXJy9> (date of access 15.02.2025) (in Russ.).

9. Yasinskaya, I. A., Sladkova, N. M., Petrova, S. A. (2022) Modern approaches and trends in the formation and development of the human resources potential of the civil service, taking into account foreign experience *Ekonomika truda* [Labor Economics], vol. 9, no. 2, pp. 377–398. DOI: 10.18334/et.9.2.114280 EDN: QGVHYA (in Russ.).

10. Moscovici, S. (2001) Social representations: explorations in social psychology / S. Moscovici; ed. by G. Duveen. – New York: New York University Press.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025; одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 12.02.2025; approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Информация об авторах

Н. М. Байков – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Ю. В. Березутский – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. M. Baykov – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Russian Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

Yu. V. Berezutskiy – Candidate of Sociology, Associate Professor, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 331.108.2:351/354

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-25-35

Кадровый потенциал органов публичной власти: социологические аспекты

Наталья Петровна Сидорова¹, Павел Геннадьевич Сидоров²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ sidorova-np@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2269-6147>

² sidorov-pg@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0511-5696>

Аннотация. В статье обосновываются теоретические и эмпирические аспекты социологического анализа кадрового потенциала органов публичной власти, его понятийная определенность как социального и профессионального феномена в субъектах Дальневосточного федерального округа. На основе результатов эмпирических социологических исследований и данных официальной статистики анализируются значимые компоненты кадрового потенциала органов публичной власти. Выявлена значительная потребность органов публичной власти Дальневосточного федерального округа в государственных и муниципальных служащих. Проанализированы источники притока работников и структура органов власти по стажу замещения государственных и гражданских должностей. Проведен анализ профессионально-образовательной компоненты кадрового потенциала служащих органов публичной власти. Выявлен достаточно высокий уровень образования участников исследования и также высокая субъективная оценка соответствия уровня образования квалификационным требованиям по замещаемой должности. Однако результаты исследования свидетельствуют о наличии значительного потенциала профессионального развития: большинство опрошенных служащих не имеют образования по специальности «Государственное и муниципальное управление», треть респондентов не прошли за последние три года обучения на курсах профессиональной переподготовки или повышения квалификации, определена значительная востребованность программ обучения по широкому кругу направлений (тематик). С позиций кадрового потенциала рассмотрен коррупционный аспект деятельности служащих публичных органов власти. Выявлен относительно невысокий, однако значимый уровень распространения коррупции как в целом по Дальневосточному федеральному округу, так и в разрезе отдельных органов публичной власти региона. Проанализированы основные причины (мотивы), обуславливающие возможное коррупционное поведение служащих, а также наиболее распространенные негативные качества служащих, также в свою очередь создающие потенциальные условия для возникновения коррупционных рисков. Представлена авторская оценка субъективных представлений государственных и муниципальных служащих, отражающих состояние их служебной деятельности, высказаны рекомендации по созданию условий повышения ее эффективности.

Ключевые слова: кадровый потенциал, органы публичной власти, государственные и муниципальные служащие, Дальневосточный федеральный округ, социологический опрос, обучение, коррупция

Для цитирования: Сидорова Н. П., Сидоров П. Г. Кадровый потенциал органов публичной власти: социологические аспекты // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 25–35. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-25-35>

Original article

Human Resources Potential of Public Authorities: Sociological Aspects

Natalia P. Sidorova¹, Pavel G. Sidorov²^{1,2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPa, Khabarovsk, Russia,¹ sidorova-np@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0001-2269-6147>² sidorov-pg@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0511-5696>

Abstract. *The article substantiates the theoretical and empirical aspects of the sociological analysis of the phenomenon of personnel potential of public authorities, its conceptual certainty as a social and professional phenomenon in the subjects of the Far Eastern Federal District. Based on the results of empirical sociological research and official statistics, the significant components of the human resources potential of public authorities are analyzed. The significant needs of public authorities in the Far Eastern Federal District for state and municipal employees have been identified. The sources of the influx of employees and the structure of government authorities by length of service in government and civilian positions are analyzed. The analysis of the professional and educational component of the personnel potential of employees of public authorities is carried out. A high level of education of the study participants was revealed, as well as a high subjective assessment of the level of education's compliance with the qualification requirements for the position. However, the results of the study indicate that there is a significant potential for professional development: the majority of surveyed employees do not have a degree in Public and Municipal Administration, a third of respondents have not completed professional retraining or advanced training courses in the last three years, and there is a significant demand for training programs in a wide range of areas (subjects). The corruption aspect of the activities of employees of public authorities is considered from the standpoint of human resources potential. A relatively low, however, significant level of corruption has been identified both in the Far Eastern Federal District as a whole and in the context of individual public authorities in the region. The main reasons (motives) that determine the possible corrupt behavior of employees, as well as the most common negative qualities of employees, which also create potential conditions for the emergence of corruption risks, are analyzed. The author's assessment of the subjective perceptions of state and municipal employees reflecting the state of their professional activities is presented, and recommendations are made to create conditions for improving its effectiveness.*

Keywords: *personnel potential, public authorities, state and municipal employees, the Far Eastern Federal District, sociological survey, education, corruption*

For citation: Sidorova N. P., Sidorov P. G. (2025) Human Resources Potential of Public Authorities: Sociological Aspects *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 25–35. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-25-35>

Введение

Сегодня Дальний Восток стал объектом пристального внимания во многих вопросах. В ходе Восточного экономического форума (сентябрь 2024 г., г. Владивосток) Президент Российской Феде-

рации В.В. Путин определил Дальний Восток в качестве национального приоритета на весь XXI век: «Дальний Восток стал флагманом России в новой глобальной экономической реальности. Сюда переориентированы бизнес, маршруты

и сам вектор развития»¹.

Стоящие сегодня задачи развития Дальневосточного региона в контексте «разворота на Восток» требуют привлечения и развития колоссальных человеческих ресурсов. Достижение столь амбициозных целей невозможно без актуализации кадрового потенциала региона, его человеческих ресурсов. Особую значимость в данном контексте приобретают и вопросы кадрового потенциала органов публичной власти. Ведь именно от уровня профессионализма управленческих кадров будет во многом зависеть эффективность принимаемых управленческих решений, результативность функционирования всей системы управления в регионе.

Методология исследования

В настоящее время имеется значительное число исследований, посвященных кадрам органов исполнительной власти, представленным государственными и муниципальными служащими. Анализ научной литературы, аналитических и экспертных разработок показал, что, несмотря на значительное количество публикаций, отсутствует общепринятое научное определение термина «кадровый потенциал» применительно к органам власти, его сущности и значения.

По мнению исследователей, «понятийная неопределенность в отношении понятия «кадровый потенциал» во многом обусловлена тем, что оно отражает не только степень его влияния, силы, но и показывает его скрытый характер. Эта двойственность смысла и определяет широкое толкование термина не только в теории, но и практике управления» [Игнатова, Козачок, Пашин, 2015].

Под кадровым потенциалом понимаются те большие возможности и характеристики людей в процессе реализации своей деятельности в организациях, благодаря которым создается ресурсное положение социально-экономического развития. Считается, что «кадровый потенциал – это консорциум людей, которые могут быть приняты на работу благодаря своему образованию или навыкам на всех уровнях как для органов государ-

ственной и местной власти, так и для внешнего окружения» [Кувииков, 2024].

Наличие значительного количества работ, в которых рассматриваются различные вопросы состояния кадровой сферы органов государственной службы и муниципального управления в части профессионализации персонала, личностно-профессионального развития государственных и муниципальных служащих, их качеств и свойств, кадрового резерва, служебного продвижения и других ее составляющих, создают определенную основу для совершенствования государственной и муниципальной службы.

Структуру кадрового потенциала государственных гражданских служащих ряд исследователей определяет через набор количественных показателей (численность, состав, укомплектованность, текучесть, должностное распределение и др.) и качественных характеристик (удовлетворенности условиями труда, трудовой стаж, уровень профессиональной подготовки и др.) [Симакова, Захарова, 2021]. Однако в управленческой практике оценка кадрового потенциала государственных и муниципальных служащих зачастую ограничивается данными о возрасте, образовании, стаже работы и других статистических показателях и во многом носит субъективно выраженный характер. Вместе с тем содержательное значение феномена «кадровый потенциал органов власти» связано с определением имеющихся, в том числе и скрытых, еще нереализованных возможностей и невостребованных способностей государственных и муниципальных служащих.

Кадровый потенциал госслужбы нельзя измерить одной суммой величин потенциалов всей совокупности работников в силу динамичности их качеств и свойств служащих, реализующих полномочия своей деятельности в той или иной организационной структуре. В этой связи на практике остро стоит вопрос о необходимости создания моделей профессиональных умений как системной работы с кадрами госслужбы на основе компетентностного подхода. При этом откры-

¹ Путин: Мы определили развитие Дальнего Востока в качестве национального приоритета – Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/09/05/reg-dfo/na-ves-hhi-vek.html> (дата обращения 01.02.2024)

тый перечень компетенций позволяет квалифицированным и перспективным сотрудникам в полной мере использовать его для определения вектора своего профессионального развития и карьерного роста [Власов, Кремер, 2022].

Как показывает практика, положение дел с кадрами в системе государственной и муниципальной службы не претерпело кардинальных изменений за последние десятилетия. Исследователи продолжают акцентировать внимание на отсутствии у части чиновников необходимых управленческих компетенций, быстром карьерном росте, не позволяющем результативно осваивать замещающие ими должности в органах государственной и муниципальной службы [Старостенко, 2020]. При этом обращается внимание на необходимость совершенствования критериев отбора и проверки кандидатов на ту или иную должность в государственной службе, а процессы назначения, продвижения и увольнения кадров в органах публичной власти нередко продолжают оставаться сферой столкновения властно-управленческих интересов различных групп влияния. Система подготовки, повышения квалификации и профессиональной переподготовки государственных и муниципальных служащих нуждается в новых подходах под потребности современного этапа социально-экономического развития страны, ее регионов и муниципальных образований.

Анализ современных проблем государственного и муниципального управления позволяет выделять и учитывать все факторы, которые оказывают влияние на повышение эффективности кадрового потенциала. При этом очевидно, что уровень компетентности государственных и муниципальных служащих должен соответствовать требованиям развития отечественной экономики и социальной сферы, особенно в современных геополитических и экономических условиях санкционной политики со стороны недружественных России стран коллективного Запада.

По мнению исследователей, «одной из главных проблем управления кадровым потенциалом является сложность опре-

деления результативности деятельности служащих и их квалификации. Прежде всего это связано со спецификой труда, сложностью соотнесения результатов и затрат труда, а также отсутствием единого подхода к измерению эффективности» [Слепцова, Волкова, 2019].

При реализации государственной политики особую социальную значимость приобретают задачи внедрения новых форм оценки кадрового потенциала государственных служащих и оценки их результативности. Это обусловлено тем, что, несмотря на эти потребности, в российских регионах не получила распространения практика социологического мониторинга как инструмента оценки государственных гражданских служащих. По мнению исследователей, «ключевой вывод состоит в том, что развитие кадрового потенциала государственных гражданских служащих должно носить целенаправленный и регулируемый характер, включать взаимодействие объективного и субъективного» [Игнатова, Рязская, Фаустов, 2021].

В современных условиях существенно возросли требования к кадровому потенциалу органов муниципального управления, которые занимают важное место в обеспечении жизнедеятельности муниципалитетов страны, самых близких к населению органов местной власти. От сформированного их кадрового потенциала во многом зависит эффективность решения вопросов местного значения и удовлетворенности граждан. Недостаточная квалифицированность муниципальных служащих снижает эффективность всей системы органов публичной власти. Современные условия развития технологий и цифровизации требуют внедрения научных подходов к формированию и развитию кадрового потенциала органов муниципального управления, выработки новых инструментов, методов и способов его оценки.

[Погребцова, 2023]. На это указывает и то обстоятельство, что сохраняющиеся в системе местного самоуправления «дисфункции кадрового обеспечения местных органов власти детерминированы рядом факторов, к которым отнесены су-

жение автономии местного самоуправления, финансовая недостаточность местных бюджетов, завышенное количество контрольно-надзорных мероприятий, проводимых органами государственной власти» [Фролова, Рогач, 2018].

Таким образом, с точки зрения социологического подхода, кадровый потенциал органов власти представляет особый сплав качеств/возможностей субъектности в его коллективной (групповой) организации, которая не может быть сведена к набору характеристик личности или простому сложению индивидуальных потенциалов человека в системе управления. Как двойственный по своей природе феномен, кадровый потенциал органов власти выражает меру своей количественно-качественной определенности, имеющей актуальное и потенциальное содержание, реализуемое под влиянием различных условий и факторов [Байков, 2002].

Результаты исследования

В статье отражены результаты научно-исследовательской работы по теме «Кадровый потенциал органов власти Дальневосточного федерального округа: состояние, проблемы и перспективы развития», выполненной коллективом исследователей Дальневосточного института управления – филиала РАН-ХиГС под научным руководством кандидата социологических наук, доцента кафедры социально-гуманитарных наук Ю. В. Березутского. Социологическое исследование проведено с помощью разработанной социологической анкеты государственного и муниципального служащего. Опрос проведен в октябре-ноябре 2024 г. В рамках данного исследования в качестве объекта выступали государственные и муниципальные служащие всех 11 субъектов ДФО РФ. Общий объем выборки составил 11831 респондентов. В выборке представлены государственные гражданские служащие (36%) и муниципальные служащие (64%) органов публичной власти ДФО, в их числе мужчин (18%) и женщин (82%).

По данным органов статистики численность государственных гражданских (муниципальных) служащих государственных

органов и органов местного самоуправления) ДФО на 01 января 2023 г., составила 70,5 тыс. чел., но имеет тенденцию на сокращение с 2019 г. (81,7 тыс. чел.). При этом численность населения ДФО за этот период сократилась до 7 903,9 тыс. чел. (2019 г. – 8 066,6 тыс. чел.).²

Распределение служащих по стажу работы в органах государственного и муниципального управления – показатель их стабильности и устойчивости, определяющий эффективность профессиональной деятельности. В целом по ДФО опрошенные служащие распределяются в следующих пропорциях по стажу службы: до трех лет – 34%, от 4 до 10 лет – 29%, более 10 лет – 37%. Существенных различий по стажу служащих государственной и муниципальной службы по регионам ДФО не выявлено. При этом о намерении сменить место работы в ближайшем будущем ответили практически пятая часть опрошенных служащих (17%), противоположное мнение выразили более половины (53%), а каждый третий (30%) – затруднился ответить.

Ответы опрошенных служащих по группам занимаемых ими должностей на государственной и муниципальной службе в регионах ДФО в целом отражают их статистическое распределение в органах исполнительной власти страны: доля руководителей (их заместителей) от числа опрошенных составляет четвертую часть (26%), специалистов – две трети (65%). В пределах десятой части должности замещают помощники (советники) и обеспечивающие специалисты.

Возрастное распределение служащих представлено следующими группами: до 29 лет – 9%, 30–39 лет – 27%, 40–49 лет – 37%, 50–59 лет – 21% и 60 лет и более – 5%.

Включенность в кадровый резерв для продвижения по служебной лестнице в органы публичной власти ДФО отмечают лишь 16% опрошенных, не включены – две трети опрошенных (67%). Больше всего включенность в кадровый резерв на продвижение отмечают служащие в Республике Бурятия (25%), меньше всего – в Магаданской области (10%) и Забайкальском крае (11%).

² Дальневосточный федеральный округ. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

Замещение должностей государственной и муниципальной службы в субъектах ДФО в большей мере осуществляется за счет перетока работников из учреждений бюджетной сферы (образование, наука, культура, здравоохранение и т. д.) – 36%, из коммерческих структур – 20%, поступление на службу сразу после получения образования – 19% и из организаций производственно-хозяйственной сферы – 10%.

Большинство опрошенных служащих в регионах ДФО отмечают, что органы власти, в которых они работают, в той или иной степени испытывают кадровую потребность в государственных или муниципальных служащих (80% в сумме ответов «значительную» и «незначительную»). При этом «испытывают значительную потребность» в кадрах органы власти около половины опрошенных (46%). Особенно остро проблема стоит в органах публичной власти ЕАО (66%), наименее остро – в Сахалинской области (26%).

В органах власти работают до 3 лет каждый пятый служащий (22%), около трети (29%) – от 3-х до 10 лет и половина (49%) – от 10 до 15 лет и более.

Образование и профессиональное развитие в оценках служащих являются важной составляющей потенциала кадров органов публичной власти.

Свой образовательный уровень государственные и муниципальные служащие оценивают достаточно высоко – подавляющее большинство из опрошенных (93%) имеют высшее образование и только менее десятой части (7%) – среднее профессиональное. При этом четвертая часть (23%) имеют специальность «Государственное и муниципальное управление». Этот показатель выше в органах публичной власти Республики Саха (Якутия) (30%), ниже – в Амурской области (17%).

Большинство участников исследования (84%) оценивают соответствие своего образования квалификационным требованиям по замещаемой должности как «полностью соответствующее» или

«в основном соответствующее» им. Доля тех, кто оценивает свое образование как «не вполне соответствует» и «совсем не соответствует» составила в целом по всем территориям округа 11%.

Роль Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС) в системе профессиональной подготовки кадров для государственной и муниципальной службы региона оценивается опрошенными чиновниками ДФО крайне низко: подавляющее большинство (93%) отметили, что получали свое образование «в другом образовательном учреждении». При этом в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС (ДВАГС, ВПШ) получали свое образование лишь статистически незначительная доля государственных и муниципальных служащих (6% от числа всех опрошенных), в «другом филиале» системы РАНХиГС – 1%, в московском кампусе РАНХиГС (РАГС, ВПШ) – менее 1%. Больше всего выпускников Дальневосточного института управления – филиала РАНХиГС представлено среди опрошенных государственных и муниципальных служащих Хабаровского (16%) и Камчатского краев (12%).

Другим значимым аспектом уровня профессионального образования служащих является система регулярного повышения квалификации или профессиональной переподготовки. По результатам исследования, в целом по округу более трети (36%) от числа всех опрошенных «не проходили» за последние 3 года курсы повышения квалификации или профессиональной переподготовки. При этом, если смотреть в разрезе субъектов РФ ДФО, самая высокая доля тех, кто не проходил обучение – в Забайкальском крае (54%), самая низкая – среди служащих Камчатского края (22%). Учитывая, что существуют нормативно закреплённые требования к повышению квалификации государственных служащих³, для образовательных учреждений РАНХиГС это лишний раз свидетельствует о возможности активизации работы

³ Указ Президента РФ от 21 февраля 2019 г. № 68 «О профессиональном развитии государственных гражданских служащих Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://ivo.garant.ru/#/document/72179524/paragraph/1:0>

по организации и проведению курсов повышения квалификации и программ переподготовки.

Оценивая полезность полученных в процессе обучения знаний для их профессиональной деятельности, подавляющее большинство (94%) отметили, что знания были «полностью» или «в некоторой степени» полезны. В большинстве случаев (56%) опрошенными отмечено, что в обучении соблюдается оптимальное соотношение теории и практики, но каждый пятый (19%) отметил, что «объем теоретических (лекционных) занятий завышен в ущерб практике». Незначительной части опрошенных (6%) оказалось недостаточно теоретических знаний.

Оценки служащими востребованности программ (курсов) обучения по тематике подтверждают актуальность программ дополнительного обучения для государственных и муниципальных служащих и свидетельствуют о наличии достаточно широкого поля для реализации образовательной деятельности системы РАНХиГС на территории ДФО. Из представленного в анкете списка потенциальных про-

грамм обучения все были отмечены в той или иной мере (табл. 1).

Оценивая виды дополнительного профессионального обучения, как наиболее эффективные в современных условиях опрошенные служащие отметили: традиционные формы профессионального обучения: повышение квалификации, обучение в профильных вузах, стажировки и т. п. (55%);

- краткосрочные семинары по актуальным проблемам (40%);
- дистанционное обучение: заочное обучение с использованием компьютерных, аудио и видеотехнологий (35%);
- профессиональное консультирование с использованием интернет-технологий (22%).

В качестве наиболее эффективных при повышении квалификации были отмечены следующие формы занятий:

- семинары, тренинги, круглые столы (63%);
- мастер-классы и мастерские (38%);
- лекции (36%);
- индивидуальные стажировки (29%);
- консультации (25%).

Вопросы коррупции всегда были и

Таблица 1

Рейтинг важности и востребованности направлений (тематик) программ обучения (курсов)» (в % от числа опрошенных)

Тематика программ обучения	%
1. Юридические, правовые вопросы, нормотворчество	44,7
2. Реализация национальных проектов (программ)	30,3
3. Специфика муниципального управления	29,8
4. Цифровые технологии в управлении	27,2
5. Психология (взаимоотношения, конфликтология)	26,7
6. Вопросы специфики деятельности Вашего органа управления	26,1
7. Бюджетный процесс	25,7
8. Развитие личностно-профессиональных качеств	25,7
9. Эффективный руководитель	22,7
10. Информационная безопасность	22,4
11. Управление персоналом и кадровые технологии	19,9
12. Специфика государственного управления	19,7
13. Противодействие коррупции	18,3
14. Цифровая и инновационная экономика	15,0
15. Взаимодействие с гражданами, СМИ, институтами гражданского общества	14,1
16. Проектное и программное управление в органах публичной власти	12,1
17. Бережливое управление в органах публичной власти	10,6
18. Внедрение клиентоцентричности	10,0
19. Обеспечение обороны и безопасности страны	8,4

Источник: составлено авторами по результатам исследования

остаются актуальными, поскольку их наличие оказывает негативное воздействие на формирование и функционирование всей системы управления обществом, а также правовой системы, экономических и общественных процессов. Актуальность проблематики воздействия коррупции подтверждается и в каждом Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, где делается особый акцент на обязательность проявления ответственности и профессионализма в процессе борьбы с коррупционной составляющей.

Правоохранительными органами Дальневосточного федерального округа статистически ежегодно выявляется около тысячи фактов взяточничества⁴. При этом, по данным Генеральной прокуратуры РФ от 19 октября 2023 г., «в текущем году в Дальневосточном федеральном округе выявлено около 700 коррупционных преступлений. Приморский край занял первую строчку антирейтинга – 190 преступлений. В Якутии выявлено 118 коррупционных преступлений и в Хабаровском крае – 114. Самый законопослушный регион с точки зрения коррупции – Чукотка. В самом малонаселенном регионе ДФО зафиксировано 3 факта коррупции. В рамках расследования уголовных дел наложен арест на принадлежащее коррупционерам имущество общей стоимостью более 140 млн рублей»⁵.

По результатам исследования служащих ДФО, уровень коррупции на территории своего субъекта каждый пятый опрошенный (19%) оценивает как «низкий», а половина (52%) указывает, что она «отсутствует». Пятая часть опрошенных (21%) оценила уровень коррупции как «средний». Доля тех, кто оценил уровень коррупции в ДФО как «высокий» составила менее десятой части (8%).

В целом, несмотря на достаточно низкие показатели, нельзя сказать, что ситуация позитивная, поскольку даже «средний» уровень данного негативного явления может рассматриваться как су-

щественная проблема для эффективного функционирования системы государственного и муниципального управления. При этом ситуация в разных субъектах РФ ДФО, по оценкам участников исследования, отличается. Так, оценки опрошенных служащих Республики Бурятия и Камчатского края свидетельствуют о наличии в этих регионах коррупционных явлений. Так, только третья часть опрошенных служащих Камчатского края отметили, что данное явление в регионе «отсутствует» (31%), столько же оценили текущий уровень коррупции как «низкий» (31%). При этом остальные опрошенные оценили уровень коррупции в регионе как «средний» и «высокий», что так же можем выступать сигналом наличия коррупционных явлений. Служащие в Республике Бурятия оценили уровни коррупции как высокий (13%) и «средний» (31%). Наиболее благоприятная ситуация с данным негативным явлением в Чукотском АО, ЕАО и Сахалинской области. Здесь большинство участников опроса оценила уровень коррупции как «низкий», либо отсутствующий.

При этом, оценивая динамику уровня случаев коррупции за последние 2-3 года, большинство служащих – участников исследования, либо не смогли оценить изменения (затруднились ответить 65,8%), либо ответили, что «уровень не изменился» (15,5% респондентов по ДФО). Доля тех, кто отметил, что за последние годы таких случаев «стало меньше» составила 13% от числа опрошенных, а доля тех, кто отметил их увеличение, в целом по ДФО составила 6%. Однако, если смотреть в разрезе отдельных субъектов РФ ДФО, то чаще определённую положительную тенденцию («стало меньше») отмечали представители Республики Саха (Якутия) (20%) и Сахалинской области (18%). В качестве проблемного момента следует отметить мнение представителей Республики Бурятия, поскольку каждый десятый (10%) из числа опрошенных отметил, что в их субъекте за последние 2-3 года

⁴ *Коррупция может стоить жизни.* URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_dvfo/mass-media/news?item=90952419

⁵ *Приморье стало лидером по коррупции в ДФО.* URL: <https://vladivostok1.ru/text/criminal/2023/10/20/72829304/>

случаев коррупции стало больше.

При оценке роли властных структур в противодействии распространению коррупции мнения опрошенных служащих разделились: примерно половина (46%) считают, что власти делают для противодействия коррупции «все возможное» и «делают много»; вторая половина опрошенных более скептически оценивает усилия властей. Так, 11% считают, что власти «делают мало», еще 4% ответили, что «ничего не делают», и 39% вообще «затруднились с ответом», что достаточно удивительно, поскольку в опросе как раз и участвовали представители «власти», то есть те, кто должен владеть этой информацией.

Среди основных причин (мотивов), которыми чаще всего обусловлено возможное коррупционное поведение государственных и муниципальных служащих, были названы: «желание обогащения» (41%), «особенности личных качеств» (32%) и «безнаказанность» (25%). Также следует отметить, что, примерно каждый третий (30%) из числа служащих (участников исследования) затруднился с ответом. При этом, следует отметить, что как негативные качества, которые сегодня наиболее распространены в среде государственных и муниципальных служащих, чаще всего отмечали «бюрократизм, волокиту» (37%), «непрофессионализм» (32%) и «имитацию бурной деятельности» (27%), что как раз и создает потенциальные условия для возникновения коррупционных рисков.

Заключение

Таким образом, состояние кадрового потенциала органов государственной власти и местного самоуправления с точки зрения возраста, уровня образования, стажа является вполне оптимальным. Однако перспективы его наращивания должны быть связаны с ростом доли служащих, имеющих базовое образование (профессиональную переподготовку) по направлению подготовки «государственное и муниципальное управление». Результаты исследования актуализируют совершенствование системы формирования и развития кадрового резерва служащих ввиду его востребо-

ванности и крайне слабой информированности служащих о перспективах своего карьерного продвижения. Работа с кадровым резервом весьма востребована в условиях серьезного дефицита государственных и муниципальных служащих, что также актуализировано в оценках участников нашего социологического исследования.

Большинство государственных и муниципальных служащих в рамках профессионального обучения и повышения квалификации ориентированы как на традиционные образовательные технологии, так и на новые, желательно не длительные, краткосрочные, по конкретной тематике, очень практико-ориентированные с возможностью максимального взаимодействия и получения конкретных навыков текущей профессиональной деятельности.

Результаты опроса фиксируют низкую роль РАНХиГС в формировании образовательного и профессионального потенциала государственных и муниципальных служащих ДФО, а также потенциальные возможности для расширения зоны охвата образовательными услугами ДВИУ-филиалом РАНХиГС и другими филиалами.

В большинстве регионов ДФО государственными и муниципальными служащими фиксируется тревожная коррупционная ситуация, которая подтверждается и данными правоохранительных органов. Это актуализирует задачи повышения нетерпимости к коррупционным проявлениям, деформации кадрового потенциала служащих органов публичной власти (особенно среди тех, кто впервые принят на должности государственной и муниципальной службы) посредством обязательных обучающих курсов (семинаров), вебинаров, видео разъяснений по вопросам реализации антикоррупционного законодательства; подготовки методических материалов, организации региональных конкурсов на лучшую работу по теме, посвященной противодействию коррупции с целью формирования правовой грамотности и

антикоррупционного мировоззрения у школьников и студентов.

Список источников:

1. Байков, Н. М. Кадровый потенциал органов власти: опыт социологического анализа. – Хабаровск: Изд-во ДВАГС, 2002. 239 с.
2. Власов, А. Б., Кремер, К. И. Проблемы развития кадрового потенциала на государственной службе // Вестник ВГУИТ. 2022. Т. 84. № 3. С. 256–261. DOI: 10.20914/2310-1202-2022-3-256-261 EDN: NAJBKD
3. Игнатова, Т. В., Козачок, В. И., Пашин, Л. А. Диагностика регионального состава кадрового потенциала государственных гражданских служащих // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 6. DOI: 10.12737/16789 EDN: VDPAAF
4. Игнатова, Т. В., Рязская, Т. В., Фаустов, И. В. Мониторинг как инструмент оценки кадрового потенциала государственных гражданских служащих // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2021. № 2. DOI: 10.24412/2071-6141-2021-2-87-103 EDN: KUUWEA
5. Кувиков, Ф. В. Кадровый потенциал государственного управления и проблемы его совершенствования // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 2–2. С. 214–217. DOI: 10.17513/vaael.3263 EDN: MSURWM
6. Погребцова, Е. А. Научные подходы к формированию кадрового потенциала муниципальной службы // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. 2023. Т. 4. № 4. С. 243–260. DOI: 10.18334/social.4.4.120794 EDN: FCDFGS
7. Симакова, Е. И., Захарова, Л. Н. Развитие кадрового потенциала государственной гражданской службы // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 4–2. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-4-2-153-156 EDN: AZUULU
8. Слепцова, Е. В., Волкова, В. В. Современные проблемы управления кадровым потенциалом в госорганах // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11–3. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11806 EDN: YPNDLG
9. Старостенко, К. В. Кадровый потенциал органов государственной власти и управления в современной России: проблемы формирования и пути решения // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2020. № 4(14). С. 79–88. EDN: FNHFSA
10. Фролова, Е. В., Рогач, О. В. Кадровое обеспечение местных органов власти в современных российских условиях // Мониторинг. 2018. №4 (146). DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.19 EDN: XZPHRJ

References:

- Baykov, N. M. (2002) Personnel potential of government bodies: an experience of sociological analysis. – Khabarovsk: DVAGS Publishing House, 239 p. (in Russ.).
2. Vlasov, A. B., Kremer, K. I. (2022) Problems of development of personnel potential in the civil service *Vestnik VGUIT* [Bulletin of VSUET], vol. 84, no. 3, pp. 256–261. DOI: 10.20914/2310-1202-2022-3-256-261 EDN: NAJBKD (in Russ.).
3. Ignatova, T. V., Kozachok, V. I., Pashin, L. A. (2015) Diagnostics of the regional composition of the personnel potential of state civil servants *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], no. 6. DOI: 10.12737/16789 EDN: VDPAAF (in Russ.).
4. Ignatova, T. V., Ryazhskaya, T. V., Faustov, I. V. (2021) Monitoring as a Tool for Assessing the Personnel Potential of State Civil Servants *Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Tula State University. Humanities], no. 2. DOI: 10.24412/2071-6141-2021-2-87-103 EDN: KUUWEA (in Russ.).
5. Kuvikov, F. V. (2024) Personnel Potential of Public Administration and Problems of Its Improvement *Vestnik Altayskoy akademii ekonomiki i prava* [Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law], no. 2–2, pp. 214–217. DOI: 10.17513/vaael.3263

EDN: MSURWM (in Russ.).

6. Pogrebtsova, E. A. (2023) Scientific approaches to the formation of the human resources potential of the municipal service *Sotsial'noye predprinimatel'stvo i korporativnaya sotsial'naya otvetstvennost'* [Social entrepreneurship and corporate social responsibility], vol. 4, no. 4, pp. 243–260. DOI: 10.18334/social.4.4.120794 EDN: FCDFGS (in Russ.).

7. Simakova, E. I., Zakharova, L. N. (2021) Development of the human resources potential of the state civil service *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika* [Economy and business: theory and practice], no. 4–2. DOI: 10.24412/2411-0450-2021-4-2-153-156 EDN: AZUULU (in Russ.).

8. Sleptsova, E. V., Volkova, V. V. (2019) Modern problems of managing human resources in government agencies *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], no. 11–3. DOI: 10.24411/2500-1000-2019-11806 EDN: YPNDLG (in Russ.).

9. Starostenko, K. V. (2020) Human resources potential of government bodies and administration in modern Russia: problems of formation and solutions *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i sotsial'noy antropologii)* [Abyss (Problems of Philosophy, Political Science and Social Anthropology)], no. 4(14), pp. 79–88. EDN: FNHFSA (in Russ.).

10. Frolova, E. V., Rogach, O. V. (2018) Personnel provision of local authorities in modern Russian conditions *Monitoring* [Monitoring], no. 4 (146). DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.19 EDN: XZPHRJ (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 07.02.2025; одобрена после рецензирования 05.03.2025; принята к публикации 11.03.2025.

The article was submitted 07.02.2025; approved after reviewing 05.03.2025; accepted for publication 11.03.2025.

Информация об авторах

Н. П. Сидорова – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

П. Г. Сидоров – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. P. Sidorova – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, the chair of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

P. G. Sidorov – Candidate of Social Sciences, Associate Professor, the chair of Social Sciences and Humanities, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern Institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья
УДК 316.4(571.6)
doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-36-47

Дальний Восток Российской Федерации: реализация программ повышения мобильности трудовых ресурсов

Раиса Николаевна Шпакова

Московский государственный институт международных отношений, Одинцовский филиал, Москва, Россия
production2003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9916-0113>

Аннотация. В статье выполнен обзор промежуточных итогов реализации программ повышения трудовой мобильности в ряде дальневосточных регионов Российской Федерации. Показано, что региональные программы повышения мобильности трудовых ресурсов представляют собой механизм точечного привлечения специалистов, а не массового привлечения трудовых ресурсов. Количественный состав привлекаемых работников существенно варьирует по регионам: от нескольких десятков до нескольких сотен работников в год. Неоднородно также по регионам отраслевое представительство работодателей – участников региональных программ и их количественная категоричность. Признано целесообразным в условиях ограниченного финансирования осуществлять предоставление государственной поддержки в привлечении сотрудников в дальневосточные регионы крупнейшим компаниям, таким как горнодобывающие, финансовые, транспортные, в последнюю очередь. Предложена методика оценки эффективности региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов, учитывающая как абсолютную результативность программы, так и степень удовлетворенности отдельных работодателей в привлечении работников из других регионов.

Ключевые слова: трудовая миграция, трудовая мобильность, Дальний Восток, региональная программа повышения трудовой мобильности, приоритетное привлечение трудовых ресурсов

Для цитирования: Шпакова Р. Н. Дальний Восток Российской Федерации: реализация программ повышения мобильности трудовых ресурсов // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 36–47. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-36-47>

Original article

Implementation of Programs to Increase Labor Mobility in the Far Eastern Regions of the Russian Federation

Raisa N. Shpakova

Moscow State Institute of International Relations, Odintsovo Branch, Moscow, Russia
production2003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9916-0113>

Abstract. The article provides an overview of the interim results of the implementation of programs aimed at increasing labor mobility in a number of the Far Eastern regions of the Russian Federation. The research has shown that regional programs aimed at increasing labor mobility represent the mechanism for targeted recruitment of specialists, rather than mass recruitment of labor resources. The number of employees involved varies significantly by region: from several dozens to several hundreds of employees per year. The sectoral representation of employers participating in regional

programs and their quantitative categorization are also heterogeneous by region. In conditions of limited financing, it is considered advisable to provide state support in attracting employees to the largest companies in the Far Eastern regions in such fields as mining, finance, and transport in the last place. The article suggests the methodology for evaluating the effectiveness of regional programs aimed at increasing labor mobility, taking into account both the absolute effectiveness of the program and the degree of satisfaction of individual employers in attracting workers from other regions.

Keywords: labor migration, labor mobility, the Far East, regional program for increasing labor mobility, priority recruitment of labor resources

For citation: Shpakova R. N. (2025) Implementation of Programs to Increase Labor Mobility in the Far Eastern Regions of the Russian Federation *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 36–47. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-36-47>

Введение

Создание условий, обеспечивающих опережающие темпы роста экономики и развития социальной сферы на территории Дальневосточного федерального округа (ДФО) – один из приоритетов государственной политики Российской Федерации. Опережающее развитие ДФО предусмотрено в настоящее время Национальной программой социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.¹ В частности, здесь планируется реализация масштабных инвестиционных проектов в различных отраслях экономики. В то же время демографическая ситуация в дальневосточных регионах, характеризующаяся оттоком населения (хотя и с замедлением темпов этого оттока), в значительной степени затрудняет эти процессы.

Динамичный рост инвестиций в развитие бизнеса сталкивается с дефицитом квалифицированных кадров в ряде отраслей. Как отмечают в Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики, «развивающаяся экономика Дальнего Востока требует соответствующего насыщения трудовыми ресурсами нужных специальностей и квалификации»². Выполнение данного требования ослож-

няется действием двух основных негативных факторов: продолжающегося оттока населения с Дальнего Востока и исторически сложившейся в регионе структуры высшего и среднего специального образования, не обеспечивающей в полной мере покрытие потребности в отдельных категориях специалистов. Ситуация усугубляется ещё и неравномерностью, а иногда и противоположной направленностью, процессов движения трудовых ресурсов в отраслевом и поселенческом аспектах, а также в зависимости от количественных характеристик экономических субъектов [Дьяченко, Лазарева, 2020].

В Российской Федерации были приняты программы, призванные исправить положение с закреплением населения в целом и трудовых ресурсов в частности в регионах Дальнего Востока. Ближится 10-летие одной из таких инициатив – принятия правительственного распоряжения о признании приоритетным привлечение трудовых ресурсов в ряд регионов Дальнего Востока и первых региональных программ повышения трудовой мобильности. Целесообразно подвести промежуточные итоги их реализации, выявить проблемы и попытаться предложить меры по их преодолению.

¹ Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 г. и на перспективу до 2035 г.: распоряжение Правительства РФ от 24 сентября 2020 г. № 2464-р // Правовая система Гарант. URL: <https://www.arant.ru/products/ipo/prime/doc/74587526/?ysclid=m8bvvfstry152023708> (дата обращения 29.11.2024)

² Отчет «Рынок труда на Дальнем Востоке» // Официальный интернет-сайт Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://rabota.erdc.ru/otchetrinoktruda?ysclid=m8bvknсbr446221693> (дата обращения 25.12.2024).

Материалы и методы исследования

В качестве материалов исследования использованы положения федеральных нормативных правовых актов, принятых в рассматриваемой сфере управления; региональных программ повышения трудовой мобильности ряда дальневосточных регионов: Амурской, Магаданской, Сахалинской областей, Камчатского края, Республики Саха (Якутия), Республики Бурятия и других³; экспертные оценки и статистические данные Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики.

В качестве методов исследования применялись статистический метод, метод толкования нормативных актов, сравнительный и формально-логический. В качестве статистических данных о привлеченных в регионы Дальнего Востока специалистах использовались сведения, приведенные в текстах программ (подпрограмм) повышения мобильности трудовых ресурсов соответствующих регионов.

Результаты исследования и их обсуждение

Наиболее интенсивный миграционный отток с территории Дальнего Востока имел место в период до 2010 г., после чего наступил период постепенного снижения темпов оттока населения [Дьяченко, Лазарева, Бурлаев 2023. С. 80; Мищук, 2019. С. 64]. Тем не менее острая потребность в дополнительном привлечении в регионы Дальневосточного федерального округа работников различных специальностей сохраняется. Корпорацией развития Дальнего Востока и Арктики данная потребность оценивается следующим образом (рис. 1). По предположению экспертов Корпорации ожидается постепенное снижение дополнительной потребности в кадрах в регионах Дальневосточного федерального округа с 28 тыс. чел. в 2022 г. до 11 тыс. чел. в 2026 г. (рис. 1).

Ключевыми отраслями экономики, испытывающими наибольшую потреб-

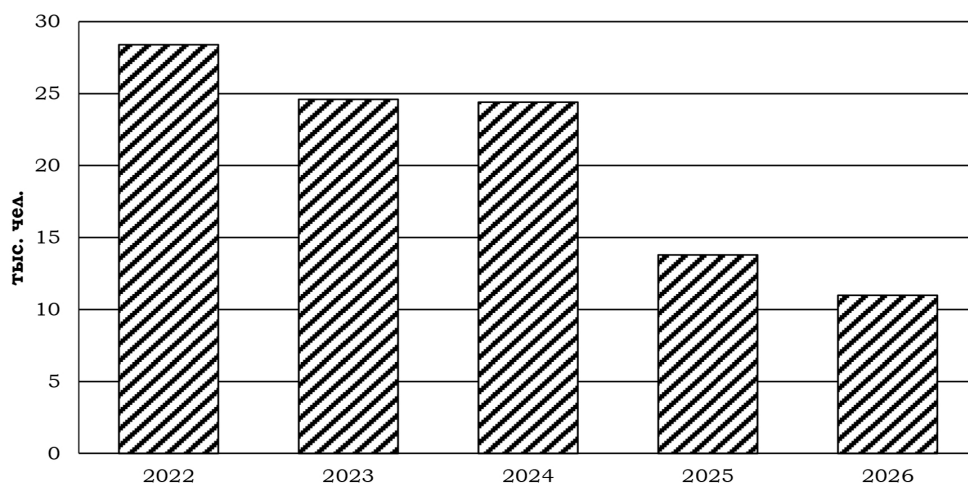

Рис. 1. Дополнительная потребность в кадрах по оценке Корпорации по развитию Дальнего Востока и Арктики⁴

³ См.: Об утверждении Программы повышения мобильности трудовых ресурсов Амурской области на 2015–2026 годы и Порядка отбора работодателей, подлежащих включению в Программу повышения мобильности трудовых ресурсов Амурской области на 2015–2026 годы, и их исключения из указанной Программы: постановление Правительства Амурской области от 15.07.2015 № 332 (ред. от 29.02.2024) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/326142058?ysclid=m8bvd8ing420304250>; Об утверждении государственной программы Магаданской области «Трудовые ресурсы Магаданской области» (с изменениями на 25 июля 2023 года): постановление Правительства Магаданской области от 29.11.2021 № 910-пп // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/577972406?ysclid=m8bvqg0ghi445012711> и др.

⁴ Отчет «Рынок труда на Дальнем Востоке» // Официальный интернет-сайт Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики. URL: <https://rabota.erdc.ru/otchetrinoktruda?ysclid=m8bvwkncбр446221693> (дата обращения 27.12.2024)

ность в кадрах, по оценке экспертов Корпорации, являются строительство, добыча полезных ископаемых, транспорт, рыболовство и аквакультура, машиностроение, сельское хозяйство и пищевая промышленность.

В 2015 г. Правительством РФ было принято распоряжение, в котором очерчен круг субъектов Российской Федерации, привлечение трудовых ресурсов в которые является приоритетным. В течение всех последних лет в этот перечень внеслись изменения, и в настоящее время он включает 26 субъектов. В частности, в 2019 г. сюда были добавлены такие регионы, как Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край и Еврейская автономная область, в результате чего теперь уже все регионы Дальневосточного федерального округа вошли в круг приоритетных для привлечения трудовых ресурсов⁵.

Перечень был сформирован с учётом предложений, поступивших от заинтересованных федеральных и региональных органов исполнительной власти. Одним из важнейших критериев отбора регионов для включения в перечень – реализация на соответствующих территориях инвестиционных проектов, обеспечить которые трудовыми ресурсами за счёт граждан, проживающих в этом регионе, не представляется возможным.

Регионам, вошедшим в этот перечень, было предложено разработать региональные программы повышения трудовой мобильности, и с IV квартала 2015 г. реализация таких программ началась в тех субъектах Российской Федерации, которые первоначально были включены в перечень приоритетных. Затем, по мере расширения перечня, программы начали принимать и реализовывать и в других регионах.

Участие в региональной программе повышения мобильности трудовых ресурсов позволяет работодателям, испытывающим трудности в удовлетворении потребности в трудовых ресурсах, при-

влекать необходимых работников из других регионов и получить финансовую поддержку от государства. В дальневосточных регионах такая поддержка оказывается в размере до 1 млн руб.

Работодатели – участники программы – это любые работодатели (юридические лица или индивидуальные предприниматели), кроме государственных, муниципальных учреждений и иностранных юридических лиц. Претенденты на участие в программе подают заявку на участие, эта заявка рассматривается органами исполнительной власти, после её утверждения с работодателем заключается соглашение и выдаётся сертификат на привлечение трудовых ресурсов. При этом категории привлекаемых из-за пределов региона работников, их образовательный уровень никак не регламентируются.

Количество работодателей, подлежащих включению в программу, определяется, исходя из установленного программой показателя по численности работников, планируемых к привлечению в рамках программы.

Критерии отбора участников программы устанавливаются постановлением правительства соответствующего региона. Обязательным требованием к работодателю-участнику программы является осуществление деятельности в соответствующем регионе и отсутствие задолженности более года по налогам и страховым взносам.

Компания – участник программы может компенсировать приглашённому работнику стоимость переезда работника и членов его семьи, провоза багажа, затраты на найм жилья или частичную оплату его покупки, обучение, медицинский осмотр и другие нужды, связанные с переездом и адаптацией на новом месте.

Привлекаемый работник обязательно должен быть из другого региона.

Регионы могут как расширить виды предоставляемых мер поддержки, так и увеличить требования к работодателям.

Обязательным условием является за-

⁵ Об утверждении перечня субъектов Российской Федерации, привлечение трудовых ресурсов в которые является приоритетным: распоряжение Правительства РФ от 20.04.2015 № 696-р (ред. от 28.05.2024) // Правовая система ГАРАНТ. URL: <https://base.garant.ru/70984402/?ysclid=m8bux3encl644218390> (дата обращения 01.02.2025)

ключение работником трудового договора не менее чем на 2 года с работодателем-участником программы, причём меры поддержки должны быть закреплены в этом договоре. Если договор расторгается по инициативе работника до истечения 1 года, работник обязан вернуть средства, затраченные на предоставление мер поддержки.

После заключения трудового договора с работником организация имеет право на получение от государства компенсации расходов, понесённых ею на предоставление мер поддержки.

По данным Роструда, всего по РФ программой мобильности трудовых ресурсов в 2023 г. воспользовались более 1300 человек, из них более 80% – переехали в регионы Дальнего Востока (то есть в дальневосточных регионах программой воспользовались более 1000 человек)⁶.

Необходимо отметить, что в научных публикациях, опубликованных после начала реализации региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов, высказывались сомнения в возможности решения с их помощью поставленных задач по привлечению требуемого количества работников в районы Дальнего Востока [Андреева, Вотинцева, 2018; Лада, 2018; Швалева, 2019]. Отмечались также ограниченные возможности и миграционной политики в целом как меры закрепления постоянного населения на Дальнем Востоке [Шевцова, 2020. С. 489].

При разработке программы повышения мобильности трудовых ресурсов регион должен в предисловии к программе охарактеризовать постановку проблемы, наметить основные пути ее решения и обосновать необходимость привлечения специалистов из других регионов. Тексты региональных программ включают, как правило, подробную характеристику социально-экономического

положения региона, анализ рынка труда, а необходимость привлечения специалистов из других регионов у работодателей области возникает при реализации инвестиционных проектов. В научных публикациях отмечается, что и в федеральных программах социально-экономического развития, содержащих демографический аспект, не всегда приводятся причинно-следственные связи между запланированными мероприятиями и поставленными в программе целями [Белецкий, 2021. С. 133].

В качестве причин сложившейся ситуации могут указываться следующие:

- недостаток специалистов требуемых специальностей на региональном рынке труда;
- отсутствие подготовки необходимых специалистов в необходимом количестве в образовательных учреждениях;
- структурное несоответствие рынка труда.

Недостатки сложившейся на Дальнем Востоке системы образования, не вполне соответствующей кадровым потребностям региона, сохраняются, несмотря на предпринимаемые региональными властями усилия по изменению ситуации [Красинец, Шевцова, 2020. С. 252].

В программах также приводятся планируемые инвестиционные проекты и компании, участвующие в этих проектах.

Первоначальные положения распоряжения Правительства РФ о региональных программах ориентировали на привлечение специалистов из других регионов только для работодателей, осуществляющих на территории региона инвестиционные проекты. Размер компенсации на расходы по привлечению сотрудника составлял 250 000 руб. Результаты реализации региональных программ в 2015–2017 гг. были признаны Правительством РФ неудовлетворительными⁷, и условия были пересмотрены: был увеличен размер финансовой

⁶ Более 1300 человек стали участниками программы трудовой мобильности: сообщение Пресс-центра Федеральной службы по труду и занятости // Официальный интернет-сайт Федеральной службы по труду и занятости https://rostrud.gov.ru/press_center/novosti/1239323/?ysclid=m8bv3iumn4622835522 (дата обращения 18.12.2024)

⁷ Мобильности не хватило гибкости. Власти предложили новые меры по переезду специалистов // Газета РБК от 11 января 2018 года URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2018/01/11/5a562e489a7947478e0d5b4b?ysclid=m831mdsubr669274678> (дата обращения 12.01.2025)

компенсации, с работодателей-участников сняли ограничение об обязательном участии в осуществлении инвестиционных проектов и ряд других ограничений. Минимальный срок для заключения трудового договора с привлеченным специалистом сокращен с 3 до 2 лет.

По мнению Минтруда России предлагаемая реформа должна была позволить существенно увеличить численность работников, привлекаемых в рамках региональных программ на территорию Дальневосточного федерального округа⁸

Кроме того, в 2021 г. на переехавших в регионы Дальнего Востока специалистов было распространено действие программы «Дальневосточная ипотека»⁹, предоставившей льготные условия для получения кредитов на приобретение жилья (в 2024 г. отменено).

По динамике изменения количества привлеченных в регионы специалистов до и после принятых мер можно судить о росте привлекательности рассматриваемого механизма в том или ином регионе (рис. 2) (на рисунке не представлены ре-

гионы, в которых реализация программ началась с 2020 г.).

Данные рисунка 2 свидетельствуют о том, что в большинстве регионов корректировка условий программ повышения мобильности трудовых ресурсов привела к росту числа привлекаемых из других регионов специалистов. Наиболее существенный рост имел место в Сахалинской области (на 182%) и Приморском крае (на 65%), в меньшей степени в Хабаровском крае (на 7%), в Амурской области число привлеченных работников сократилось на 34%.

Несмотря на определенную положительную динамику в количестве прибывающих работников, контрольно-счетными органами дальневосточных регионов отмечается, что необходимость повышения мобильности трудовых ресурсов и привлечения трудовых ресурсов сохраняют свою актуальность, а механизм повышения мобильности по-прежнему предусмотрен преимущественно для высококвалифицированных работников и не предполагает большого охвата работ-

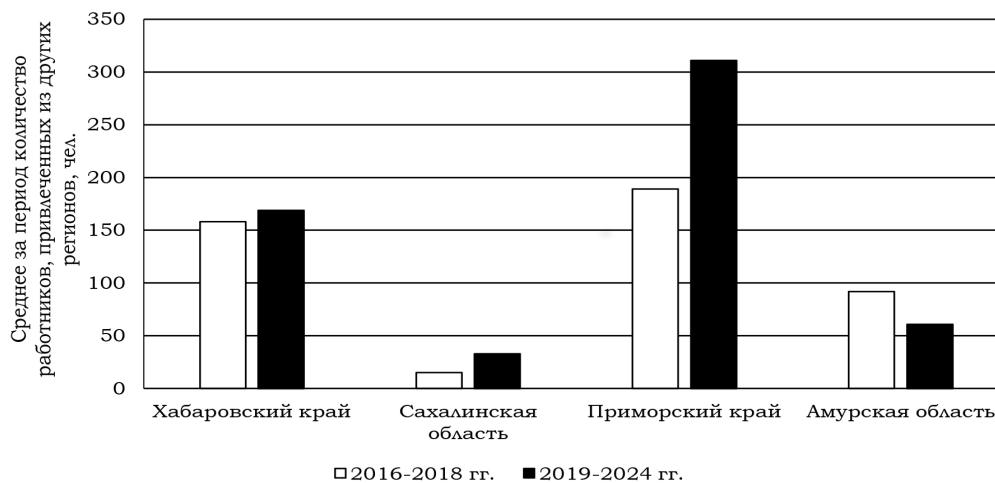

Рис. 2. Динамика среднего количества работников, привлеченных из других регионов, за периоды до и после введения корректировок в условия действия региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов

⁸ Разъяснение Минтруда России относительно увеличения размера финансовой поддержки для работодателей-участников программ повышения мобильности трудовых ресурсов в ДФО от 21 января 2018 года // Официальный интернет-сайт Министерства экономического развития Хабаровского края URL: <https://minec.khabkrai.ru/events/Novosti/2737?ysclid=m849m9uk8h525450874> (дата обращения 05.01.2025)

⁹ О внесении изменений в условия программы «Дальневосточная ипотека»: постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2020 г. № 1513 // Официальный интернет-портал Правительства Российской Федерации <http://government.ru/docs/all/129888/> (дата обращения 11.01.2025)

ников и работодателей¹⁰.

Региональные программы повышения мобильности трудовых ресурсов существенно различаются как по числу участников, так и по охвату отраслей, представляемых участниками. Так, например, в 2020 г. в программе по повышению мобильности трудовых ресурсов Республики Саха (Якутия) участвовали следующие промышленные предприятия: АК «АЛРОСА» и АО «Горно-обогатительный комплекс «Инаглинский». В 2021 г. к этим участникам добавились АО «Горно-обогатительный комплекс «Денисовский», АО «Жатайская судовой верфь» и АО «Ленское объединенное речное пароходство».

В программе повышения мобильности трудовых ресурсов Амурской области, действующей с 2015 г., за период до 2024 г. приняло участие всего 11 организаций. При этом 3 из них относились к числу исполнителей двух крупных федеральных инвестиционных проектов, реализуемых на территории Амурской области – проектированию и строительству космодрома «Восточный» и проектированию и строительству Амурского газоконденсатного завода¹¹. Из 771 человека, привлеченных из других регионов в Амурскую область, на два указанных проекта приходится 684 специалиста (89%). Таким образом, фактически вся региональная программа все эти годы работала, прежде всего, на два проекта. Представляется, что при планировании такого рода крупных федеральных проектов целесообразно затраты на привлечение необходимых специалистов

полностью включать в объем проектных инвестиций, тем более что финансирование региональной программы на 75,4% состоит из федеральных средств и на 7,2% – из средств работодателей. Таким образом, финансовое обеспечение, которое используется для компенсации расходов федеральных предприятий и организаций на привлечение специалистов, на 82,6% состоит из средств федерального бюджета и самих федеральных предприятий и организаций.

В Республике Бурятия в 2023 г. участниками программы были только 3 организации: Улан-Удэнское приборостроительное производственное объединение, Тимлюйский цементный завод и медицинская компания «Диатрип». Количество привлеченных работников (технологи, конструкторы, пилоты, авиатехники, врачи и др.) – более 50¹².

Гораздо более широкий перечень категорий работодателей представлен среди участников программы в Камчатском крае. Так, в 2024 г. в программе приняло участие 19 организаций, привлёкших от 1 до 10 работников. Диапазон категорий – от микропредприятий (индивидуальных предпринимателей) до крупных акционерных обществ. Отраслевая принадлежность – горнодобывающие, авиатранспортные, судоремонтные, энергетические, пищевые, сельскохозяйственные, медицинские и туристические предприятия.

В Сахалинской области за период 2017–2022 гг. в программе также приняли участие 19 организаций - работода-

¹⁰ Результаты контрольного мероприятия «Проверка эффективности и результативности использования средств, выделенных в рамках государственной программы Приморского края «Содействие занятости населения на 2020 – 2027 годы» на подпрограмму «Повышение мобильности трудовых ресурсов» за 2020 – 2022 годы и истекший период 2023 года» // Официальный интернет-сайт Контрольно-счетной палаты Приморского края. URL: <https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fksp25.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2F2024%2F09%2F2.-dimitrenko-trudovye-rezervy-k-%25E2%2584%2596-3-ot-17.03.docx&wdOrigin=BROWSELINK> (дата обращения 09.01.2025)

¹¹ Об утверждении Программы повышения мобильности трудовых ресурсов Амурской области на 2015 - 2026 годы и Порядка отбора работодателей, подлежащих включению в Программу повышения мобильности трудовых ресурсов Амурской области на 2015 - 2026 годы, и их исключения из указанной Программы: постановление Правительства Амурской области от 15.07.2015 № 332 (ред. от 29.02.2024) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/326142058?ysclid=m8bvd8ing420304250> (дата обращения 20.12.2024)

¹² В Бурятии число участников программы повышения трудовой мобильности выросло до трех: сообщение ТАСС от 31 октября 2023 г. URL: https://finance.rambler.ru/business/51687613/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения 29.12.2024)

лей. В наибольшей степени представлены отрасль транспорта и связи, сельскохозяйственное и пищевое производство, строительство. В 2022 г. по программе повышения мобильности трудовых ресурсов работодателями привлечены из других субъектов Российской Федерации квалифицированные специалисты по следующим профессиям: главный инженер, управляющий животноводческого комплекса, начальник участка автоколонны, управляющий по флоту, начальник отдела охраны труда и производственной безопасности, инженер по эксплуатации и ремонту гидротехнических сооружений, пилот, руководитель структурного подразделения, инженер-геодезист, руководитель проекта по модернизации проекта, начальник железнодорожной станции и др.¹³. Как видно из этого списка, большую часть привлечённых сотрудников составляют работники руководящего состава.

Наиболее широкое представительство реализовано в программе Хабаровского края. Участниками программы явились 73 организации более чем 50 отраслей. Наиболее представленными оказались такие отрасли, как строительство и производство стройматериалов, горнодобывающая отрасль, транспорт, медицина, торговля, лесная промышленность и деревообработка. Участники программы – не только крупные компании (горнодобывающие, машиностроительные, нефтеперерабатывающие, гидрометаллургические и т. д.), но и малые предприятия (IT-индустрия, наука, переработка отходов и др.)¹⁴.

Трудно объяснить такую разницу в категориях предприятий и представляемых ими отраслях по регионам, иначе как разной степенью информированности работодателей о программе в том или ином регионе.

Обращает на себя внимание наличие среди работодателей – участников региональных программ достаточно финансово обеспеченных. Например, крупнейшая в мире алмазодобывающая компания «АЛРОСА», один из крупнейших в России угледобывающих комплексов «Горно-обогатительный комплекс «Инаглинский», крупнейший перевозчик сети железных дорог ОАО «РЖД» и т.п. Кроме того, поддержка оказана крупнейшему банку России и Восточной Европы Сбербанку РФ в привлечении работников в его региональные подразделения. Так, например, АЛРОСА привлекает свыше 4000 работников в свои структурные подразделения в Республике Саха (Якутия) для работы вахтовым методом. Работники прибывают как из других регионов Российской Федерации, так и из стран ближнего зарубежья. Привлекаемым сотрудникам оплачивается проезд, для работников строятся общежития, спортивные залы¹⁵. Для привлечения и закрепления квалифицированного персонала в компании реализуются социальные программы (помощь в оплате жилищной ипотеки и при выкупе квартиры, компенсация расходов на аренду жилья, строительство новых домов и т.п.)¹⁶. При этом АЛРОСА включена в региональную программу повышения мобильности трудовых ресур-

¹³ Подведение итогов реализации мероприятий региональных проектов, направленных на повышение эффективности службы занятости и на повышение мобильности трудовых ресурсов в рамках федерального проекта «Содействие занятости» национального проекта «Демография» // *Официальный интернет-сайт Агентства по труду и занятости населения Сахалинской области* <https://tzn.sakhalin.gov.ru/about/press/news/3764/> (дата обращения 19.12.2024)

¹⁴ О внесении изменений в программу Хабаровского края «Повышение мобильности трудовых ресурсов», утвержденную постановлением Правительства Хабаровского края от 14 июля 2015 г. № 191-пр «О реализации мер по повышению мобильности трудовых ресурсов»: постановление Правительства Хабаровского края от 04.12.2023 № 543-пр // *Официальный интернет-портал Правительства Российской Федерации* <http://publication.ravo.gov.ru/document/2700202312050001?ysclid=m8bvins7bn173597541> (дата обращения 29.12.2024)

¹⁵ Информационное сообщение медиакомпания «Алмазный край» URL: <https://almazmedia.tv/syuzhetyi/mirnyy/19623-bolee-4000-sotrudnikov-alrosa-rabotajut-vahtovym-metodom.html?ysclid=m81qfn4kub330872849> (дата обращения 12.01.2025)

¹⁶ Корпоративный сайт компании АЛРОСА. Раздел «Развитие человеческого капитала». URL: <https://alrosa.ru/sustainable-development/staff/#employees-social-programs> (дата обращения 06.01.2025)

сов Республики Саха (Якутия) с потребностью содействия в привлечении 12 человек (2022 г.). Сбербанк отчитался за 2021 г. о 1 245,9 млрд руб. чистой прибыли¹⁷, и при этом признан участником региональной программы Хабаровского края 2021 г., нуждаясь в содействии в привлечении 1 специалиста (объем финансирования 1 075,0 тыс. руб.).

Представляется, что, не отказывая крупным компаниям в участии в региональных программах повышения мобильности трудовых ресурсах, их заявки в условиях ограниченности финансовых ресурсов следует удовлетворять в последнюю очередь.

Общие объёмы финансирования программ существенно варьируют по регионам. Так, например, в 2023 г. в Приморском крае финансирование составило 346 млн руб., в Магаданской области затрчено 15 млн руб., в Камчатском крае – 78 млн руб. Примерно 85–89% из этих объёмов финансирования приходится на субсидии из федерального бюджета, 11–15% – на средства региональных бюджетов.

Программа повышения мобильности трудовых ресурсов, как правило, входит в качестве подпрограммы в государственную программу «Содействие занятости населения» или, как в Магаданской области, в государственную программу «Трудовые ресурсы» (в Чукотском АО в качестве программы в национальный проект «Кадры»). По объёму финансирования подпрограмма повышения мобильности трудовых ресурсов не является лидером среди других подпрограмм развития трудовых ресурсов региона. Так, например, на программу повышения мобильности трудовых ресурсов Магаданской области приходится 4,2% всего объема финансирования государственной программы «Трудовые ресурсы» (рис. 3).

Оценка эффективности проводимых в рамках миграционной политики мероприятий затрудняется отсутствием комплексных показателей результативности [Мищук, 2022. С.159], а в отношении региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов такая оценка ещё более проблематична

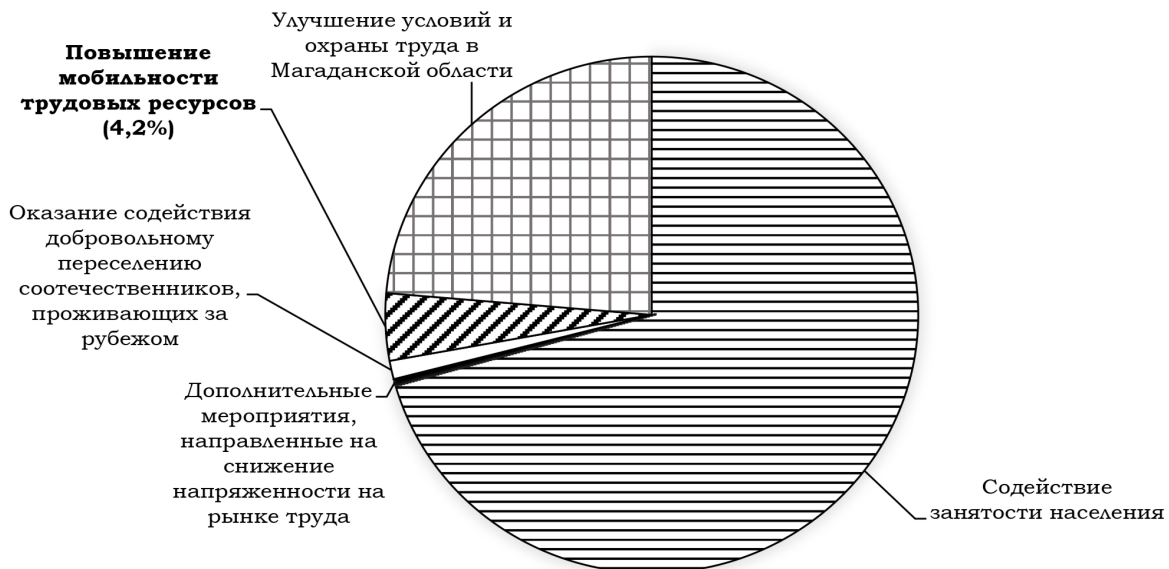

Рис. 3. Структура государственной программы «Трудовые ресурсы Магаданской области»¹⁸

¹⁷ Шалимова А. «Сбер» заработал более 1,2 трлн. рублей по МСФО в 2021 году. Информационное сообщение интернет-портала Банки.ру. URL: <https://www.banki.ru/news/lenta/?id=10961941&ysclid=m8bt9co5be307278537> (дата обращения 04.01.2025)

¹⁸ Об утверждении государственной программы Магаданской области «Трудовые ресурсы Магаданской области» (с изменениями на 25 июля 2023 года): постановление Правительства Магаданской области от 29.11.2021 № 910-пп // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/577972406?ysclid=m8bvqg0ghi445012711> (дата обращения 29.12.2024)

в силу того, что такие программы, как правило, оформляются как подпрограммы других государственных программ или программ в рамках национальных проектов, и оценка (при этом, крайне упрощённая) производится относительно программы в целом (без дифференциации по подпрограммам).

Представляется, что при оценке результативности данных программ следует исходить из степени достижения целей, поставленных перед ними. Если проанализировать цели региональных программ, то, несмотря на разнообразие формулировок, все они могут быть объединены в две группы:

1. содействие социально-экономическому развитию региона в части обеспечения потребности экономики в недостающих трудовых ресурсах;

2. содействие работодателям в привлечении недостающих квалифицированных трудовых ресурсов.

В первом варианте цель, несмотря на то, что она полностью соответствует основной идее политики, направленной на увеличение численности населения регионов Дальнего Востока, сформулирована в излишне обобщённом виде. Даже приблизительно оценить вклад привлечения весьма ограниченного в масштабах экономики того или иного региона числа специалистов, пусть и весьма квалифицированных, представляется крайне проблематичным. В то же время во втором варианте формулировка цели сужает проблемное поле до уровня решения кадровых проблем действующих на территории региона экономических агентов, и в этом смысле он более перспективен. В этом случае эффективность программ мобильности трудовых ресурсов должна определяться степенью закрытия потребности работодателей в привлекаемых из других регионов работников.

$$E = P \frac{\sum_{i=1}^n p_i / P_i}{n}, \quad (1)$$

где P – общее количество требуемых работников согласно заявкам работодателей – участников программы;

P_i – количество требуемых работников согласно заявке i -го работодателя;

p_i – количество работников i -го работодателя, привлечение которых поддер-

жано в программе;

n – число работодателей – участников программы.

Дробная часть формулы (1) представляет собой среднюю степень удовлетворения потребности работодателей – участников программы в привлекаемых из других регионов специалистах. Расчет этого показателя как среднего взвешенного вместо среднего арифметического позволяет учесть степень удовлетворения потребности в специалистах любого предприятия как крупного, так и небольшого. В то же время смысл региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов подразумевает увеличение количества привлекаемых из других регионов работников, поэтому в формуле используется и коэффициент, учитывающий общую потребность участников программы в этой категории специалистов.

Предложенная методика может быть рекомендована для включения в региональные методики для ежегодной оценки их эффективности.

Заключение

Региональные программы повышения мобильности трудовых ресурсов в том виде, в котором они реализуются в настоящее время, не являются инструментом массового привлечения трудовых ресурсов на Дальний Восток, а представляют собой, прежде всего, механизм точечного привлечения специалистов требуемой квалификации.

Предпринятые Правительством РФ меры по совершенствованию механизма повышения мобильности трудовых ресурсов привели в большинстве регионов к росту числа привлекаемых специалистов от 7% до 182%.

Количественный состав привлекаемых работников существенно варьирует по регионам: от нескольких десятков работников до нескольких сотен в год. При этом в значительной степени подтверждаются прогнозы Корпорации развития Дальнего Востока и Арктики о том, что отраслями, в которых наиболее востребованы специалисты, будут такие, как добыча полезных ископаемых, транспорт, пищевая промышленность, рыболовство (представленное большей частью судоремонтом).

Признано целесообразным в услови-

ях ограниченного финансирования осуществлять предоставление государственной поддержки в привлечении сотрудников в дальневосточные регионы крупнейшим компаниям, таким как горнодобывающие, финансовые, транспортные, в последнюю очередь.

В течение периода реализации региональных программ имели место случаи, когда финансовая поддержка оказывалась почти в полном объеме федеральным организациям, реализующим на территории региона крупные инвестиционные проекты федерального уровня. Представляется, что в подобных случаях

целесообразно вопросы привлечения необходимых специалистов решать в рамках проектного финансирования.

Неоднородно также по регионам отраслевое представительство работодателей – участников региональных программ и их количественная категоричность.

Предложена методика оценки эффективности региональных программ повышения мобильности трудовых ресурсов, учитывающая как абсолютную результативность программы, так и степень удовлетворенности отдельных работодателей в привлечении работников из других регионов.

Список источников:

1. Андреева, М. Ю., Вотинцева, Л. И. К вопросу о формировании трудового потенциала территорий опережающего развития Дальнего Востока России // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 1. С. 99–109. DOI: 10.18721/JE.11109 EDN: YSIGQO
2. Белецкий, А. А. Внутрироссийская миграция и стратегические приоритеты роста численности населения на Дальнем Востоке // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 127–135. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-127-135 EDN: KAMMZA
3. Дьяченко, В. Н., Лазарева, В. В. Трансформации трудовой мобильности населения в условиях Дальнего Востока // Региональная экономика: теория и практика. 2020. Т. 18. № 9 (480). С. 1675–1696. DOI: 10.24891/re.18.9.1675 EDN: HNHPTD
4. Дьяченко, В. Н., Лазарева, В. В., Бурлаев, Е. А. Оценка территориальной мобильности и миграции населения на Дальнем Востоке (на примере Амурской области) // Социальные новации и социальные науки. 2023. № 1. С. 72–85. DOI: 10.31249/snsn/2023.01.05 EDN: WOYML
5. Красинец, Е. С., Шевцова, Т. В. Трудовая миграция в решении стратегических задач пространственного развития человеческого капитала на Дальнем Востоке России // Евразийское Научное Объединение. 2020. № 11-4 (69). С. 251–255. DOI: 10.5281/zenodo.4313447 EDN: JPFWJG
6. Лада, А. С. Проблемы привлечения трудовых ресурсов в субъектах Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 21–31. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31 EDN: YWGSDJ
7. Мищук, С. Н. Институциональная структура обеспечения миграционной политики в субъектах Дальневосточного федерального округа // Уровень жизни населения регионов России. 2022. Том 18. № 2. С. 151–161. С. 159. DOI: 10.19181/lsprg.2022.18.2.1 EDN: VWRLN
8. Мищук, С. Н. Общая характеристика и региональные различия миграционных процессов на Дальнем Востоке России в постсоветский период // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 53–67. DOI: 10.31857/S2587-55662019653-67 EDN: FHFEGI
9. Шевцова, Т. В. Миграция на Дальнем Востоке и ее последствия в условиях новой экономической реальности // В сборнике: возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс. Сборник научных трудов участников XI Международной Кондратьевской конференции. Под редакцией В. М. Бондаренко. 2020. С. 486–490. DOI: 10.46865/978-5-901640-34-0-2020-486-490 EDN: TACFNU
10. Швалева, Е. С. Об эффективности правового механизма повышения мобиль-

ности трудовых ресурсов // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 1. С. 62–68. EDN: ZDBVGP

References:

1. Andreeva, M. Yu., Votintseva, L. I. (2018) Formation of the Labor Potential of Advanced Development Territories of the Far East of Russia. *Nauchno-tekhnicheskie ведомosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki* [Scientific and technical bulletin of SPbGPU. Economic sciences], vol. 11, no 1. pp. 99–109. DOI: 10.18721/JE.11109 (in Russ.).
2. Beletsky, A. A. (2021) Internal Migration and Strategic Priorities of Population Increase in Russia's Far East. *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* [Russia's Economic Revival], no. 1 (67), pp. 127–135. DOI: 10.37930/1990-9780-2021-1-67-127-135 (in Russ.).
3. D'yachenko, V. N., Lazareva, V. V. (2020) Changes in the Labor Force Mobility in the Russian Far East *Regional'naya ekonomika: teoriya i praktika* [Regions. Regional Economics: Theory and Practice], vol. 18, is. 9 (480), pp. 1675–1696. DOI: 10.24891/re.18.9.1675 (in Russ.).
4. D'yachenko, V. N., Lazareva, V. V., Burlaev, E. A. (2023) Assessment of Territorial Mobility and Migration of the Population in the Far East (on the Example of the Amur Region) *Sotsial'nyye novatsii i sotsial'nyye nauki* [Social Novelties and Social Sciences], no 1, pp. 72–85. DOI: 10.31249/snsn/2023.01.05 (in Russ.).
5. Krasinets, E. S., Shevtsova, T. V. (2020) Labor Migration in Solving Strategic Tasks of Spatial Development of Human Capital in the Russian Far East. *Evrazijskoe Nauchnoe Ob'edinenie* [Eurasian Scientific Association], no. 11–4 (69), pp. 251–255. DOI: 10.5281/zenodo.4313447 (in Russ.).
6. Lada, A. S. (2018) Problems of attracting labor resources to the constituent entities of the Far East *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], nn 4(85), pp. 21–31. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-21-31 (in Russ.).
7. Mishchuk, S. N. (2022) Institutional Structure for Ensuring Migration Policy in the Subjects of the Far Eastern Federal District *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii* [Living Standards of the Population in the Regions of Russia], vol 18, no 2, pp. 151–161. DOI: 10.19181/lsprr.2022.18.2.1 (in Russ.).
8. Mishchuk, S.N. (2019) General Characteristics and Regional Differences of Migration Processes in the Far East of Russia in the Post-Soviet Period *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya* [Regional Research of Russia], no 6, pp. 53–67. DOI: 10.31857/S2587-55662019653-67 (in Russ.).
9. Shevtsova, T. V. (2020) Migration in the Far East and its consequences in the context of the new economic reality in the collection: possible scenarios for the future of Russia and the world: interdisciplinary discourse. Collection of scientific papers of participants in the XI International Kondratiev Conference. Edited by V. M. Bondarenko, pp. 486–490. DOI: 10.46865/978-5-901640-34-0-2020-486-490 EDN: TACFNU (in Russ.).
10. Shvaleva, E. S. (2019) To the Effectiveness of a Legal Mechanism Aimed at Increasing Labour mobility *Elektronnoye prilozheniye k Rossiyskomu yuridicheskomu zhurnalu* [Electronic Supplement to the Russian Juridical Journal], no 1, pp. 62–68 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 04.03.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 04.03.2025.

Информация об авторе

Р. Н. Шпакова – кандидат географических наук, доцент, доцент кафедры регионального управления и национальной политики, Московский государственный институт международных отношений, Одинцовский филиал.

Information about the author

R. N. Shpakova – Candidate of Sciences (Geography), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Management and National Policy, Moscow State Institute of International Relations, Odintsovo Branch

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 330.34:339.1

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-48-67

Экономическое развитие и внешнеторговые взаимодействия России: текущее состояние и среднесрочные перспективы

Дмитрий Александрович Изотов

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

izotov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

Аннотация. Целью исследования является анализ текущего состояния и среднесрочных перспектив развития экономики России на основе ее внешнеторговых взаимодействий. Выявлено, что российская экономика характеризовалась высокими рисками для инвестирования и барьерами внешнеэкономических взаимодействий, а также зависимостью от динамики мировых цен на сырьевые товары, составляющие основу ее экспорта. Показано, что в 2014–2023 гг. Россия столкнулась с санкциями (вначале – с «локальными», далее – с «широкомасштабными»), в результате которых увеличились риски функционирования ее экономики при смещении внешней торговли с европейского рынка в пользу дружественных государств: Китая, Индии, Турции, некоторых постсоветских стран и Бразилии. Выявлено, что по причине проявления эффекта «ловушки большой страны» ключевым фактором развития экономики России в среднесрочном периоде является динамика цен на сырую нефть, даже в условиях санкций. На основе международного и российского прогнозов показаны сценарии развития российской экономики в среднесрочной перспективе, основными параметрами которых является динамика цен на сырую нефть на мировом рынке, а также влияние государственной политики.

Ключевые слова: экспорт, импорт, природная рента, сырая нефть, санкции, риски, среднесрочный прогноз, дружественные страны, недружественные страны, Россия, Европейский союз, Китай

Для цитирования: Изотов Д. А. Экономическое развитие и внешнеторговые взаимодействия России: текущее состояние и среднесрочные перспективы // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 48–67. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-48-67>

Original article

Economic Development and Foreign Trade of Russia: Current Situation and Medium-Term Prospects

Dmitry A. Izotov

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia

izotov@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9199-6226>

Abstract. *The objective of the study is to analyze the current situation and medium-term prospects for the development of the Russian economy based on its foreign trade. During the study it turned out that the Russian economy is characterized by relatively high investment risks and barriers to foreign trade, as well as dependence on the dynamics of crude oil prices, which form the basis of its exports. It has shown that in 2014–2023 Russia faced sanctions (initially “local”, then “large-scale”), as a result of which the risks for the Russian economy increased, foreign trade shifted from the European Union in favor of friendly states – China, India, Turkey, the EAEU countries and Brazil. The study showed that in the medium term, due to the «big country trap» effect, the key factor in the development of the Russian economy is the dynamics of crude oil prices, even under sanctions. The scenarios for the development of the Russian economy in the medium term are being analyzed based on international and Russian forecasts. The main parameters of these scenarios are the dynamics of crude oil prices on the world market and the influence of government policy.*

Keywords: *exports, imports, resource rent, crude oil, sanctions, risks, medium-term forecast, friendly countries, unfriendly countries, Russia, European Union, China*

For citation: Izotov D. A. (2025) Economic Development and Foreign Trade of Russia: Current Situation and Medium-Term Prospects *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 48–67. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-48-67>

Введение

Особенностью функционирования российской экономики является ее зависимость от внешнеэкономических взаимодействий, которые определяют ее развитие. Россия относится к группе стран с высоким значением отношения экспорта к ВВП, которое превышает среднемировую уровень¹. Основой экспорта России является углеводородное сырье, цены на которое на глобальном рынке определяют динамику национальной экономики. Вследствие зависимости от цен мирового рынка на традиционные товарные группы российского экспорта, исследовательское сообщество сходится во мнении [Гурвич, Прилепский, 2016; The Oxford Handbook..., 2013]: Россия столкнулась с долгосрочными ограничениями развития, связанными со структурными деформациями экономической системы, функционирующей на основе высокой доли природной ренты. Помимо этого, за последнее десятилетие (2014–2023 гг.) Россия стала испытывать негативное влияние санкций, введенных против нее западными странами. По степени охвата попавших под ограничения сфер российской экономики указанные санкции

разделяются на локальные, введенные в 2014–2021 гг., и широкомасштабные – с 2022 г. по настоящее время. Поэтому к настоящему времени Россия столкнулась как со структурными ограничениями, связанными с функционированием экономики с высокой долей природной ренты, так и с санкционными ограничениями, создающими барьеры для эффективного товарообмена, привлечения иностранного капитала и технологий. Более того, текущее положение российской экономики усложняется по причине высоких рисков введения вторичных санкций со стороны западных стран.

Следует заметить, что динамика развития экономики России на основе ее внешнеэкономических взаимодействий в условиях санкций является одним из распространенных объектов эмпирических исследований. В частности, было установлено, что негативное влияние на российскую экономику локальных санкций было значительно меньше, чем от снижения на мировом рынке цен на сырьевые товары, составляющие основу экспорта России [Гурвич, Прилепский, 2016]. Также было определено, что, несмотря на некоторое негативное влияние локальных санкций

¹ В среднем за 2014–2023 гг. отношение экспорта к ВВП в России составило 24,6%, в мире – 22,4%. Рассчитано по: [UNCTAD, 2024; World Economic Outlook Database, 2024].

на реальные доходы населения и инвестиции [Flach, Heiland, Larch, Steininger, Teti, 2024; Kohl, van den Berg, Franssen, 2024], российская экономика в целом довольно быстро адаптировалась к данным ограничениям [Gaur, Settles, Väättänen, 2023]. Что касается широкомасштабных санкций, то они охватывали практически все сферы экономики РФ, а их негативное воздействие имеет заметный негативный накопительный эффект [Смородинская, Катукон, 2022]. В 2022–2023 гг. наблюдалась перестройка российской экономики с точки зрения сокращения импорта на фоне увеличения барьеров со стороны западных стран, роста импортозамещения несложной продукции, упрощения цепочек добавленной стоимости, увеличения государственного сектора экономики за счет выпуска субсидируемой продукции, а также создания барьера для оттока капитала, из-за чего рубль стал ограниченно конвертируемой валютой. В результате за 2014–2023 гг. существенно трансформировалась структура торгово-экономических взаимодействий России с зарубежными странами. В условиях «узкого» коридора имеющихся возможностей в среднесрочной перспективе речь может идти как об адаптации российской экономики к имеющимся внешним ограничениям, так и о поиске дополнительных источников экономического роста.

Целью настоящего исследования является анализ текущего состояния и сред-

несрочных перспектив развития российской экономики на основе внешнеэкономических взаимодействий. Алгоритм исследования предполагает решение следующих задач: 1) анализ динамики российской экономики, ее структурных и санкционных ограничений в условиях трансформации торговых взаимодействий с зарубежными странами в 2014–2023 гг.; 2) определение структурных проблем и направлений развития экономики России в среднесрочной перспективе.

Российская экономика в 2014–2023 гг.: сырьевая зависимость и санкции

Для России характерной чертой взаимодействия с мировой экономикой является превышение экспорта над импортом, что отразилось в положительной динамике сальдо торгового баланса и накоплении золотовалютных резервов (ЗВР) (рис. 1).

Как источник экономического роста высокая обеспеченность сырьевыми ресурсами позволила России повысить средние душевые доходы населения, потребление и инвестирование, в том числе за счет массового импорта [Изотов, 2020. С. 54]. В товарной структуре экспорта России основная доля приходилась на сырьевые группы при доминировании топливно-энергетических товаров и других товаров с низкой добавленной стоимостью (таб. 1), ценообразование на которые в рамках рассматриваемого десятилетия было довольно волатильным на глобальных рын-

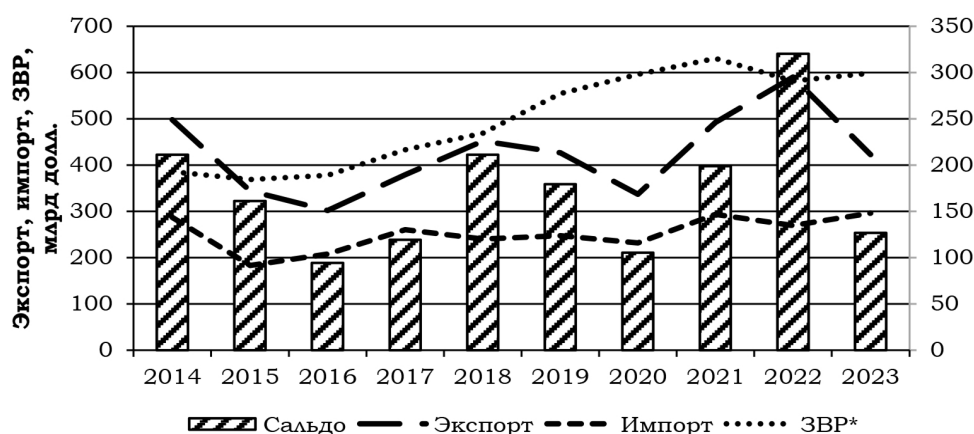

Рис. 1. Экспорт, импорт, сальдо торгового баланса и ЗВР России

Примечание: * – указан стоимостной объем золотовалютных резервов (ЗВР), включая часть «замороженных» ЗВР на счетах ряда недружественных России стран и объединений с 2022 г.

Источник: [Международные резервы Российской Федерации, 2024; World Economic Outlook Database, 2024].

ках. Основную долю в российском экспорте занимало углеводородное сырье, состоящее главным образом из сырой нефти, а также природного газа, нефтепродуктов с низкой долей переработки и угля.

В отличие от экспорта, товарная структура импорта являлась более диверсифицированной, представленной главным образом продукцией обрабатывающей про-

мышленности. Помимо потребительских товаров, в импорте на российский рынок была велика доля продукции инвестиционного назначения, которая играла основную роль в поддержании функционирования производственной и транспортной инфраструктуры российской экономики [Изотов, 2020. С. 69–70].

В результате, при прочих равных усло-

Таблица 1

Товарная структура экспорта и импорта России, %

Товарная группа	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100
0	3,0/ 10,8	3,7/ 10,9	4,5/ 10,0	4,4/ 9,4	4,5/ 9,1	4,5/ 9,0	6,4/ 9,3	5,1/ 8,4	5,5/ 10,3	6,3/ 9,8
1	0,3/ 1,2	0,3/ 1,2	0,4/ 1,3	0,3/ 1,2	0,2/ 1,2	0,3/ 1,3	0,3/ 1,3	0,3/ 1,2	0,2/ 1,3	0,3/ 1,3
2	3,2/ 2,9	3,5/ 3,5	4,2/ 3,4	4,2/ 3,3	4,0/ 3,6	4,2/ 3,7	5,2/ 3,8	4,9/ 3,8	4,0/ 4,0	4,8/ 3,7
3	69,5/ 1,5	62,8/ 1,6	48,3/ 1,0	49,1/ 1,2	52,7/ 1,4	52,0/ 1,3	42,1/ 0,9	43,1/ 0,9	60,2/ 1,6	54,5/ 1,1
4	0,4/ 0,4	0,5/ 0,5	0,7/ 0,5	0,7/ 0,5	0,6/ 0,5	0,8/ 0,5	1,1/ 0,6	1,0/ 0,7	1,2/ 0,9	1,2/ 0,6
5	4,7/ 12,1	5,8/ 14,1	5,9/ 13,5	5,5/ 13,0	4,9/ 13,6	5,1/ 15,0	5,6/ 14,1	6,3/ 14,2	6,6/ 16,1	7,1/ 14,8
6	10,6/ 13,1	12,6/ 12,8	14,0/ 12,1	13,8/ 12,0	13,2/ 12,3	12,5/ 12,3	15,6/ 12,1	15,0/ 12,3	14,2/ 13,3	16,5/ 12,9
7	4,0/ 41,3	5,4/ 37,8	6,2/ 41,9	5,9/ 43,6	4,6/ 42,4	5,1/ 41,4	4,8/ 41,4	4,7/ 42,7	4,4/ 38,7	5,1/ 41,7
8	1,3/ 15,0	1,7/ 15,0	2,1/ 14,6	1,4/ 14,1	1,1/ 14,3	1,3/ 14,0	1,5/ 13,7	1,2/ 13,0	1,3/ 13,3	1,5/ 13,6
9	3,0/ 1,8	3,6/ 2,6	13,9/ 1,8	14,7/ 1,7	14,3/ 1,6	14,4/ 1,6	17,3/ 2,7	18,4/ 2,8	2,3/ 0,7	2,8/ 0,5

Примечания. В числителе представлена доля в экспорте, в знаменателе – доля в импорте. Укрупнение товарных групп осуществлено по кодам международной стандартной торговой классификации (SITC): 0 – пищевые продукты и живые животные; 1 – напитки и табак; 2 – сырье непродовольственное, кроме топлива (шкурки, кожаное сырье и пушнина; масличные семена и масличные плоды; натуральный каучук; пробка и лесоматериалы, бумажная масса и макулатура; текстильные волокна и их отходы; сырье для удобрений, минеральное сырье, металлические руды и лом; сырьевые материалы животного и растительного происхождения, не включенные в другие категории); 3 – минеральное топливо, смазка и аналогичные материалы; 4 – животные и растительные масла, жиры и воски; 5 – химические вещества и аналогичная продукция; 6 – промышленные товары, классифицированные по виду материала (кожа, готовые изделия из кожи и выделанная пушнина; резиновые изделия, не включенные в другие категории; изделия из пробки и дерева (кроме мебели); бумага, картон и изделия из них; текстильная пряжа, ткани и готовые изделия из них; продукция из нерудных ископаемых, не включенная в другие категории; чугун и сталь, цветные металлы и изделия из них); 7 – машины и транспортное оборудование; 8 – различные готовые изделия (блочные здания; арматура и крепления; мебель; постельные принадлежности, матрацы, подушки и аналогичная мебель; дорожные принадлежности, сумки; предметы одежды и одежные принадлежности; обувь; специальные приборы и аппараты, фотографическая аппаратура, оборудование и принадлежности и оптические изделия; часы); 9 – товары и операции, не включенные в другие категории (специальные операции и товары, монеты, немонетарное золото, кроме золотых руд и концентратов).

Источник: рассчитано по: [UNCTAD, 2024].

виях, рост российской экономики поддерживался положительной глобальной ценовой конъюнктурой на сырьевые товары (преимущественно, на сырую нефть), а в периоды резкого снижения цен на углеводородное сырье на мировом рынке – подавлялся. Поскольку основные капиталовложения в инфраструктуру добычи и транспортировки сырьевых товаров (преимущественно сырой нефти и природного газа) были осуществлены в советский период [Изотов, 2020. С. 54], стоимостные объемы экспорта России формирова-

лись главным образом исходя из текущих цен на мировом рынке, определяя общую динамику российской экономики, что наблюдалось и в 2014–2023 гг. (рис. 2).

При сопоставлении доходов федерального бюджета России и цен на сырую нефть на мировом рынке наглядно проявляется рентный характер российской экономики. Колебания нефтяного и ненефтяного экспорта происходили синхронно, ввиду того, что источником капитала в России являлись доходы от экспорта углеводородного сырья (рис. 3).

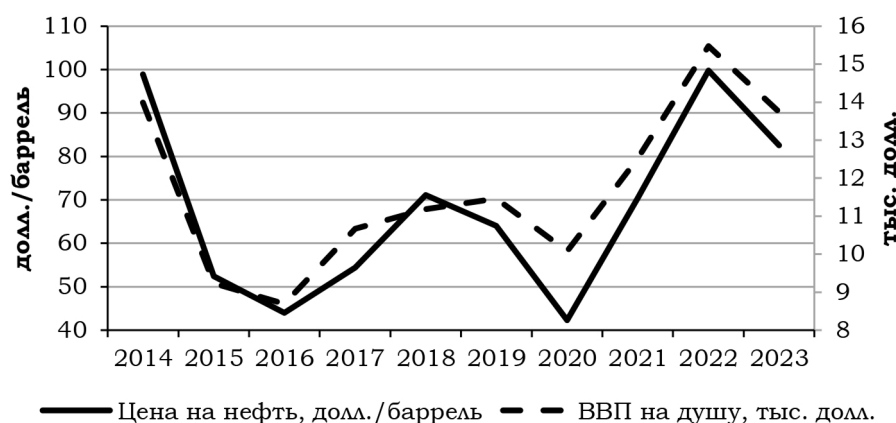

Рис. 2. Динамика среднедушевого ВВП России (правая ось) и цена на сырую нефть на глобальном рынке (левая ось)

Примечание: приведены данные по среднегодовой цене сорта нефти марки «Brent». Источники: [World Economic Outlook Database, 2024; UNCTAD, 2024].

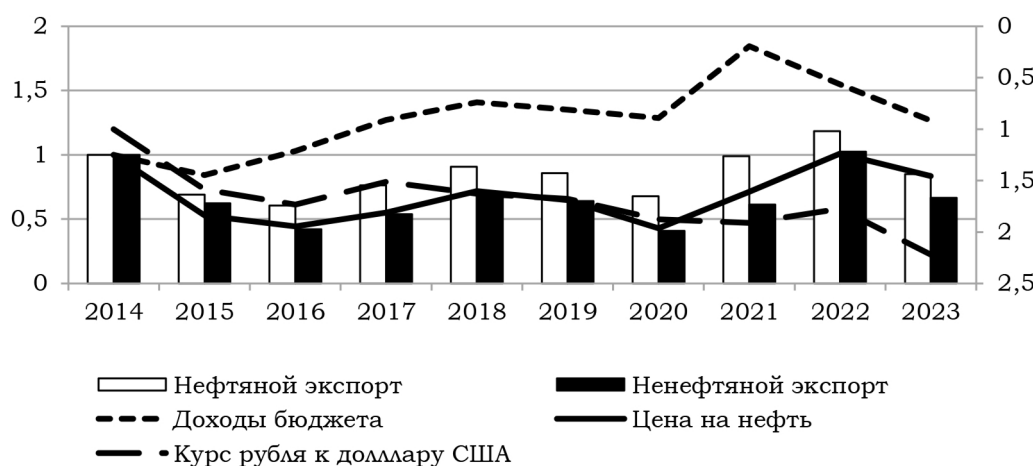

Рис. 3. Доходы федерального бюджета, ненефтяной / нефтяной экспорт России, цена на сырую нефть на мировом рынке, курс рубля к доллару США (2014 г.=1)

Примечания. Доходы государственного бюджета и ненефтяной / нефтяной экспорт России выражены в долларах в текущих ценах; цена на нефть в долл. / баррель представлена маркой «Brent». Относительные значения курса рубля к доллару США отражены по правой оси.

Источник: рассчитано по: [World Economic Outlook Database, 2024; UNCTAD, 2024].

При прочих равных условиях удорожание экспорта России за счет благоприятной ценовой конъюнктуры способствовало укреплению курса национальной валюты, стимулируя расширение внутреннего спроса за счет реальной заработной платы и государственных расходов. Следует заметить, что после финансового кризиса 2014 г., в 2015–2016 гг. цена на мировом рынке на сырую нефть держалась на низком уровне, а в 2017–2019 гг. наблюдалось ее увеличение. В 2020 г. в условиях ограничений, связанных с пандемией COVID-19, цены на сырую нефть на мировом рынке значительно снизились, что отразилось в девальвации рубля. Далее последовало увеличение цен на сырую нефть (2021–2022 гг.), что было связано с постковидным восстановлением глобальной экономики, а также обострением геополитических рисков, которые непосредственно затронули Россию, отразившись на ее внешней торговле, курсе рубля и доходах бюджета.

За последнее десятилетие направление внешнеэкономической политики России, задающее вектор ее взаимодействий с зарубежными странами, существенно изменились по причине санкций. Введенные против российской экономики локальные санкции сводились к трем основным сферам [Dabrowski, Avdasheva, 2023]: 1) запрет средне- и долгосрочного финансирования крупнейших государственных банков и компаний; 2) запрет на торговлю с Россией продукцией оборонного комплекса и товарами двойного назначения, оборудованием, технологиями и услугами по разведке и добыче нефти; 3) запрет на торгово-экономические взаимоотношения с Крымом. Указанные запреты были введены следующими странами / объединениями стран: США, страны Европейского союза в составе 28 стран² (ЕС-28), Австралия, Норвегия, Канада, Исландия, Албания, Черногория, Украина, Новая

Зеландия, Япония, Грузия и Молдова. В свою очередь, Россия ввела режим контрсанкций, установив запрет на импорт продовольственных товаров из большинства указанных стран, осуществив меры по импортозамещению и диверсификации географических рынков сбыта [Larch, Luckstead, Yotov, 2024].

Если санкции 2014–2021 гг. можно определить как довольно ограниченные, то санкции со стороны западных стран против российской экономики, поэтапно вводимые с 2022 г. по настоящее время³ являются беспрецедентными. Данные «широкомасштабные» санкции против российской экономики ввели или впоследствии к ним присоединились следующие страны/группы стран, отнесенные Россией к недружественным: ЕС-27⁴ (далее – ЕС), Австралия, Албания, Исландия, Канада, Новая Зеландия, Норвегия, Республика Корея, Северная Македония, Сингапур, Соединенное Королевство, США, Тайвань, Украина, Швейцария и Япония⁵. В результате широкомасштабные санкции против России реализовывали следующие разновидности ограничений [Dabrowski, Avdasheva, 2023]:

1) *персональные санкции*, распространяемые на руководство страны и крупных бизнесменов;

2) *финансовые санкции*, включающие отказ от транзакций с Центральным Банком России и заморозку его активов, что затронуло примерно половину ЗВР страны; отключение российских банков от системы SWIFT; запрет на поставку в Россию банкнот, деноминированных в евро, на депозиты и криптокошельки; ограничение доступа российских банков, предприятий и частных лиц к рынкам капитала и финансовым рынкам США, стран ЕС и Соединенного Королевства; запрет российским организациям использовать свои активы, хранящиеся в банках США, для погашения своих

² Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Италия, Кипр, Латвия, Литва, Люксембург, Мальта, Нидерланды, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Соединенное Королевство, Финляндия, Франция, Хорватия, Чехия, Швеция и Эстония.

³ В 2022–2024 гг. против России было введено 14 пакетов санкций, а их общее количество превысило 10 тысяч наименований.

⁴ Европейский союз в составе 27 стран, исключая Соединенное Королевство.

⁵ К недружественным странам были также отнесены следующие малые экономики: Андорра; Багамы, Британские территории и владения британской короны; Лихтенштейн; Микронезия; Монако; Сан-Марино.

долгов; ограничение финансовой и нефинансовой поддержки российских государственных или контролируемых организаций в рамках программ ЕС;

3) *энергетические санкции*, которые запрещают или существенно ограничивают поставку сырой нефти, газа и угля из России на рынки США, Соединенного Королевства и стран ЕС; запрещают поставку в Россию товаров и технологий в секторе нефтепереработки и осуществление новых прямых инвестиций в российский энергетический сектор; вводят «потолок» цен на российскую нефть;

4) *торговые санкции*, помимо энергетических, включают эмбарго на ввоз из России в страны ЕС железа, стали, древесины, цемента, резиновых изделий, морепродуктов, спиртных напитков и ликероводочных изделий; 35% пошлину на некоторые товары из России, поставляемые на рынок Соединенного Королевства; запрет на продажу в Россию из США, стран ЕС и Соединенного Королевства товаров двойного назначения, в том числе полупроводников и передовой электроники, а также некоторых предметов роскоши; ЕС запрет всем гражданам и организациям России участвовать в закупочных контрактах стран ЕС; ЕС и страны Большой семерки⁶ прекратили рассматривать Россию как страну с режимом наибольшего благоприятствования в соответствии с правилами ВТО;

5) *транспортные санкции* включают закрытие воздушного пространства ЕС, США, Соединенного Королевства и Канады для всех принадлежащих России, зарегистрированных или контролируемых ею воздушных судов; запрет на продажу, поставку или передачу всех видов самолетов, деталей самолетов и оборудования в Россию и запрет на предоставление всех связанных с этим услуг по ремонту, техническому обслуживанию или финансовым услугам; запрет на экспорт товаров, технологий и услуг, используемых в морском и космическом секторах; закрытие указанными странами своих морских портов для российских судов;

запрет деятельности российских операторов автомобильного транспорта на территории стран ЕС.

Помимо официальных санкций, Россия как страна в целом и российские резиденты в частности стали объектом спонтанных международных бойкотов в различных сферах [Dabrowski, Avdasheva, 2023]. Большое число крупнейших транснациональных корпораций либо приостановили, либо полностью прекратили свою деятельность в России по причине трудностей продолжения бизнеса в условиях санкций, ввиду высоких рисков распространения вторичных санкций и ограниченной конвертируемости рубля, введенной Центральным банком России для сдерживания оттока капитала из российской экономики в 2022 г. В условиях закрытого счета движения капитала и ограничений по вывозу из страны валюты экспорт товаров, преимущественно углеводородного сырья, стал единственным источником зарубежной выручки для российских компаний, которая в условиях наложенных на Россию запретов постепенно становилась все менее «валютной», поскольку за российскую продукцию стали рассчитываться в рублях во избежание санкций.

Краткосрочным смягчением негативного влияния санкций на российскую экономику послужило увеличение цен на сырую нефть на глобальном рынке в 2022 г. по причине нарастания геополитических рисков. Россия, занимая высокую долю на мировом рынке сырьевых товаров, преимущественно сырой нефти, является одним из прайс-мейкеров данной продукции⁷, что позволяет ей быть ключевым участником глобальных торгово-экономических связей, несмотря на имеющиеся жесткие ограничения. В результате, несмотря на некоторое снижение цены на сырую нефть в 2023 г., темп прироста ВВП России даже увеличился в условиях вынужденной перестройки торгово-экономических взаимодействий с зарубежными странами, а также некоторой структурной трансформации экономики (рис. 4).

⁶ Неформальный международный клуб, объединяющий Соединенное Королевство, Германию, Италию, Канаду, Францию, Японию и США.

⁷ Россия занимала второе место по производству и экспорту сырой нефти в мире в 2023 г. Подробно: [Kreil, 2024].

Рис. 4. Темпы прироста ВВП России и изменение цены на сырую нефть на глобальном рынке, по отношению к прошлому году

Источник: [World Economic Outlook Database, 2024; UNCTAD, 2024].

Следует заметить, что экономические мотивы для расширения интеграции с зарубежными странами для России играли лишь второстепенную роль в условиях, когда доходы от реализации углеводородного сырья в той или иной степени компенсировали упущенные выгоды от торгово-экономической консолидации с крупнейшими экономическими блоками. Тем не менее при прочих равных условиях именно страны ЕС должны были бы являться приоритетными объектами интеграционных устремлений России [Изотов, 2022]. Однако по политическим причинам в 2014–2021 гг. интеграционные устремления были свернуты, когда ЕС присоединился к локальным санкциям против России, а российское руководство ввело встречные контрсанкции. Далее в условиях широкомасштабных санкций созданные за долгий период торгово-экономические связи между Россией и ЕС были существенно ослаблены.

Соответственно, в результате введения санкций против российской экономики заметно изменилась страновая структура внешней торговли России. Произошло значительное сокращение доли стран ЕС во внешней торговле России на фоне санкций. Если в 2014 г. доля стран ЕС во внешнеторговом товарообороте России составляла 48,1% (51,2% в экспорте и 43,6% в импорте), то к 2023 г. их доля снизилась до 28,5% (30,9% и 24,2% соответственно), т. е. почти на 20 п. п. (табл. 2).

Сокращение также фиксировалось по остальным недружественным странам

(за исключением Тайваня), суммарная доля которых во внешнем товарообороте России снизилась с 67,4% (70,0% в экспорте и 63,6% в импорте) в 2014 г. до 43,0% (46,1% и 37,2% соответственно) в 2023 г. В свою очередь, наращивание товарооборота России с Тайванем, который относится к числу недружественных экономик, является примером ситуативного перенаправления российских сырьевых потоков, а именно – угля и черных металлов в условиях потери европейского рынка. Также на тайваньский рынок поступал из России сжиженный природный газ и сырая нефть из сахалинских проектов, формально выведенных из-под широкомасштабных санкций в 2022–2023 гг. В результате Тайвань нарастил свою долю во внешней торговле России с 0,8% (0,9% – в экспорте; 0,5% – в импорте) в 2014 г. до 2,2% (2,9% – в экспорте; 0,8% – в импорте) в 2023 г. Однако в условиях ужесточения вторичных санкций против российской экономики в 2024 г. по всей видимости, следует ожидать снижения доли Тайваня во внешнеторговом обороте России в среднесрочном периоде.

Действительно, основное негативное влияние на товарооборот России со странами, отнесенным к недружественным, оказали широкомасштабные санкции, однако роль локальных санкций также не следует преуменьшать, поскольку, как предполагается, они послужили важным сигналом для ускоренного строительства трубопроводной инфраструктуры с 2014 г. для российского экспорта

Таблица 2

Страновая структура экспорта и импорта России, %

Страна или группа стран	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100	100/ 100
Недружественные страны	70,0/ 63,4	66,0/ 59,5	62,0/ 58,2	60,3/ 58,3	61,4/ 57,0	60,3/ 56,2	58,1/ 54,0	56,3/ 52,7	52,5/ 42,9	46,1/ 37,2
из них:										
ЕС	51,2/ 43,6	46,3/ 41,2	44,3/ 41,2	43,0/ 41,5	44,7/ 40,6	43,3/ 39,9	38,1/ 38,8	39,7/ 36,5	35,2/ 28,7	30,9/ 24,2
Республика Корея	4,1/ 3,3	4,5/ 2,5	3,5/ 2,7	3,3/ 3,1	3,9/ 3,1	3,7/ 3,3	3,5/ 3,1	3,2/ 3,9	3,4/ 3,2	3,0/ 3,0
Тайвань	0,9/ 0,5	0,9/ 0,6	0,9/ 0,7	0,9/ 0,7	1,0/ 0,7	0,7/ 0,7	0,9/ 0,7	0,7/ 0,7	3,2/ 1,0	2,8/ 0,8
Соединенное Королевство	1,7/ 2,3	1,5/ 2,0	2,3/ 1,9	2,3/ 1,7	2,1/ 1,5	3,0/ 1,5	6,4/ 1,4	4,2/ 1,5	3,0/ 1,2	2,6/ 1,0
США	2,2/ 4,6	2,8/ 4,7	3,3/ 4,2	3,1/ 4,1	2,7/ 3,8	3,0/ 3,6	3,0/ 3,5	3,3/ 3,7	2,4/ 3,4	2,1/ 2,7
Япония	4,5/ 3,3	4,9/ 3,1	3,2/ 3,1	2,8/ 3,0	2,7/ 3,3	2,6/ 3,3	2,5/ 2,8	2,0/ 2,9	1,9/ 2,4	1,7/ 1,9
Прочие недружественные страны	5,4/ 5,8	5,0/ 5,2	4,5/ 4,3	5,0/ 4,2	4,3/ 4,0	3,9/ 3,9	3,7/ 3,7	3,1/ 3,5	3,5/ 2,9	3,0/ 3,6
Дружественные страны	30,0/ 36,6	34,0/ 40,5	38,0/ 41,8	39,7/ 41,7	38,6/ 43,0	39,7/ 43,8	41,9/ 46,0	43,7/ 47,3	47,5/ 57,1	53,9/ 62,8
из них:										
Китай	8,5/ 17,7	9,6/ 18,8	9,7/ 20,7	10,8/ 20,2	12,2/ 21,1	13,1/ 21,4	13,7/ 23,0	16,0/ 24,3	17,6/ 30,5	22,4/ 36,6
ЕАЭС	7,5/ 7,2	8,3/ 8,0	9,0/ 7,9	9,6/ 8,1	8,4/ 8,1	9,0/ 8,4	9,2/ 8,4	8,6/ 8,7	6,5/ 11,2	5,7/ 11,1
Индия	1,0/ 0,9	1,5/ 1,0	1,9/ 1,1	1,8/ 1,1	1,7/ 1,1	1,7/ 1,4	1,6/ 1,3	1,7/ 1,3	4,9/ 1,4	8,7/ 1,5
Турция	3,4/ 2,1	4,0/ 2,1	4,5/ 1,0	4,9/ 1,4	4,6/ 1,6	4,8/ 1,9	4,4/ 2,1	5,0/ 2,1	5,1/ 3,4	4,5/ 3,6
Бразилия	0,5/ 1,3	0,7/ 1,4	0,8/ 1,3	0,7/ 1,3	0,6/ 0,8	0,6/ 0,8	0,6/ 0,8	1,0/ 0,6	1,3/ 0,8	2,0/ 0,6
Прочие дружественные страны	9,1/ 7,4	10,0/ 9,3	12,2/ 9,8	11,8/ 9,7	11,1/ 10,2	10,6/ 10,1	12,4/ 10,5	11,4/ 10,2	12,1/ 9,8	10,6/ 9,4

Примечания. В числителе представлена доля в экспорте, в знаменателе – в импорте. ЕАЭС – Евразийский экономический союз, в который помимо России входят Армения, Беларусь, Казахстан и Киргизия.

Источник: рассчитано по: [UNCTAD, 2024].

углеводородного сырья на рынки Китая и Турции. Исходя из этого, к 2022 г. отчасти уже были созданы условия для наращивания поставок из России в некоторые ключевые дружественные для российской стороны страны. В другие дружественные для России страны, в которые невозможно было проложить трубопроводную инфраструктуру, важные сырьевые товары российского экспорта отправились главным образом морем. В результате с 2022 г. наблюдалось смещение экспортных потоков России с европейского рынка в Китай, Индию, Турцию и другие страны, в явном виде не присоединившиеся к санкциям.

Из дружественных России стран су-

щественно нарастил долю в российском внешнеторговом товарообороте Китай – с 12,4% (8,5% – в экспорте и 17,7% – в импорте) в 2014 г. до 27,4% (22,4% и 36,6% соответственно) в 2023 г. Тем самым в условиях санкций Китай стал важнейшим торгово-экономическим партнером для России, доля которого во внешней торговле, по всей видимости, будет только нарастать. Индия в меньшем стоимостном объеме, чем Китай, но также заметно увеличила свою долю в российском внешнеторговом товарообороте – с 0,9% (1,0% – в экспорте и 0,9% – в импорте) в 2014 г. до 6,1% (8,7% и 1,5% соответственно) в 2023 г. Фактически, две крупнейшие по населению эко-

номики мира – Китай и Индия – стали для России вынужденной альтернативой европейскому рынку с точки зрения направления экспортных потоков.

Остальными дружественными странами, заметно увеличившими долю во внешней торговле России в рамках рассматриваемого десятилетия, были Турция и Бразилия. Следует заметить, что Турция в явном виде стала одним из главных бенефициаров от негативного влияния санкций на российскую экономику, став «газовым хабом». Турция импортировала также российскую сырую нефть, формально не присоединяясь к санкциям против России, поставляя товары на российский рынок. В результате доля Турции во внешней торговле России возросла с 2,9% (3,4% – в экспорте; 2,1% – в импорте) в 2014 г. до 4,2% (4,5% – в экспорте; 3,6% – в импорте) в 2023 г. В рамках санкционных ограничений с 2022 г., в условиях отсутствия альтернатив по сбыту некоторых товаров с низкой добавленной стоимостью, например, удобрений, которые ранее массово поставлялись на европейский рынок, российские поставщики были вынуждены осуществлять их сбыт на территориально удаленных рынках, к которым относится Бразилия. По этой причине данная страна увеличила свою долю в российском товарообороте с 0,8% (0,5% – в экспорте; 1,3% – в импорте) в 2014 г. до 1,5% (2,0% – в экспорте; 0,6% – в импорте) в 2023 г.

На постсоветском пространстве Россия осуществляла активные шаги по расширению и углублению интеграции с некоторыми странами, вошедшими в 2015 г. в Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который функционирует в режиме таможенного союза. Одной из очевидных проблем данного интеграционного объединения является то, что размер российской экономики почти на порядок превышал суммарную экономику остальных стран-членов ЕАЭС. Данное обстоятельство выступало аргументом в пользу того, что Россия не может существенно нарастить торговлю с данными странами [Souza, 2011]. Ситуация изменилась с 2022 г., когда страны ЕАЭС стали выступать для российской экономики важным источником смягчения широкомас-

штабных санкций со стороны недружественных стран [Simola, 2023]. Несмотря на то, что доля ЕАЭС во внешнем товарообороте России осталась примерно на одном уровне – 7,4% в 2014 г. и 7,6% в 2023 г., данная группа стран выполняла важнейшую функцию восполнения поставок импорта в условиях широкомасштабных санкций. По этой причине доля стран ЕАЭС в импорте России увеличилась с 7,2% в 2014 г. до 11,1% в 2023 г. В результате ряд стран ЕАЭС в условиях широкомасштабных санкций стали выполнять для российского рынка роль транзитной территории для снижения барьеров взаимодействий с недружественными странами при существующих рисках введения вторичных санкций со стороны западных стран.

Структурные проблемы и среднесрочные перспективы развития экономики России

Структурные деформации экономики России вызваны большой ее зависимостью от природной ренты и высокими рисками для инвестирования [Economic Policy Reforms, 2017; Global Economic Prospects, 2024]. Следует различать собственно наличие природной ренты и чрезмерную зависимость от нее, которая для России проявляется, как было ранее указано, при сопоставлении доходов федерального бюджета и цен на сырую нефть на глобальном рынке. Связь между данными показателями очень тесная, поскольку бюджетные доходы генерируются в результате как прямого налогового обложения экспорта сырьевых товаров, так и косвенного, формирующего доходы домохозяйств и корпоративного сектора и спрос на импорт. В итоге, в России государство стало рассматриваться как распределитель бюджетных доходов, которые формировались природной рентой. Подтверждением долгосрочной тенденции развития экономики России, связанной с централизованным распределением доходов, получаемых от природной ренты, является то обстоятельство, что торговля генерировала более половины прироста ее ВВП [Изотов, 2018]. Развитие экономики страны в рамках данной модели привело к упрощению ее структуры и к сильной зависимости от текущей внешнеторговой

конъюнктуры. При этом присоединение России к ВТО в 2012 г. способствовало снижению для нее различных торгово-экономических барьеров, а также открыло возможности использования механизмов глобального формата для урегулирования различного рода торговых споров [Изотов, 2020, с. 65].

Следует заметить, что динамика индекса экономической свободы⁸ указала на то, что экономика России характеризовалась определенными рисками (рис. 5).

В 2014–2021 гг. наблюдалась недостаточная поддержка экономических свобод в России. Тем не менее к концу указанного периода Россия стала характеризоваться умеренным государственным вмешательством в экономику, улучшив свои позиции по таким компонентам индекса

как «размер государства в экономике»⁹, «верховенство закона»¹⁰ и «открытость рынка»¹¹. В результате индекс экономической свободы России в 2021 г. был сопоставим с индексами таких стран, как Греция, ЮАР и Бразилия. По состоянию на 2021 г., который в целом был довольно непростым для российской экономики в условиях пандемии COVID-19, дальнейшее снижение рисков, связанных с «открытостью рынка» и «верховенством закона», могло бы при прочих равных условиях гарантировать России заметное улучшение инвестиционного климата, выступив в последующем одним из источников развития ее экономики.

Во многом из-за введенных с 2022 г. широкомасштабных санкций, риски для российской экономики стали заметно на-

Рис. 5. Индекс экономической свободы России: динамика и компоненты

Примечания. Чем больше количество баллов по индексу экономической свободы (от 0 до 100 баллов), тем ниже экономический риск страны. Сводный индекс экономической свободы основывается на данных с годичным лагом, по этой причине значения индекса отражены до 2024 г. включительно. 12 имеющихся компонентов индекса экономической свободы были агрегированы в четыре крупные категории на основе методики фонда Heritage.

Рассчитано по: [Index of Economic Freedom, 2024].

⁸ Индекс экономической свободы, разрабатываемый фондом Heritage с 1995 г., является многокомпонентным. При построении индекса его разработчики отталкивались от того, что для стран с низкими экономическими рисками характерно беспрепятственное перемещение товаров, капитала и рабочей силы в рамках национального и глобального рынков, при этом ограничения существуют только для защиты и поддержания различного рода свобод.

⁹ Рассчитывается на основе уровней налоговой нагрузки и государственных расходов.

¹⁰ Включает в себя защиту прав собственности, а также как эти права защищены законами, включая оценку рисков соблюдения прав собственности в целом и прав интеллектуальной собственности в частности, а также исполнения контрактов и наличие барьеров, их сдерживающих.

¹¹ Включает оценку свободы торговли, инвестиционных потоков, а также функционирования финансовых учреждений, отражая влияние различных барьеров на экспорт и импорт товаров и услуг, капитала и эффективность работы финансового рынка и банковского сектора страны.

растать, и Россия переместилась в когорту стран со слабой поддержкой экономических свобод, наряду с Эфиопией, Боливией и Аргентиной. Компонентный состав индекса экономической свободы указал на то, что источниками увеличения риска экономики России с 2022 г. являлись снижение «открытости рынка», прежде всего за счет увеличения барьеров для торговли товарами и услугами, а также для потоков капитала с зарубежными странами в условиях ограничения капитального счета платежного баланса; введение барьеров западными странами на транзакции с российскими компаниями и т. д., при том, что риски инвестирования в российскую экономику всегда были высокими; ухудшение «верховенства закона» за счет возрастания рисков от коррупции и снижения защиты прав собственности; снижение «эффективности регулирования»¹² в условиях увеличения рисков, связанных со свободой частного бизнеса и наращивания субсидируемого государственного сектора экономики. При этом в первые годы широкомасштабных санкций риски, связанные с «размером государства в экономике», отражающие уровень налоговой нагрузки и динамику государственных расходов, были небольшими, указывая на отсутствие проблем в наполнении бюджета в условиях сравнительно благоприятной ценовой конъюнктуры экспорта сырьевых товаров из России, а также на возможную эффективность перераспределения дохода среди широких категорий населения в новых условиях.

Ограничения для ведения экономической деятельности в России генерируют долгосрочные проблемы для развития ее экономики. В условиях имеющейся текущей неопределенности относительно дальнейшей динамики санкционных ограничений против российской экономики очевидно, что наиболее важным экзогенным фактором, определяющим текущую и перспективную динамику экономического роста России, является уровень цен на сырьевые товары, которые являются основой ее экспорта. Фактически речь идет о ценах на сырую нефть на глобальном рынке, что является отправ-

ной точкой для построения кратко- и среднесрочных прогнозных оценок развития экономики России как российскими [Прогноз социально-экономического развития..., 2024], так и международными организациями [World Economic Outlook Database, 2024; Global Economic Prospects, 2024; OECD Economic Outlook, 2024]. Конъюнктура цен на сырую нефть определяется в большей степени динамикой мировой экономики, с товарным рынком которой Россия довольно тесно связана. Важным аспектом стабилизации российской экономики и диверсификации ее экспортных и импортных потоков является реализация мер государственной политики. В частности речь может идти о росте выпуска российской обрабатывающей промышленности, создании и расширении транспортной инфраструктуры для перенаправления внешней торговли России на рынки дружественных стран, а также ее сближения с крупными экономиками, альтернативными западным, что, при прочих равных условиях, способно сгенерировать положительные экономические эффекты для страны.

Поэтому, исходя из имеющихся прогнозных оценок, разработанных российскими и международными организациями, можно выделить как минимум два сценария развития экономики России в среднесрочной перспективе. Во-первых, это консервативный вариант или *инерционный сценарий* развития российской экономики, который исходит из замедления роста мировой экономики и, как следствие, понижающей динамики цен на сырую нефть на глобальном рынке, а также из усиления экзогенных ограничений, в том числе за счет расширения вторичных санкций. Во-вторых, это *прогрессивный сценарий*, который отталкивается от более благоприятной конъюнктуры мировых цен на сырую нефть, опережающего роста выпуска продукции и сохранения высокой инвестиционной активности в России, при неизменности санкций к российской экономике.

Инерционный сценарий. Имеющиеся к текущему времени прогнозы развития российской экономики в условиях

¹² Отражает уровень свободы бизнеса и монетарной политики страны.

консервативного варианта исходят из снижения цен на сырую нефть на глобальном рынке. При этом среднесрочные перспективные оценки, полученные специалистами Министерства экономического развития России, отличаются от прогнозов международных организаций, поскольку учитывают перспективную реализацию национальных проектов. Если прогноз в рамках консервативного варианта Министерства экономического развития России указывает на возможность некоторого преломления тенденции затухающих темпов прироста российской экономики в пользу более высоких значений к 2027 г. (табл. 3), то среднесрочный прогноз МВФ указывает на «консервацию» низких темпов прироста национальной экономики в обозримой перспективе (табл. 4).

Исходя из этого можно заключить, что в Министерстве экономического развития России и в МВФ видится разный масштаб и, соответственно, эффекты от реализации промышленной и инвестиционной политики в стране. Тем не менее в МВФ более оптимистично оценивают потребительскую инфляцию и курс рубля к доллару США, при том, что в среднесрочной перспективе ожидается неминуемая девальвация национальной валюты. Данные два прогноза указывают на некоторое увеличение ключевых макроэкономических показателей на душу населе-

ния, выраженных как в форме реальных располагаемых денежных доходов населения, так и среднедушевого ВВП.

И Министерство экономического развития России, и МВФ прогнозируют, соответственно, постепенное сокращение положительного сальдо торгового и платежного баланса страны, что может быть вызвано приростом импортных поставок и снижением стоимостных и физических объемов экспорта сырьевых товаров. Согласно оценкам МВФ, может наблюдаться увеличение государственного долга России, которое тем не менее будет довольно низким по сравнению с другими странами мира, а также рост уровня безработицы, что выглядит не совсем правдоподобно в условиях ужесточения миграционных мер в России с 2024 г. Расходы на потребление, доходная и расходная части бюджета России, по оценкам МВФ, будут оставаться на стабильном уровне, что указывает в целом на отсутствие со стороны международной организации каких-то катастрофических ожиданий для российской экономики в среднесрочной перспективе, т. е. с этой точки зрения, при прочих равных условиях, действия экономического блока российского руководства оцениваются как довольно рациональные.

При этом некоторую озабоченность в оценках Министерства экономического развития России может вызывать сни-

Таблица 3

Среднесрочные прогнозные показатели развития экономики России в рамках консервативного варианта, разработанные Министерством экономического развития РФ

Показатель	2024	2025	2026	2027
Цена на нефть марки «Brent», долл. за баррель	83,5	78,5	74,5	71,0
Курс рубля к доллару США	91,2	95,2	98,3	104,2
Индекс потребительских цен на конец года, в % к декабрю	7,3	3,7	4,4	5,4
Прирост ВВП, %	3,9	1,7	1,0	2,6
Инвестиции в основной капитал, %	7,8	0,6	-1,8	3,0
Промышленное производство, %	4,0	0,4	0,9	1,5
Реальные располагаемые денежные доходы населения, %	7,1	4,6	3,7	2,2
Оборот розничной торговли, %	8,6	6,0	4,8	3,8
Экспорт товаров, млрд долл.	427,6	417,3	418,1	425,2
Импорт товаров, млрд долл.	294,9	291,3	299,5	316,1

Источник: [Прогноз социально-экономического развития..., 2024].

Таблица 4

**Среднесрочные прогнозные показатели развития экономики России,
разработанные МВФ**

Показатель	2024	2025	2026	2027	2028	2029
Прирост ВВП, %	3,6	1,3	1,2	1,2	1,2	1,2
ВВП на душу населения в текущих ценах, долл.	14953	15077	15495	15930	16415	16792
Валовые сбережения, % от ВВП	27,7	28,2	28,3	28,6	28,9	29,0
Валовые капиталовложения, % от ВВП	25,0	25,6	25,8	26,3	26,8	27,3
Расходы на потребление, % от ВВП	69,7	69,3	69,3	69,1	69,0	69,3
Прирост потребительских цен, %	7,9	5,9	4,0	4,0	4,0	4,0
Уровень безработицы, % от численности рабочей силы	2,6	3,0	3,6	4,0	4,4	4,7
Доходы бюджета, % от ВВП	35,4	36,5	36,5	36,7	36,5	36,5
Расходы бюджета, % от ВВП	37,3	37,0	37,1	37,2	37,2	37,3
Государственный долг, % от ВВП	19,9	20,4	21,4	22,5	23,7	25,1
Прирост экспорта товаров и услуг в реальных ценах, %	4,8	6,0	5,0	5,0	4,6	4,6
Прирост импорта товаров и услуг в реальных ценах, %	1,4	2,3	3,6	4,4	4,5	5,6
Сальдо платежного баланса, млрд долл.	58,0	56,6	55,2	53,5	49,6	41,0
Сальдо платежного баланса, % от ВВП	2,7	2,6	2,5	2,3	2,1	1,7
Курс рубля к доллару США	89,8	94,8	97,1	99,5	101,8	104,9

Источник: [World Economic Outlook Database, 2024].

жение темпов промышленного производства, инвестиций в основной капитал, а также оборота розничной торговли, что может указывать на исчерпание возможностей оперативного импортозамещения. Впоследствии процесс импортозамещения в России, по всей видимости, будет требовать значительных усилий от государственного и корпоративного секторов страны по субсидированию ряда отраслей экономики и сдерживанию инфляции.

Прогрессивный сценарий. В рамках базового варианта, разработанного Министерством экономического развития России, предполагается, что уровень мировых цен на сырьевые товары стабилизируется ввиду роста развивающихся экономик, большинство из которых входят в число дружественных для России стран. По мере переориентации поставок товаров из России в дружественные страны дисконт экспортной цены на российскую нефть будет сокращаться, позволяя увеличить российский ВВП, нарастить импорт необходимых товаров, поддерживать инвестиции в основной капитал и оборот розничной торговли, сдержать девальвацию рубля и потребительскую инфляцию (табл. 5).

На фоне приемлемого уровня цен на сырьевые товары на внешнем рынке, в рамках прогрессивного сценария важным источником роста российской экономики может также выступить внутренний потребительский и инвестиционный спрос. Инвестиционная активность обеспечит рост объемов экспорта сырьевых товаров, а также предложения отечественных товаров на внутреннем рынке, позволяя удовлетворить потребительский спрос на основе увеличения реальных располагаемых денежных доходов населения.

Предполагается, что ситуация на рынке труда в России продолжит оставаться стабильной, благодаря реализации мер стимулирования внутренней занятости, а также повышения уровня подготовки и адаптации рабочей силы к изменяющимся условиям экономики при сохранении безработицы в среднесрочной перспективе на уровне 2,6% от рабочей силы¹³. При этом ключевым экзогенным риском для России остается замедление мировой экономики. Данное обстоятельство может создать серьезные риски для развития ориентированных на экспорт отраслей и для федерального бюджета. Си-

Таблица 5

**Среднесрочные прогнозные показатели развития экономики России
в рамках базового варианта, разработанные
Министерством экономического развития РФ**

Показатель	2024	2025	2026	2027
Цена на нефть марки «Brent», долл. за баррель	83,5	81,7	77,0	74,5
Курс рубля к доллару США	91,2	96,5	100,0	103,2
Индекс потребительских цен на конец года, в % к декабрю	7,3	4,5	4,0	4,0
Прирост ВВП, %	3,9	2,5	2,6	2,8
Инвестиции в основной капитал, %	7,8	2,1	3,0	3,3
Промышленное производство, %	4,0	2,0	2,4	2,6
Реальные располагаемые денежные доходы населения, %	7,1	6,1	4,6	3,4
Оборот розничной торговли, %	8,6	7,6	6,1	4,1
Экспорт товаров, млрд долл.	427,6	445,0	455,2	476,2
Импорт товаров, млрд долл.	294,9	321,9	342,6	357,4

Источник: [Прогноз социально-экономического развития..., 2024].

темные риски России связаны с дефицитом кадров на рынке труда, особенно в условиях ужесточения миграционных мер. Поэтому ключевой задачей для российского руководства в среднесрочной перспективе является повышение производительности труда, а также обеспечение максимальной гибкости рынка труда. Длительное ужесточение денежно-кредитной политики может также негативно сказаться на инвестиционной активности и на дополнительных расходах бюджета по накопленным внутренним обязательствам. То есть в рамках прогрессивного сценария за счет приемлемых цен на экспорт сырьевых ресурсов, которые могут быть достигнуты для России в условиях роста мировой экономики, а также переориентации сбыта данной продукции на рынки прочих стран, возможна частичная компенсация издержек, генерируемых для российской экономики в условиях введенных против нее широкомасштабных санкций.

При прочих равных условиях страны могут успешно развиваться при наличии природных ресурсов, расширяя при этом внешнеэкономическую открытость, диверсифицируя экспорт, уве-

личивая масштабы частного сектора, снижая волатильность экономики и риски [Van Eeghen, Gill, Izvorski, De Rosa, 2014]. Для стран с высокой природной рентой в экономике и перечисленными выше проблемами (к которым относится Россия), проведение структурных преобразований, возможно, будет очень болезненным, особенно в условиях санкций, снижающих выручку от экспорта сырьевых товаров, а также создающих значительные барьеры для технологического переоснащения реального сектора экономики. С этой точки зрения для России важно учесть опыт других экономик, против которых вводились широкомасштабные санкции. Опираясь на данный опыт, предполагается, что российская экономика может получить даже некоторое развитие за счет мер государственной политики [Симачев, Федюнина, Кузык и др., 2024], среди которых поддержка импортозамещения, основанного на поиске российских аналогов и на обратном инжиниринге; субсидирование технологического импортозамещения, повышение эффективности национальной инновационной системы; создание условий для развития субъектов малого

¹³ Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. Министерство экономического развития Российской Федерации. 30 сентября 2024. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/makroec/prognozy_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_na_2025_god_i_na_planovyy_period_2026_i_2027_godov.html (дата обращения: 1 ноября 2024)

и среднего предпринимательства в условиях освободившихся ниш на рынке; товарная и географическая диверсификация экспорта; привлечение прямых иностранных инвестиций, как источника современных знаний и бизнес-практик из дружественных стран.

При этом риски, связанные с возможностью расширения экономических санкций, в том числе вторичных, создают значительные препятствия для торгово-экономических взаимодействий с российским рынком для большинства стран, не присоединившихся к ограничениям российской экономики. Специфика широкомасштабных санкций против России состоит в том, что США активно применяют институт вторичных санкций, активно отслеживая нарушителей санкционного режима со стороны российских партнеров. Несмотря на это, большинство стран мира в явном виде не присоединились к широкомасштабным санкциям против российской экономики. Переориентация России на другие рынки может быть связана с развитием альтернативных партнерств со странами, формально или неформально не поддерживавшими санкции, наиболее крупной из которых является Китай, особенно в условиях имеющегося политического противостояния КНР с США. При этом для России существуют серьезные риски зависимости от альтернативных партнеров, а также регрессивного характера импортозамещения, значительной девальвации национальной валюты и инфляции [Смородинская, Катюков, 2023].

Несмотря на то, что в целом российско-китайские торговые взаимодействия развиваются динамично, в пространственном отношении они неоднородны и для их расширения можно выделить несколько направлений [Изотов, 2023]: наращивание поставок на российский рынок товаров, ориентированных изначально на внутренний рынок Китая, ввиду нарастания угроз применения санкций для китайских компаний, интегрированных в международные производственные цепочки; развитие приграничного сотрудничества; расширение пропускной способности торговых путей и снижение та-

рифных барьеров двусторонних взаимодействий [Вардомский, 2023]. Поставки российских товаров на китайский рынок в условиях широкомасштабных санкций могут определяться некоторыми процессами: освоением внутреннего рынка КНР российским бизнесом; доступом китайского корпоративного сектора к сырьевым ресурсам России и переключением логистики поставок российских сырьевых товаров с глобального рынка на китайский; адаптацией торговых расчетов между странами к проявлению вторичных санкций.

Заключение

Российская экономика тесно связана с глобальной экономической системой. Ключевым фактором, определяющим рост экономики России является экспорт сырьевых товаров, преимущественно – сырой нефти, зависимый от динамики цен на мировом рынке. В целом основными структурными особенностями российской экономики являлись: недостаточная открытость внутреннего рынка для импорта товаров; высокие риски для инвестирования; замещение положительных эффектов от интеграции с крупными и близкими экономиками значительными объемами чистого экспорта за счет поставок на внешние рынки сырьевых товаров. При прочих равных условиях экономический рост России поддерживался высокими ценами на экспортируемые сырьевые товары.

В 2014–2023 гг., помимо проблем, связанных с функционированием сырьевой экономики, Россия столкнулась с санкциями (вначале – с локальными, далее – с широкомасштабными), которые стали влиять на ее внешнеэкономическую политику. В результате к 2023 г. для России были созданы существенные барьеры во внешнеторговых взаимодействиях, которые вынуждали переориентировать ее экспорт на рынки, которые в ряде случаев были значительно удаленными, не являясь при этом привилегированными, и характеризовались большими рисками осуществления платежей за поставленную продукцию. Наблюдалось смещение торговых потоков России с европейского рынка в пользу Китая, Индии,

Турции, ЕАЭС и других дружественных стран. При этом стали проявляться неопределенность и увеличение рисков расширения внешнеэкономических связей России в условиях широкомасштабных санкций.

Однако уникальность сложившейся ситуации состоит в том, что при введении широкомасштабных санкций против российской экономики проявился эффект «ловушки большой страны» [Ушкалова, 2022], поскольку Россия является одним из крупнейших продуцентов и экспортеров сырой нефти в мире и значительные ограничения на поставку данной продукции российского происхождения приведут к заметному росту цен на указанный сырьевой товар на глобальном рынке в текущих условиях. Поэтому торговля России с рядом недружественных стран в некоторой мере сохранялась, а также наблюдался негласный обмен товарными нишами между Россией и крупнейшими зарубежными производителями сырой нефти с точки зрения географического перераспределения поставок между теми или иными рынками данного сырьевого товара. По этой причине ключевым фактором восстановления и развития российской экономики в среднесрочной перспективе является динамика цен на сырьевые товары (преимущественно на сырую нефть) на глобальном рынке даже при сохранении широкомасштабных санкций.

Инерционный сценарий развития российской экономики предполагает понижательную динамику цен на сырую нефть на глобальном рынке в среднесрочной перспективе, вследствие чего ожидается два варианта развития событий. Во-первых – сохранение низких

темпов прироста экономики России (прогноз МВФ и других международных организаций); во-вторых – преломление затухающих темпов прироста ВВП страны в условиях стимулирующего влияния реализации национальных проектов (прогноз Министерства экономического развития России). В случае сохранения негативных тенденций экономика России, по всей видимости, рискует аккумулировать издержки по причине нарастания внешнеэкономических барьеров. Имеется риск возможного снижения цен на сырьевые товары на мировом рынке и нарастания негативных эффектов от монополии для российской экономики в случае ее тесной привязки к рынку КНР.

Прогрессивный сценарий предусматривает в среднесрочном периоде поступательное экономическое развитие России, отталкиваясь от благоприятной конъюнктуры цен на сырую нефть, массовой переориентации внешней торговли на рынки дружественных стран, высокой инвестиционной активности, опережающего роста производительности труда и выпуска промышленной продукции. Российским руководством могут быть продолжены основные направления по ослаблению последствий широкомасштабных санкций: выстраивание альтернативных схем экспорта углеводородного сырья; расширение торговых отношений с дружественными странами [Смородинская, Катукон, 2022]. В любом случае в обозримой перспективе для экономики России является критичным поддержание экспорта сырьевых товаров по приемлемым ценам – это в условиях широкомасштабных санкций будет требовать все больших усилий от российской стороны.

Список источников:

1. Вардомский, А. Б. Российско-китайские экономические связи в условиях растущей международной напряженности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2023. № 1 (58). С. 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142
2. Гурвич, Е., Прилепский, И. Влияние финансовых санкций на российскую экономику // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 5–35. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35
3. Изотов, Д. А. Интеграция российской экономики со странами АТР: возможности и риски // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2022. № 2. С. 28–47. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-2/28-47
4. Изотов, Д. А. Торговые взаимодействия КНР с российским рынком: проблемы интенсификации // Азия и Африка сегодня. 2023. № 10. С. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750028103-5

5. Изотов, Д. А. Экономическая интеграция России со странами АТР: проблемы и перспективы / под общ. ред. П. А. Минакира. – Хабаровск : ИЭИ ДВО РАН, 2020. 368 с.
6. Изотов, Д. А. Экономический рост и торговля российских регионов // Пространственная экономика. 2018. № 4. С. 92–114. DOI: 10.14530/se.2018.4.092-114
7. Симачев Ю. В., Федюнина А. А., Кузык М. Г. и др. Мир в лабиринте санкций: промышленная политика на перепутье. Доклад НИУ ВШЭ / под науч. ред. Ю. В. Симачева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. 162 с.
8. Смородинская, Н. В., Катуков, Д. Д. Иранский опыт пребывания под санкциями: макроэкономические итоги и выводы для России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2023. № 6. С. 26–42. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_26_42
9. Смородинская, Н. В., Катуков Д. Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67
10. Ушкалова, Д. И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3(55). С. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14
11. Dabrowski, M., Avdasheva, S. Sanctions and Forces Driving to Autarky // The Contemporary Russian Economy. Ed. by M. Dabrowski. Palgrave Macmillan, Cham. 2023. Pp. 271–288. DOI: 10.1007/978-3-031-17382-0_14
12. Economic Policy Reforms 2017: Russian Federation / OECD. 2017. DOI: 10.1787/growth-2017-en
13. Flach, L., Heiland, I., Larch, M., Steininger, M., Teti, F. A. Quantifying the partial and general equilibrium effects of sanctions on Russia // Review of International Economics. 2024. Vol. 32. Issue 1. Pp. 281–323. DOI: 10.1111/roie.12707
14. Gaur A., Settles A., Väättänen J. Do Economic Sanctions Work? Evidence from the Russia-Ukraine Conflict // Journal of Management Studies. 2023. Vol. 60. Pp. 1391–1414. DOI: 10.1111/joms.12933
15. Global Economic Prospects, June 2024. Washington, DC: World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/6feb9566-e973-4706-a4e1-b3b82a1a758d/content> (дата обращения: 1 ноября 2024).
16. Index of Economic Freedom (2024). URL: <https://www.heritage.org/index/pages/all-country-scores> (дата обращения: 1 ноября 2024).
17. International reserves of the Russian Federation / Central Bank of the Russian Federation (2024). URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/ (дата обращения: 1 ноября 2024).
18. Kohl, T., van den Berg, M., Franssen, L. Going Dutch? Firm exports and FDI in the wake of the 2014 EU-Russia sanctions // Review of International Economics. 2024. Vol. 32. Issue 1. Pp. 190–222. DOI: 10.1111/roie.12717
19. Kreil, E. United States produces more crude oil than any country, ever / U.S. Energy Information Administration. In-brief analysis. 2024. 11 March. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=61545> (дата обращения: 1 ноября 2024).
20. Larch, M., Luckstead, J., Yotov, Y. V. Economic Sanctions and Agricultural Trade // American Journal of Agricultural Economics. 2024. Vol. 106. Issue 4. Pp. 1477–1517. DOI: 10.1111/ajae.12473
21. OECD Economic Outlook, 2024. Issue 1, No. 115, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/69a0c310-en
22. Simola, H. Latest Developments in Russian Imports of Sanctioned Technology Products / BOFIT. Policy Brief No. 15/2023. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/280400> (дата обращения: 1 ноября 2024).
23. Souza, de L.V. An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members / World Bank. Economic Premise No. 47. 2011. January. 7. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTPREMNET/Resources/EP47.pdf> (дата обращения: 1 ноября 2024).
24. The Oxford Handbook of the Russian Economy / Ed. by M. Alexeev & Sh. Weber. New York: Oxford University Press, 2013. 849 p.
25. UNCTADstat (2024). URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (дата обращения: 1 ноября 2024).

26. Van Eeghen, M. W., GillЮ, I. S., Izvorski, I. V., De Rosa, D. *Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia*. Europe and Central Asia Studies. Washington, DC; World Bank Group. 2014. 400 p. URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/124481468251373591/diversified-development-making-the-most-of-natural-resources-in-eurasia> (дата обращения: 1 ноября 2024).

27. World Economic Outlook Database (2024). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (дата обращения: 1 ноября 2024).

References:

1. Vardomsky, L. B. (2023). Russian-Chinese economic links in the context of growing international tensions *Zhurnal novej ekonomicheskoj assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], no. 1 (58), pp. 142–148. DOI: 10.31737/22212264_2023_1_142 (in Russ.)

2. Gurvich E., Prilepskiy I. (2016). The impact of financial sanctions on the Russian economy *Voprosy Ekonomiki* [Economic issues], no. 1, pp. 5–35. DOI: 10.32609/0042-8736-2016-1-5-35 (in Russ.)

3. Izotov, D. A. (2022). Integration of the Russian Economy with the Asia-Pacific Countries: Opportunities and Risks *Izvestiya Dal'nevostochnogo federal'nogo universiteta. Ekonomika i upravleniye* [The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management], no. 2, pp. 28–47. DOI: 10.24866/2311-2271/2022-2/28-47 (in Russ.)

4. Izotov, D. A. (2023). Trade Interactions between China and Russia: Problems of Intensification. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia & Africa today], no. 10, pp. 5–14. DOI: 10.31857/S032150750028103-5 (in Russ.)

5. Izotov, D. A. (2020). Economic Integration of Russia with the Asia-Pacific Countries: Problems and Prospects / Ed. by P. A. Minakir. Khabarovsk: ERI FEB RAS, 368 p. (in Russ.)

6. Izotov, D. A. (2018). Economic Growth and the Trade of Russian Regions. *Prostranstvennaya Ekonomika* [Spatial Economics], no. 4, pp. 92–114. DOI: 10.14530/se.2018.4.092-114 (In Russ.)

7. Simachev, Y. V., Fedyunina, A. A., Kuzyk, M. G. et al. (2024) The World in the Labyrinth of Sanctions: Industrial Policy at a Crossroads. Report of the National Research University Higher School of Economics / under scientific ed. Y. V. Simachev; National Research University Higher School of Economics. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 162 p. (in Russ.)

8. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D. (2023). Iranian Sanctions Experience: Macroeconomic Outcomes and Lessons for Russia. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk* [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], no. 6, pp. 26–42. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_6_26_42 (in Russ.)

9. Smorodinskaya, N. V., Katukov, D. D. (2022). Russia under Sanctions: Limits of Adaptation. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk* [The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences], no. 6, pp. 52–67. DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67 (in Russ.)

10. Ushkalova, D. I. (2022). Russia's Foreign Trade under Sanctions Pressure. *Zhurnal novej ekonomicheskoj assotsiatsii* [The Journal of the New Economic Association], no. 3 (55), pp. 218–226. DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-14 (in Russ.)

11. Dabrowski, M., Avdasheva, S. (2023). Sanctions and Forces Driving to Autarky *Sovremennaya rossiyskaya ekonomika* [The Contemporary Russian Economy]. Ed. by M. Dabrowski. Palgrave Macmillan, Cham, pp 271–288. DOI: doi.org/10.1007/978-3-031-17382-0_14

12. Economic Policy Reforms 2017: Russian Federation / OECD. 2017. DOI: 10.1787/growth-2017-en

13. Flach, L., Heiland, I., Larch, M., Steininger, M., Teti, F. A. (2024). Quantifying the partial and general equilibrium effects of sanctions on Russia *Obzor mezhdunarodnoj ekonomiki* [Review of International Economics], vol. 32, no. 1, pp. 281–323. DOI: 10.1111/roie.12707

14. Gaur, A., Settles, A., Vääätänen, J. (2023). Do Economic Sanctions Work?

Evidence from the Russia-Ukraine Conflict *Zhurnal issledovaniy upravleniya* [Journal of Management Studies], vol. 60, pp. 1391–1414. DOI: 10.1111/joms.12933

15. *Global Economic Prospects*, June 2024. Washington, DC: World Bank. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/server/api/core/bitstreams/6feb9566-e973-4706-a4e1-b3b82a1a758d/content> (accessed November 01, 2024).

16. Index of Economic Freedom (2024). <https://www.heritage.org/index/pages/all-country-scores> (accessed November 01, 2024).

17. International reserves of the Russian Federation / Central Bank of the Russian Federation (2024). URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_7d/ (accessed November 01, 2024).

18. Kohl, T., van den Berg, M., Franssen, L. (2024) Going Dutch? Firm Exports and FDI in the Wake of the 2014 EU-Russia Sanctions *Obzor mezhdunarodnoy ekonomiki* [Review of International Economics], vol. 32, no. 1, pp. 190–222. DOI: 10.1111/roie.12717

19. Kreil, E. (2024). *United States Produces More Crude Oil Than Any Country, Ever* / U.S. Energy Information Administration. In-brief analysis. 11 March. URL: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=61545> (accessed November 01, 2024).

20. Larch, M., Luckstead, J., Yotov, Y. V. (2024). Economic Sanctions and Agricultural Trade *Amerikanskiy zhurnal sel'skokhozyaystvennoy ekonomiki* [American Journal of Agricultural Economics], vol. 106, no. 4, pp. 1477–1517. DOI: 10.1111/ajae.12473

21. OECD Economic Outlook, 2024. Issue 1, No. 115, OECD Publishing, Paris. DOI: 10.1787/69a0c310-en

22. Simola, H. (2023). Latest Developments in Russian Imports of Sanctioned Technology Products / BOFIT. Policy Brief No. 15/2023. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/280400> (accessed November 01, 2024).

23. Souza, de L.V. (2011). An Initial Estimation of the Economic Effects of the Creation of the EurAsEC Customs Union on Its Members / World Bank. Economic Premise, no. 47, January. 7. URL: <http://siteresources.worldbank.org/INTPREMNET/Resources/EP47.pdf> (accessed November 01, 2024).

24. *The Oxford Handbook of the Russian Economy (2013)* / Ed. by M. Alexeev & Sh. Weber. New York: Oxford University Press, 849 p.

25. UNCTADstat (2024). URL: <https://unctadstat.unctad.org/datacentre/> (accessed November 01, 2024).

26. Van Eeghen M. W., Gill I. S.; Izvorski I. V., De Rosa D. (2014). *Diversified Development: Making the Most of Natural Resources in Eurasia*. Europe and Central Asia Studies. Washington, DC; World Bank Group. 400 p. Available at: URL: <https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/124481468251373591/diversified-development-making-the-most-of-natural-resources-in-eurasia> (accessed November 01, 2024).

27. World Economic Outlook Database (2024). URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2024/April> (accessed November 01, 2024).

Статья поступила в редакцию 18.12.2024; одобрена после рецензирования 14.02.2025; принята к публикации 18.02.2025.

The article was submitted 18.12.2024; approved after reviewing 14.02.2025; accepted for publication 18.02.2025.

Информация об авторе

Д. А. Изотов – доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН

Information about the author

D. A. Izotov – Doctor of Economic Sciences, Leading researcher, the Economic Research Institute, FEB RAS

Научная статья

УДК 330.322

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-68-79

Формирование инвестиционных предложений и траектория их продвижения: региональный аспект

Наталья Альбертовна Маслюк¹, Надежда Васильевна Медведева²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-западный институт управления – филиал, Санкт-Петербург, Россия

¹ maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>

² medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы внедрения нового механизма регионального инвестиционного стандарта по формированию инвестиционных предложений для бизнеса. Отражены заделы и перспективы инвестиционных предложений для продвижения приоритетных направлений инвестиционного развития территории, поиска инвесторов и привлечения инвестиций. Сделан акцент на значимости инвестиционных предложений как инструмента проактивной инвестиционной политики регионов. Выделены особенности феномена инвестиционного предложения в научном и правовом аспектах, отражены основные методологические параметры. Рассмотрено соотношение между инвестиционным проектом и инвестиционным предложением, разграничено их содержательное наполнение. Обращено внимание на порядок визуализации инвестиционного предложения для потенциальных инвесторов, сделан вывод о недостаточности информации в сокращенном формате для отклика заинтересованных лиц. Предложены дополнительные элементы инвестиционного предложения о выгодах для инвестора. Показаны особенности продвижения инвестиционных предложений как обязательного этапа механизма их формирования. Представлен набор условий траектории продвижения инвестиционных предложений с учетом зарекомендовавших себя бизнес-инструментов и в контексте поляризованного развития. Рассмотрены региональные практики формирования и продвижения инвестиционных предложений на основе выборочного метода ряда регионов из числа участвующих в пилотном проекте. Выделены особенности визуализации инвестиционных предложений на инвестиционных порталах каждого из рассмотренных субъектов Российской Федерации. Определена необходимость унификации порядка визуализации и продвижения практик пилотных регионов для их дальнейшего тиражирования. Основные выводы и результаты исследования подтверждают значимость проактивности в выстраивании вертикали унифицированной инвестиционной среды и могут быть использованы для актуализации содержания и продвижения инвестиционных предложений.

Ключевые слова: региональный инвестиционный стандарт, инвестиционное предложение, бизнес-предложение, инвестиционный проект, формирование инвестиционных предложений, продвижение инвестиционных предложений

Для цитирования: Маслюк Н. А., Медведева Н. В. Формирование инвестиционных предложений и траектория их продвижения: региональный аспект // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 68–79. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-68-79>

Original article

Formation of Investment Proposals and the Trajectory of their Promotion: a Regional Aspect

Nataliya A. Maslyuk¹, Nadezhda V. Medvedeva²

¹ The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia

² The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPA, St. Petersburg, Russia

¹ maslyuk-na@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6973-2056>

² medvedeva-nv@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0674-6199>

Abstract. *The article discusses the issues of introducing a new mechanism of the regional investment standard for the formation of investment proposals for businesses. The groundwork and prospects of investment proposals for promoting priority areas of investment development of the territory, searching for investors and attracting investments are reflected. The importance of investment proposals as a tool for proactive investment policy in the regions is emphasized. The features of the investment proposal phenomenon in scientific and legal aspects are highlighted, the main methodological parameters are reflected. The relationship between an investment project and an investment proposal is considered, the content is differentiated. Particular attention is paid to the procedure of visualizing an investment proposal for potential investors, and it is concluded that there is insufficient information in an abbreviated format for the response of interested parties. Additional elements of the investment proposal on benefits for the investor are proposed. The features of the promotion of investment proposals as an obligatory stage of the mechanism of their formation are shown. A set of conditions for the trajectory of investment proposals is presented, taking into account proven business tools in the context of polarized development. The regional practices of forming and promoting investment proposals based on the selective method of a number of regions participating in the pilot project are considered. The peculiarities of visualization of investment proposals on the investment portals of each of the considered subjects of the Russian Federation are highlighted. The necessity of unifying visualization procedure and promoting practices of the pilot regions for their further replication is determined. The main conclusions and results of the study confirm the importance of proactivity in building a vertical unified investment environment and can be used to update the content and promote investment proposals.*

Keywords: *regional investment standard, investment proposal, business proposal, investment project, formation of investment proposals, promotion of investment proposals*

For citation: Maslyuk N. A., Medvedeva N. V. (2025) Formation of Investment Proposals and the Trajectory of their Promotion: a Regional Aspect *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 68–79. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-68-79>

Введение

Новый формат системы поддержки инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации (региональный инвестиционный стандарт) характеризует курс на выстраивание вертикали унифицированной инвестиционной среды в стране. Подтверждением тому выступают дополнительные структурные элемен-

ты регионального инвестиционного стандарта, среди которых значимое место занимает формирование агентствами развития субъектов Российской Федерации инвестиционных предложений для бизнеса. Механизм формирования инвестиционных предложений был внедрен в 2024 г., стал очередным структурным элементом РИС 3.0 и относится к меха-

низмам зрелости регионального инвестиционного стандарта. Достаточно распространенной практикой формализации управляющего воздействия стали пилотные проекты внедрения нового инструментария и формирование на их основе лучших практик с целью дальнейшего тиражирования. Запуск порядка формирования инвестиционных предложений для бизнеса как нового механизма регионального инвестиционного стандарта субъектов Российской Федерации не стал исключением.

Цель научной статьи заключается в исследовании методологических подходов к пониманию сущности инвестиционных предложений, выстраивании траектории продвижения инвестиционных предложений регионов, а также в выявлении общих положительных черт практического опыта регионов в формировании инвестиционных предложений для дальнейшей унификации этой деятельности на основе лучших практик.

Материалы и методы. Теоретическую основу статьи составляет междисциплинарный подход, основанный на взаимосвязи теории регионального роста и теории поляризованного развития. Эмпирическую базу исследования составила информация, полученная в результате сбора и обобщения данных, представленных в открытых источниках, анализа практики разработки и визуализации на инвестиционных порталах инвестиционных предложений субъектов Российской Федерации (метод анализа, сравнения).

Результаты и обсуждение

Значимое место в структуре регионального инвестиционного стандарта занимает механизм формирования агентствами развития субъектов Российской Федерации инвестиционных предложений для бизнеса. Урегулированный порядок формирования инвестиционных предложений обеспечивает единый под-

ход к формированию инвестиционных предложений, предлагая типовую форму инвестиционного предложения. Поскольку инвестиционные предложения формируются под каждый планируемый к реализации инвестиционный проект в совокупности они образуют пакеты инвестиционных предложений (или готовые «коробочные» решения для инвесторов) [Медведева, Маслюк, 2024].

Инвестиционные предложения носят информационный характер для неопределенного круга инвесторов, направлены на продвижение приоритетных направлений инвестиционного развития территории, поиск инвесторов и привлечение инвестиций [Головина, Воробьева, 2024; Нехайчук и др., 2023]. Следует заметить, что практика информирования инвесторов применяется достаточно длительное время в различных форматах [Горелова, 2017]. Если ограничиться периодом с начала становления регионального инвестиционного стандарта (2012 г.)¹, то к таким форматам можно отнести создание инвестиционного портала в каждом субъекте Российской Федерации и размещение на нем информации о планируемых и реализуемых на территории соответствующего региона инвестиционных проектах, а также ежегодно обновляемого плана создания объектов необходимой для инвесторов инфраструктуры. Целевая модель «Качество инвестиционного портала субъекта Российской Федерации» (2017 г.)² в части содержательного наполнения инвестиционного портала предусматривала размещение региональных инвестиционных предложений, паспортов инвестиционных проектов (по согласованию с инвестором) и примеров успешной реализации инвестиционных проектов. При этом к числу показателей, характеризующих степень достижения результата, относилось количество названных позиций. Было также предусмотрено «размещение

¹ См. Стандарт деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации по обеспечению благоприятного инвестиционного климата в регионе: утв. решением наблюдательного совета АНО АСИ от 3 мая 2012 г. // https://asi.ru/government_officials/rating/investment/ (дата обращения 18.02.2025).

² Распоряжение Правительства РФ от 31 января 2017 г. № 147-р «Об утверждении целевых моделей упрощения процедур ведения бизнеса и повышения инвестиционной привлекательности субъектов Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2017. № 7. Ст. 1098.

и ежемесячное обновление в наглядной форме плана создания инвестиционных объектов и объектов инфраструктуры». В отличие от ныне действующего порядка инвестиционные предложения не имели типовой формы.

Начавшиеся в марте 2024 г. процессы «донастройки» регионального инвестиционного стандарта имеют целью наполнение содержанием и конкретной работой унифицированных форм взаимодействия исполнительных органов субъектов Российской Федерации и муниципалитетов с инвесторами, которые установил стандарт, утверждённый в 2021 г.

Принцип инвестиционной проактивности территорий должен реализоваться в новом элементе РИС 3.0 – инвестиционных предложениях. По замыслу инвестиционное предложение представляет собой «коробочное» решение, то есть готовый инвестиционный проект с необходимым финансово-экономическим обоснованием, подобранной площадкой и набором конкретных мер и инструментов государственной поддержки инвестора в случае положительного решения по инвестициям.

«Коробочные» решения содержат проекты создания различных производств на конкретной территории. При их формировании в обязательном порядке необходимо учитывать приоритеты пространственного и социально-экономического развития. Соответственно, формирование инвестиционного предложения требует от органов публичной власти не просто создания привлекательной оболочки инвестиционного проекта, но и наполнения мерами поддержки, которые гарантированы законодательно. При этом инвестиционное предложение имеет статус официального документа, разработанного агентством развития, с детализацией информации по определённым разделам.

В структуру инвестиционного предложения должны быть включены: основные характеристики инвестиционного

проекта, анализ экономической отрасли инвестиционного проекта и маркетинг, анализ сырьевого обеспечения инвестиционного проекта, локализация инвестиционного проекта и иное ресурсное обеспечение инвестиционного проекта.³ Каждый раздел наполняется детально проработанной информацией, основанной на всестороннем анализе социально-экономических показателей территории и рыночных показателей отрасли.

На наш взгляд, формализация разработки инвестиционного предложения будет способствовать получению инвестором единообразной информации о проекте, однако его положительное решение во многом будет зависеть от качества и степени детализации этой информации. Также на принятие решения об инвестициях будет влиять перспективность бизнес-идеи, оптимальное месторасположение будущего объекта, возможность и готовность власти содействовать реализации проекта.

Понимание инвестиционного предложения в научном и правовом аспектах: установления и метрики

Семантическая интерпретация термина «инвестиционное предложение» не изменяет сути предложения как такового. Инвестиционное предложение в научном и прикладном толковании – это запрос субъектов Российской Федерации на создание производства конкретного типа в определенной локации. Также интерпретируется бизнес-предложение. Вероятность невостребованности таких предложений достаточно велика. Заинтересованность инвестора в отклике на инвестиционное предложение может порождаться иными, на его взгляд, усмотрениями и обоснованиями.

Именно посыл запроса, свойственный инвестиционному предложению характеризует его в качестве проактивного механизма региональной инвестиционной политики [Литвиненко, Сутягин, 2023]. Доминантой проактивности выступает деятельностная сторона на

³ См. приказ Министерства экономического развития Российской Федерации «О внесении изменений в приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт»)» от 20 сентября 2024 г. № 592.

основе кратного увеличения усилий по системному привлечению инвесторов (от определения инвестиционных приоритетов и группы целевых инвесторов до их прямого поиска) [Матвеев, 2023].

Процесс формирования инвестиционных предложений, их сформированный пакет, размещение на инвестиционной карте региона и страны не являются результирующим признаком механизма инвестиционных предложений. Определяющей детерминантой выступают дальнейшие действия по продвижению инвестиционных предложений, что поможет снизить уровень неопределенности в реализации задуманного [Зинцова, Зинцов, 2023].

Отсутствие синонимичности в понятиях «предложение» и «проект» очевидно. Предложение указывает на желаемое и необходимое, в отличие от проекта, основанного на согласованных условиях сторонами. В свою очередь, инвестиционный проект как бизнес-план может быть разработан с учетом усредненных условий для неопределенного круга инвесторов с целью информирования (собственно предложение) и впоследствии может быть согласован сторонами и заключен.

Встает дилемма между содержательной наполненностью инвестиционного предложения и инвестиционным проектом – насколько демонстрация инвестиционного предложения в формате проекта может дать положительный, а не отрицательный результат для заинтересованности инвестора, учитывая имманентность свободы для сторон в согласовании проекта. Равным образом к числу характеристик указанной дилеммы относится вопрос целесообразности затрат при разработке инвестиционного предложения в формате проекта.

Трансформируя изложенное в текст рекомендаций по формированию инве-

стиционных предложений, можно отметить, что дефиниция «инвестиционное предложение» соответствует принятому пониманию предложения. «Под инвестиционным предложением понимается сформированный агентством развития документ, включающий информацию о возможной реализации инвестиционного проекта на конкретной территории субъекта Российской Федерации».⁴

Анализируя практику субъектов Российской Федерации по организации работы по сопровождению инвестиционных проектов, выделим практику Хабаровского края по закреплению дефиниции инвестиционного предложения («это информация об идеях и о перспективах развития бизнеса, которые имеют потенциал реализации на территории края как инвестиционный проект»), а также ведению единого реестра инвестиционных проектов и инвестиционных предложений края.⁵ При этом выделены инвестиционные проекты, реализуемые на территории края, а также инвестиционные проекты и (или) инвестиционные предложения, планируемые к реализации на территории края.

Рекомендуемый ныне порядок формирования инвестиционных предложений предусматривает осуществление анализа и подбор предварительных условий инвестиционного проекта. Вместе с тем рекомендуемая структура инвестиционного предложения содержит вполне определенные характеристики инвестиционного проекта без оговорок о предварительности условий и указания на возможность свободы договора и корректив со стороны потенциального инвестора. Несмотря на общеизвестные правовые аксиомы гражданского законодательства о свободе договора, следует учитывать их преломление к вопросам оптимального согласования публичного и частного ин-

⁴ Приказ Минэкономразвития России от 30 сентября 2021 г. № 591 «О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации («Региональный инвестиционный стандарт») от 20 сентября 2024 г. № 592 // <https://docs.cntd.ru/document/608913625?section=text> (дата обращения 18.02.2025).

⁵ Распоряжение Правительства Хабаровского края от 12 ноября 2018 г. № 728-рп «Об утверждении Порядка ведения единого реестра инвестиционных проектов и инвестиционных предложений Хабаровского края» // <https://docs.cntd.ru/document/465365340?section=text> (дата обращения 18.02.2025).

тереса. Так, принцип проактивности относительно инвестиционной декларации по обеспечению максимального вовлечения всех заинтересованных лиц применительно к формированию инвестиционных предложений должен учитывать расширительный набор характеристик. К числу таковых следует отнести обеспечение клиентоцентричности, доверия, превентивности, ситуативности, альтернативности и гибкости в продвижении [Лобанова, Ливинская, 2019].

В проявлении проактивности важное значение имеет демонстрация выгод инвестора, акцент на которые должен быть сделан в оферте при описании условий инвестиционного предложения. Равным образом в основной части инвестиционного предложения должны быть изложены выгоды и аргументы в пользу инвестиционного проекта, раскрыты вышеуказанные метрики проактивности, продемонстрирован срок окупаемости и механизм распределения риска, а также готовность к уточнению параметров в зависимости от целевой аудитории. Как вариант, возможность масштабирования инвестиционного предложения в зависимости от целевой аудитории на этапе его формирования (однако при однозначности факта размещения инвестиционного предложения на инвестиционной карте данный вариант не реализуем).

Существенной метрикой методологии формирования инвестиционного предложения являются сведения о конкурентных преимуществах субъекта Российской Федерации, территории локализации инвестиционного проекта, планируемой к выпуску продукции или оказанию услуги, а также конкурентной среде, в которой будет реализован инвестиционный проект (о конкурентах, их преимуществах, емкости рынка).

В разделе о визуализации инвестиционного предложения содержится упоминание о включении сведений о конкурентах, при этом в рекомендуемой структуре инвестиционного предложения (в текстовом и графическом формате) упоминаются сведения только о конкурентных преимуществах субъекта Российской Федерации. Тем самым от-

мечается разница между сведениями о формировании инвестиционного предложения и его визуализацией, тогда как визуализации (в формате питч дек) имманентны основные положения сформированного инвестиционного предложения вне какой-либо новой дополнительной информации.

Особенности продвижения инвестиционных предложений

Деятельность органов публичной власти не должна ограничиваться разработкой качественного инвестиционного предложения, необходимо решить вопрос об инструментах и траекториях его продвижения. На данный момент есть заявления о разработке рекомендаций по продвижению инвестиционных предложений, но нет самих рекомендаций. В этой связи целесообразно выстроить траекторию действий, которые агентство развития региона должно реализовать в отношении готового «коробочного» решения для привлечения реального инвестора.

Во-первых, все инвестиционные предложения региона должны быть включены в некий альбом предложений, который должен быть визуализирован в формате презентации и размещён на инвестиционном портале региона. Причём должна иметься возможность просмотра всех предложений в альбоме, а также детализации информации по каждому из них. Информация должна состоять из графической, аналитической и расчётной частей, описывать каждое инвестиционное предложение с позиции актуальности и целесообразности идеи проекта, возможности и предпосылок его успешной реализации на конкретной территории.

Во-вторых, необходимо разработать стратегию продвижения инвестиционных предложений, в которой определяется целевая аудитория инвесторов. Её можно представить в разрезе объёма требуемых инвестиций и отраслевых предпочтений.

Далее необходим детальный план привлечения инвесторов, который, возможно, будет предусматривать проведение публичных презентаций инвестиционных предложений в форме инвест-дека

(«длинной» подробной презентации) и адресную рассылку питч-дека («короткую» презентацию для привлечения интереса инвестора) потенциальному инвестору.

Реализация подобного плана имеет целью отбор и привлечение конкретных инвесторов, для которых инвестиционные предложения региона становятся реальными инвестиционными проектами. Для этого круга инвесторов агентство регионального развития должно предложить дорожную карту инвестиционного проекта. Завершением процедуры продвижения инвестиционного предложения должно стать подписание соглашения о намерениях органа публичной власти региона или муниципалитета и инвестора.

Результатом реализации данной последовательности действий в рамках продвижения инвестиционных предложений могут быть: ускорение запуска проектов, отбор и привлечение целевых инвесторов, повышение заинтересованности к инвестиционным проектам территории у потенциальных инвесторов.

Как отмечается в работе [Литвиненко, 2023], инструментарий инвестиционно-маркетинга региона должен включать такие составляющие, как:

– социальный маркетинг, способствующий донесению до инвестора информации о результатах социально-экономического развития региона и его преимущественных инвестиционных возможностях;

– маркетинг вовлечения местных (региональных и муниципальных) относительно небольших частных инвесторов в инвестиционный процесс региона;

– адресный маркетинг региональных производителей, способных интегрироваться в национальные производственные цепочки.

Важным условием успешного продвижения инвестиционных предложений региона является информирование бизнеса о «новом» элементе регионального инвестиционного стандарта и о преимуществах, которые он обеспечивает инвестору с позиции подбора площадки и мер стимулирования. Как отмечает автор [Старовойтов, 2023], информацион-

ное сопровождение мер по реализации системы поддержки инвестора в рамках РИС способствует привлечению целевой аудитории из бизнес-среды и повышению заинтересованности в реализации инвестпроектов.

Использование бизнес-инструментов и технологий в продвижении инвестиционных предложений региона, по мнению авторов, не противоречит действующему законодательству и сложившейся практике реализации регионального инвестиционного стандарта. Более того, считаем, что именно сочетание грамотного использования корпоративных инструментов продвижения и административного ресурса региональных властей будет способствовать реализации принципа инвестиционной проактивности региональной и муниципальной инвестиционной политики, что в свою очередь повышает инвестиционную конкурентоспособность территории.

Однако, как отмечено в работе Т. И. Караваевой [Караваева, 2022], сложившаяся сегодня региональная конкуренция за инвестиционные ресурсы способствует активизации социально-экономического развития отдельных «успешных» территорий в ущерб комплексному развитию макрорегионов. Эта проблема должна стать предметом дальнейших научных исследований и обсуждений.

Региональные практики формирования и продвижения инвестиционных предложений

Выше было отмечено наличие двух информационных составляющих одного инвестиционного предложения – собственно сформированное инвестиционное предложение и материал, визуализирующий данное предложение. Порядком формирования инвестиционных предложений сформированное инвестиционное предложение рекомендовано размещать на инвестиционном портале, а также на инвестиционной карте региона. Речь при этом не идет о полном объеме инвестиционного предложения – сформированное инвестиционное предложение рекомендуется оформлять посредством презентационного материала (в формате питч-дек). Презентация инвестиционно-

го предложения должна быть логичной, понятной, неизбыточной и креативной. Ключевой задачей визуализации инвестиционного предложения выступает получение отклика на инвестиционное предложение и возможности следующих действий для сближения с потенциальным инвестором [Тихомиров и др., 2023; Соколов, Филатов, 2023].

Получение предварительных результатов визуализации сформированных инвестиционных предложений производилось авторами исследования на основе принципов теории выборочного метода и подходов к определению выборочной совокупности (определяющую роль при этом сыграл единообразный подход к участию респондентов в пилотном проекте). Из 36 регионов, участвующих в пилотном проекте по формированию инвестиционных предложений, методом простой случайной выборки были выбраны Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Республика Башкортостан, Алтайский край, Хабаровский край.

Ханты-Мансийский автономный округ – Югра

На инвестиционном портале Югры во вкладке о регионе размещен материал, визуализирующий положения о реализуемых инвестиционных проектах (с размещением информации о каждом отдельном проекте в табличной форме) и новый пакет инвестиционных предложений в форме брошюры.

В брошюре представлены 36 инвестиционных предложений, сгруппированных по отраслевому признаку, а также представлены сведения об общем объеме инвестиций (порядка 130 млн руб.) и информация об уполномоченных органах власти и институтах развития региона.

Информация по каждой группе инвестиционных предложений отличается тематикой спецификой. Группа отраслевого производства содержит 27 инвестиционных предложений. Так, раздел «Товары и оборудование для ТЭК» содержит восемь единообразно наполненных предложений по производству соответствующего вида продукции с указанием территории локализации производства, рыночных предпосылок реализации про-

екта, ресурсной базы (с динамикой на перспективу), рынка сбыта (с учетом экспорта), объема инвестиций, государственной поддержки. Аналогичным образом визуализированы инвестиционные предложения по другим видам отраслевого производства.

Некоторые более развернутые дополнительные данные содержатся в разделе «Переработка отходов» (4 инвестиционных предложения). Конкретизированы положения государственной поддержки с указанием о предоставлении земельного участка и финансовых мер поддержки. В дополнение к перечню рынков сбыта отражены данные об устойчивом спросе на конечные продукты глубокой переработки соответствующего вида продукции.

В отдельную группу выделены 8 инвестиционных предложений о планируемых к оказанию услугах на объектах промышленной инфраструктуры – в промышленных (индустриальных) парках и технопарках. Информация визуализирована по двум составляющим – базовым положениям об объекте промышленной инфраструктуры (указаны управляющая компания, место расположения, транспортная и инженерная инфраструктура) и перечню предлагаемых услуг для резидентов с общим объемом инвестиций.

Вся информация в брошюре представлена в текстовом и графическом формате с конкретизацией отдельных показателей, с продуманным дизайном, позволяющим емко воспринимать достаточно существенную по значимости информацию и обеспечивающим фиксацию внимания на нужных параметрах и в сравнительном аспекте.

Встает вопрос об отсутствии прямого указания на возможность получения большей информации (потенциальный инвестор может не знать о наличии полного объема сформированного инвестиционного предложения и посчитать представленную информацию недостаточной). Он не является простым, если при обращении потенциального инвестора будут запрашиваться сведения о нем, выдвигаться требования о регистрации и пр. Потому возникает общий вопрос о применении сформированных инвести-

ционных предложений в полном объеме. Представляется, что в местах размещения инвестиционных предложений от каждого визуализированного инвестиционного предложения должен быть переход на полный объем сформированного инвестиционного предложения.

Республика Башкортостан

Данный регион вошёл в перечень пилотных субъектов, в которых с середины 2024 г. начал внедряться новый инструмент регионального инвестиционного стандарта 3.0 – инвестиционные предложения. Следует отметить, что эта работа ведётся в республике с 2021 г., признана лучшей региональной практикой Министерством экономического развития Российской Федерации и рекомендована к тиражированию. Корпорация развития Республики разрабатывает инвестиционные предложения на основе всестороннего мониторинга потенциальных возможностей муниципальных образований региона, включая «сведения о свободных земельных участках, мерах государственной поддержки, финансово-экономических параметрах проекта, а также информацию о преимуществах реализации инвестиционных проектов на территории конкретного муниципалитета».⁶

На начало 2025 г. на инвестиционном портале Республики Башкортостан⁷ представлены 10 инвестиционных предложений, из которых 5 относятся к сфере промышленности, 4 – к сфере туризма, 1 – к сфере производства пищевых продуктов. Внутри каждого предложения есть краткая информация по проекту, а также презентация в формате инвест-дек с подробным описанием и финансово-экономическими расчётами. На странице предложений есть функция сравнения инвестиционных предложений, что, на наш взгляд, является важным элементом анализа инвестиционных предложе-

ний со стороны потенциального инвестора. На отдельной вкладке представлены ещё 18 инвестиционных предложений в формате государственно-частного партнерства в основных социальных отраслях: медицина, образование, социальная и коммунальная сферы.

Для удобства при просмотре инвестиционных предложений можно воспользоваться функцией сортировки проектов по локации, сфере деятельности, статусе и сроках реализации. Особо следует отметить привлекательную визуализацию инвестиционных предложений и возможность просмотра инвест-деков в браузере без необходимости скачивания документа.

Алтайский край

На инвестиционном портале Алтайского края⁸ во вкладке «Типовые инвестиционные предложения» представлены 72 инвестиционных предложения в различных отраслях и сферах экономики (промышленность, сельское хозяйство, туризм, сфера услуг, пищевая промышленность и прочее) в виде таблицы с краткой характеристикой каждого проекта. Для детального рассмотрения проекта можно воспользоваться презентацией в формате инвест-дек, которая автоматически скачивается при нажатии на ссылку «Подробнее о проекте». Функция поиска по проектам обезличена и предполагает поиск по ключевому слову. Степень визуализации материала низкая и необходимость скачивания презентации по каждому проекту существенно снижает привлекательность раздела и удобство работы с информацией.

Хабаровский край

На инвестиционном портале Хабаровского края⁹ инвестиционные предложения представлены двумя блоками: «Свободные ниши для инвестирования» и «Проекты для софинансирования». В каждом блоке на странице сайта инвестиционные предложения представлены

⁶ Башкортостан стал одним из пилотных регионов России по формированию инвестиционных предложений для бизнеса // Офиц. сайт Правительства Республики Башкортостан. URL: <https://pravitelstvorb.ru/news/25204/> (дата обращения 15.02.2025).

⁷ Инвестиционный портал Республики Башкортостан // офиц. сайт. URL: <https://investrb.ru/>

⁸ Инвестиционный портал Алтайского края // офиц. сайт. URL: <https://invest.alregn.ru/>

⁹ Инвестиционный портал Хабаровского края // офиц. сайт. URL: <https://invest.khv.gov.ru/>

в формате краткой информации о проекте, а также можно скачать презентацию в формате инвест-дек (5-6 слайдов), которая не содержит все требуемые разделы (например, расчёт финансово-экономических показателей проекта). Степень визуализации и аттрактивности представленных предложений, по мнению авторов, средняя, а отсутствие возможности поиска и сортировки предложений крайне затрудняет процесс выбора наиболее привлекательного и интересного предложения инвестором.

Таким образом, обзор опыта формирования инвестиционных предложений ряда субъектов Российской Федерации показал, что данный элемент регионального инвестиционного стандарта 3.0 требует формирования единого подхода как к его информационному наполнению, так и к визуализации результата. По данным оценки внедрения механизма формирования инвестиционных предложений необходимо среди пилотных регионов выделить успешные в этой практике, на которые следует ориентироваться при дальнейшей работе по унификации требований к разработке инвестиционных предложений регионов.

Выводы

1. Инвестиционные предложения, как элемент регионального инвестиционного стандарта 3.0, являются логическим продолжением работы региональных органов власти по информированию инвесторов, которая закреплялась стандартами предыдущих поколений. Однако, в отличие от действующих на сегодняшний день чётких закреплённых требований, инвестиционные предложения ранее не

имели типовой формы.

2. Формирование инвестиционного предложения требует от органов публичной власти не только создания привлекательной формы, но и наполнения этой формы мерами поддержки, которые гарантированы законодательно. Инвестиционное предложение имеет статус официального документа, разработанного агентством регионального развития.

3. Процесс разработки инвестиционных предложений, формирование портфеля предложений, размещение их на инвестиционной карте страны не может рассматриваться как результат деятельности. Дальнейшие действия по продвижению инвестиционных предложений являются показателем проактивной инвестиционной политики.

4. Принцип проактивности инвестиционной политики региона должен выражаться в объективации выгод инвестора в инвестиционном предложении.

5. Алгоритмы и траектории продвижения инвестиционных предложений не унифицированы, что предполагает определённую свободу действий органов публичной власти, а значит, анализ и применение корпоративной практики продвижения может способствовать повышению эффективности данной деятельности.

6. Обобщение лучших практик пилотных регионов позволит выработать единый подход к наполнению и представлению инвестиционных предложений, что создаст основу для конкуренции регионов за инвестиции лишь по основанию преимуществ территории и созданных благоприятных условий для инвестора.

Список источников:

1. Головина, О. Д., Воробьева, О. А. Основные этапы разработки стратегии регионального развития в современных условиях // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2024. Т. 34. Вып. 3. С. 428–434. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-3-428-434. EDN: IUARWC

2. Горелова, О. А. Проведение отбора инвестиционных предложений на прединвестиционной стадии при формировании инвестиционных программ дорожного строительства // Вестник университета. 2017. № 2. С. 124–130. EDN: YGVHSX

3. Зинцова, М. В., Зинцов, К. С. Маркетинговые подходы к разработке инвестиционных проектов // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 4. С. 1–9. EDN: OLMTHY

4. Караваева, Т. И. Межрегиональные инвестиционные проекты: сложности пра-

воприменения, ограничения, вызовы // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10. № 1. С. 57–66. DOI: 10.15688/re.volsu.2022.1.6. EDN: LPCGKB

5. Литвиненко, А. Н., Сутягин, М. С. Проактивный механизм обеспечения экономической безопасности компании // Вестник экономической безопасности. 2023. № 2. С. 210–217. DOI: 10.24412/2414–3995-2023-2-210-217. EDN: SECZJW

6. Литвиненко, И. А. Маркетинговый инструментарий повышения инвестиционной привлекательности территории // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 4 (65). С. 86–91. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.821. EDN: OKUBAS

7. Лобанова, Т. М., Ливинская, В. А. Комплексная оценка привлекательности инвестиционных предложений // Вестник Белорусско-Российского университета. 2019. № 1 (62). С. 115–123. DOI: 10.53078/20778481_2019_1_115. EDN: ZAETNZ

8. Матвеев, В. В. Роль инвестиционной политики в системе управления неопределенностью и рисками национальной экономики // Вестник Академии знаний. 2023. № 54 (1). С. 170–175. EDN: ВУУКRX

9. Медведева, Н. В., Маслюк, Н. А. Механизмы зрелости регионального инвестиционного стандарта как фактор повышения инвестиционной активности территорий Российской Федерации // Власть и управление на востоке России. 2024. № 3 (108). С. 86–98. DOI: 10.22394/1818–4049-2024-108-3-86-98. EDN: DXXSZB

10. Нехайчук, Д. В., Митина, Э. А., Карлова А. И., Поспелова С. В., Фомина Е. А. Экономико-статистический анализ инвестиционной активности региона // Экономика и предпринимательство. 2023. № 11 (160). С. 600–610. DOI: 10.34925/EIP.2023.160.11.112. EDN: DJKTRS

11. Соколов, А. Б., Филатов, В. И. Новые инструменты инвестиционной поддержки проектов в области технологического суверенитета // Мир новой экономики. 2023. № 17 (3). С. 91–108. DOI: 10.26794/2220–6469–2023-17-3-91-108. EDN: GYJDAP

12. Старовойтов, Д. П. Оценка инвестиционной привлекательности регионов со стороны бизнеса // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 3. № 3(135). С. 109–118. DOI 10.36871/ek.up.p.r.2023.03.03.012. EDN HTDKNU. EDN: HTDKNU

13. Тихомиров, Д. В., Никифоров, В. М., Русинов Д. А. Механизмы поддержки инвестиционных проектов в России: спектр инструментов и обзор ситуации // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 3–1 (141). С. 82–90. EDN: JNVAFN

References:

1. Golovina, O. D., Vorobyeva, O. A. (2024) The main stages of developing a regional development strategy in modern conditions *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University. Economics and law], vol. 34, is. 3, pp. 428–434. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-3-428-434 EDN: IUARWC (in Russ.).

2. Gorelova, O. A. (2017) Selection of investment proposals at the pre-investment stage in the formation of investment programs for road construction *Vestnik universiteta* [Bulletin of the University], no. 2, pp. 124–130 EDN: YGVHSX (in Russ.).

3. Zintsova, M. V., Zintsov, K. S. (2023) Marketing approaches to the development of investment projects *Vestnik yevraziyskoy nauki* [Bulletin of Eurasian Science], vol. 15, no. 4, pp. 1–9 EDN: OLMTHY (in Russ.).

4. Karavaeva, T. I. (2022) Interregional investment projects: difficulties of law enforcement, limitations, challenges *Regional'naya ekonomika. Yug Rossii.* [Regional economy. The South of Russia], vol. 10, no. 1, pp. 57–66. DOI: 10.15688/re.volsu.2022.1.6. EDN: LPCGKB (in Russ.).

5. Litvinenko, A. N., Sutyagin, M. S. (2023) Proactive mechanism for ensuring economic security of the company *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti* [Bulletin of Economic Security], no. 2, pp. 210–217. DOI: 10.24412/2414–3995-2023-2-210-217 EDN: SECZJW (in Russ.).

6. Litvinenko, I. L. (2023) Marketing tools for increasing the investment attractive-

ness of the territory *Biznes. Obrazovaniye. Pravo* [Business. Education. Right], no. 4 (65), pp. 86–91. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.821 EDN: OKUBAS (in Russ.).

7. Lobanova, T. M., Livinskaya, V. A. (2019) A comprehensive assessment of the attractiveness of investment proposals *Vestnik Belorussko-Rossiyskogo universiteta* [Bulletin of the Belarusian-Russian University], no. 1 (62), pp. 115–123. DOI: 10.53078/20778481_2019_1_115 EDN: ZAETNZ (in Russ.).

8. Matveev, V. V. (2023) The role of investment policy in the uncertainty and risk management system of the national economy *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge], no. 54 (1), pp. 170–175 EDN: BYYKRX (in Russ.).

9. Medvedeva, N. V., Maslyuk, N. A. (2024) The mechanisms of maturity of the regional investment standard as a factor in increasing investment activity in the territories of the Russian Federation *Vlast' i upravleniye na vostoке Rossiі* [Power and management in the East of Russia], no. 3 (108), pp. 86–98. DOI: 10.22394/1818-4049-2024-108-3-86-98 EDN: DXXSZB (in Russ.).

10. Nekhaychuk, D. V., Mitina, E. A., Karlova A. I., Pospelova S. V., Fomina E. A. (2023) Economic and statistical analysis of investment activity in the region *Ekonomika i predprinimatel'stvo* [Economics and entrepreneurship], no. 11 (160), pp. 600–610. DOI: 10.34925/EIP.2023.160.11.112. EDN: DJKTRS (in Russ.).

11. Sokolov, A. B., Filatov, V. I. (2023) New tools for investment support of projects in the field of technological sovereignty *Mir novoy ekonomiki* [The world of the new economy], no. 17 (3), pp. 91–108. DOI: 10.26794/2220-6469-2023-17-3-91-108 EDN: GYJDAP (in Russ.).

12. Starovoytov, D. P. (2023) Assessment of investment attractiveness of regions from the business side *Ekonomika i upravleniye: problemy, resheniya* [Economy and management: problems, solutions], vol. 3, no. 3 (135). DOI 10.36871/ek.up.p.r.2023.03.03.012. EDN HTDKNU (in Russ.).

13. Tikhomirov, D. V., Nikiforov, V. M., Rusinov D. A. (2023) Mechanisms for supporting investment projects in Russia: a range of tools and an overview of the situation *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Izvestiya St. Petersburg State University of Economics], no. 3–1 (141), pp. 82–90 EDN: JNVAFN (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.02.2025; одобрена после рецензирования 20.03.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 19.02.2025; approved after reviewing 20.03.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Информация об авторах

Н. А. Маслюк – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

Н. В. Медведева – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-западный институт управления – филиал.

Information about the authors

N. A. Maslyuk – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of management and public administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА;

N. V. Medvedeva – Candidate of Economics, Associate Professor, the chair of public and municipal administration, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 378.095(510)

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-80-91

Генезис и актуальные аспекты управления системы высшего образования в Китае: социологический аспект

Евгений Новомирович Спасский¹, Лю Дяньбо²

^{1, 2} Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

² Чунцинский медицинский университет, Чунцин, Китай,

¹ srs2@festu.khv.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3280-2844>

² 153439806@qq.com

Аннотация. *Статья посвящена исследованию становления и развития системы высшего образования в Китае: от периода древних царств до наших дней. Источниковой и теоретической основой исследования послужили исторические материалы, нормативно-правовые документы, статистические данные, работы ведущих ученых, исследовавших генезис системы высшего образования и различные аспекты её управления. Цель исследования состояла в изучении процесса эволюции системы высшего образования, анализе основных принципов управления, которые сформировали вектор её современного развития. Задачи исследования – выявить факторы модернизации системы высшего образования, очертить этапы его исторического развития. Передовая система высшего образования Китая – уникальный феномен, изучить который пытаются ученые и исследователи различных сфер и направлений. Феодалный строй, господствовавший более двух тысяч лет, политика изоляционизма, отрицание «западной» науки и запоздалое открытие образовательных учреждений нового типа, опиумные и колониальные войны, внутренние противоречия, многомиллионное население и отсутствие равных возможностей получения образования, социальная дифференциация – факторы, обусловившие необходимость решительных действий в вопросах строительства и ускоренной модернизации системы высшего образования Китая. В статье утверждается, что развитие образования и науки с глубокой древности выступало приоритетной задачей государства, а благополучие китайского народа – его ключевой целью. Делается вывод о том, что наличие высшего образования – шаг к стабильности и благополучию не только для населения, но и для государства, поскольку высокообразованные квалифицированные кадры – опора нации и государства, гаранты его эффективно управления и процветания.*

Ключевые слова: *система высшего образования, учреждения высшего образования, высшие учебные заведения, высшее образование, управление, система управления, социализм, социализм с китайской спецификой*

Для цитирования: Спасский Е. Н., Лю Дяньбо. Генезис и актуальные аспекты управления системы высшего образования в Китае: социологический аспект // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 80–91. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-80-91>

Original article

Genesis and Current Aspects of Management of the Higher Education System in China: Sociological Aspect

Evgeny N. Spassky¹, Liu Dianbo²

^{1,2} The Far-Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia,

² Chongqing Medical University, Chongqing, China.

¹ srs2@festu.khv.ru

² 153439806@qq.com

Abstract. *The article is devoted to the study of the formation and development of the higher education system in China from the period of ancient kingdoms to the present day. The materials for the study are the historical materials, regulatory documents, statistics and the works of leading scientists, who studied the genesis of the higher education system and aspects of management. The purpose of the study is to analyze the process of evolution of the higher education system, the basic principles of management that have shaped the vector of its modern development. The objectives of the research are to identify the factors of modernization of the higher education system, to outline the stages of its historical development. China's advanced higher education system is a unique phenomenon that world scientists and researchers in various fields and directions are trying to unravel. The feudal system, which dominated for more than two thousand years, the policy of isolationism, the denial of "Western" science and the belated opening of educational institutions of a new type, the Opium and colonial wars, internal contradictions, a multi-million populations and lack of equal educational opportunities, social differentiation are factors that determined the need for decisive action in the construction and accelerated modernization of China's higher education system. The development of education and science has been a priority task of the state since the ancient times and the key goal is the well-being of the Chinese people. The presence of the higher education is a step towards stability and prosperity not only for the population, but also for the state, since highly educated qualified personnel are the support of the nation and the state, guarantors of the effective governance and prosperity of the state.*

Keywords: *the higher education system, institutions of higher education, higher educational institutions, higher education, management, management system, socialism, socialism with Chinese characteristics*

For citation: Spassky E. N., Liu Dianbo. (2025) Genesis and Current Aspects of Management of the Higher Education System in China: Sociological Aspect *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], № 1 (110): 80–91. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-80-91>

Введение

Система высшего образования в ее традиционном понимании сложилась в КНР относительно недавно в сравнении с образовательными системами крупнейших зарубежных стран. Однако вопросам образования в Китае тысячелетиями уделяли большое внимание, то есть система высшего образования развивалась собственным уникальным образом. Остается неизменной, как в далёком

прошлом, так и сегодня, связь высшего образования с системой государственно-го управления.

Современная система высшего образования Китая является одной из ведущих на международном рынке образовательных услуг, лидирует по показателям эффективности научно-исследовательской деятельности: крупнейшие вузы Китая занимают передовые позиции в международных рейтингах, опережая ряд ми-

ровых авторитетных высших учебных заведений. Таким образом, проблематика исследования связана с необходимостью изучения феномена системы высшего образования Китая, с её образовательными и управленческими практиками. Цель исследования – изучение процесса эволюции системы высшего образования, анализ основных принципов управления, которые сформировали вектор её современного развития.

Результаты исследования

Система высшего образования в Поднебесной в течение тысячелетий постоянно трансформировалась, однако всегда шла рука об руку с системой государственного управления: менялись управляющие системой образования структуры государственного управления, но статус системы высшего образования как важнейшего рычага государственного управления не менялся.

Ранее доступ к научным знаниям и получению образования был обеспечен исключительно представителям правящей элиты, аристократам, позже – классу чиновников. «Высокообразованные вельможи и чиновники – залог успеха и процветания государства» – истина, известная во все времена. Поэтому уже с давних времен в Китае скрупулезно относились к образованию как системе.

Изучив исторические материалы, посвященные деятельности учреждений высшего образования, целесообразно выделить следующие основные этапы становления и развития системы высшего образования в Китае:

1) 124 г. до н. э. – 1407 г. – появление в Китае первых учреждений высшего образования, осуществлявших подготовку исключительно представителей правящих династий, аристократии, высших чиновников на основе изучения конфуцианских канонов – главных оплотов мудрости.

Первые упоминания о высшем учебном заведении в Древнем Китае датированы 124 до н. э. Согласно летописям, в эпоху династии Западная Хань (206 г. до н. э. – 8 г. н. э.) для многочисленных представителей правящей династии в 124 году до нашей эры было создано Высшее училище, наделенное статусом

университета. Подготовка в Высшем училище осуществлялась по одному важнейшему направлению – эффективно-му управлению государством. В первые годы существования количество студентов не превышало и 50 человек, однако уже в эпоху правления династии Восточная Хань (25 – 220 гг.) науку эффективного управления государством постигало около 30 000 студентов, что связано, в том числе, с расширением права доступа к получению высшего образования не только представителей правящей династии и аристократами, но и класса чиновников [Лоу Юйле, 2022].

В 276 г. император правящей династии Западная Цзинь У-ди (265–316 гг.), основывает новое учебное заведение – Государственное училище (Гоцзысюэ), совмещившее в себе функции управления образовательной системой и подготовки чиновников. Сменялись правящие династии, но в течение веков Государственное училище Гоцзысюэ лишь укрепляло свои позиции и выступало ключевым административным органом просвещения вплоть до 1905 года, продолжая при этом осуществлять подготовку чиновников высшего эшелона власти. Гоцзысюэ заведовало общенациональными экзаменами для чиновников – кэцзюй, осуществляло руководство и контроль за деятельностью Высшего училища и школ подготовки чиновников [Historical notes of Beijing University, 2010].

Начиная с IV в. в Поднебесной были также организованы учреждения для подготовки чиновников, крупнейшим из которых являлась школа «Сымень» («Школа четырех ворот»).

В 738 г., в эпоху правления династии Тан (618–907 гг.), была создана Академия Ханьлинь, просуществовавшая до 1911 г., и совмещавшая функции подготовки студентов, издания сборников научных трудов и энциклопедий, контроля за деятельностью учебных учреждений, функции императорской канцелярии, комитета по цензуре литературы и театра. Руководящий состав Академии назначался из числа крупных чиновников и вельмож;

2) 1407–1862 гг. – этап, характеризующийся постепенным усовершенствованием

нием деятельности традиционных китайских учреждений высшего образования в вопросах процедуры обучения, а именно: введение утвержденной программы вступительных испытаний и процедур аттестации для студентов и преподавателей.

Пионером указанных нововведений выступила Сыигуань – Палата по делам иностранцев, которую также называли Школой переводчиков с языков четырех сторон света, созданная в 1407 г.

Сыигуань можно назвать предтечей Министерства иностранных дел, поскольку учреждение в те времена выполняло ряд аналогичных функций: коммуникация с послами иностранных государств, протокольная служба, переводческая деятельность. Деятельность чиновников, состоявших на службе в Сыигуань, характеризовалась высокой степенью ответственности и перед императором, и перед государством, поэтому подготовка будущих послов, переводчиков, чиновников осуществлялась непосредственно в рамках учреждения. То есть Сыигуань совмещала функции административного учреждения и образовательного учреждения – Палаты по делам иностранцев, Школы переводчиков с языков четырех сторон света. Педагогами в Школе переводчиков с языков четырех сторон света выступали непосредственно сами чиновники Палаты по делам иностранцев.

Важным достижением в развитии системы образования стало расширение права доступа к получению высшего образования: начиная с 1426 г. к обучению в Сыигуань стали допускаться не только представители аристократии и высших чиновников, но и одаренные представители из народа.

С 1509 г. по результатам сдачи первых экзаменов лучшим студентам назначались стипендии, равнозначные жалованью, которое они получали на службе до поступления на обучение.

В 1643 г., на закате правления династии Мин (1368–1644 гг.), Сыигуань была реорганизована, были созданы два учреждения: Палата при императорском дворце для приема представителей зависимых территорий и Палата перевода с языков четырех сторон света, просуще-

ствовавшая до 1903 г.;

3) 1708–1899 гг. – в отдельный этап становления системы образования в Китае стоит выделить период организации школ изучения русского языка и миссионерских школ.

В 1708 г. при Дворцовой канцелярии по указу цинского императора Канси была открыта Школа русского языка – первое официальное учебное заведение русского языка в Поднебесной [Хао Пин, 2019].

Позже, в 1756 г., была открыта еще одна Школа русского языка, находившаяся в подчинении Дворцовой канцелярии, и в 1862 г. вошедшая в состав учебного заведения нового типа – школы Тунвэньгуань. В Школе русского языка отобранные из числа одаренных маньчжуров студенты обучались письменно-му и устному переводу.

После поражения Китая в Опиумных войнах и оккупации крупнейших портовых городов, западные державы были заинтересованы в скорейшей ассимиляции западной культуры в Китае, поэтому, начиная с 1842 г. наблюдается рост количества миссионерских школ. В период с 1842 г. по 1860 г. в Китае насчитывалось около пятидесяти учебных заведений, в том числе двенадцать школ для девочек. Общее количество учеников в этот период составляло около тысячи. В 1870-х гг. насчитывалось восемьсот миссионерских школ с общим количеством учеников в двадцать тысяч человек, а в 1899 г. – уже около двух тысяч школ с общим количеством учеников в сорок тысяч человек.

Миссионерские школы сыграли важную роль в популяризации западного образования, они первыми приоткрыли завесу тайны западных наук для китайской интеллигенции. Благодаря деятельности религиозных общин представители образованного класса китайского общества приобщились к западной прессе и литературе, научным изданиям, постигали тайны западной медицины. Деятельность и устройство миссионерских школ также во многом послужили примером для правительства Китая при организации собственных учебных заведений нового типа.

4) 1862–1902 гг. – открытие школы

Тунвэньгуань, ставшей символом новой системы образования в Китае, первым государственным образовательным учреждением, осуществлявшим подготовку студентов по языкам восточной и западной группы, а также по ряду «западных» научно-технических дисциплин и программ, в том числе по математике, астрономии, медицине. Открытие этого заведения послужило импульсом для чиновников других провинций Китая к учреждению в регионах учебных заведений, осуществляющих подготовку специалистов в рамках китайских и «западных» наук. В их числе были Военно-морское училище в Фучжоу, телеграфное училище в провинции Фуцзянь, Тяньцзинское телеграфное училище, железнодорожное училище при Нанкинском училище сухопутных войск и другие.

В течение сорока лет существования в качестве самостоятельного учебного заведения Тунвэньгуань выросла до специализированного высшего учебного заведения с широким спектром образовательных программ и дисциплин, и в 1902 г. была включена в состав Столичного университета.

Важным направлением подготовки студентов Тунвэньгуань являлось командирование лучших учащихся в зарубежные поездки. Начиная с 1865 г. группы студентов посетили и на практике постигли значение профессии переводчика в России, Великобритании, Франции, Германии;

5) 1898–1904 гг. – учреждение Столичного университета (переименованного в 1912 г. в Пекинский университет) – главного административного органа управления новой системой образования во главе с министром образования, осуществляющим управление непосредственно Столичным университетом и учреждениями образования нового типа по всей стране. Министр образования выступал заведующим административными делами Столичного университета, а оперативные вопросы управления внутри университета и учебных заведений, связанные с организацией учебного процесса, осуществляли главные управляющие, подотчетные министру образова-

ния [Хао Пин, 2019].

Начиная с конца 1903 г. Столичный университет ежегодно отправлял лучших студентов на обучение в Петербургский университет в России, Университеты Васэда и Хосэй в Японии, Лондонский университет в Великобритании и другие крупные университеты в Европе и США.

В указанный период система высшего образования Китая включала два ключевых учреждения: Столичный университет, управляющий новой системой образования, учебными заведениями нового типа по всем провинциям Китая, и Государственное училище, курирующее государственную экзаменационную систему кэцзюй – старую систему образования.

б) 1904 – 1949 гг. – дальнейшее развитие системы высшего образования: упразднение в 1904 г. должности министра образования, учреждение Министерства просвещения, на руководителя которого возлагаются обязанности управления новой образовательной системой и учебными заведениями по всей стране, учреждение должности генерального инспектора университета, осуществляющего управление Столичным университетом и подконтрольного министру просвещения. С упразднением в 1905 г. традиционной экзаменационной системы функции по управлению старой системой образования перешли к Столичному университету.

С 1909 г. Столичный университет становится площадкой для обучения иностранных студентов. Первыми иностранными студентами, прибывшими на обучение в университет, стали студенты Восточного института, расположенного во Владивостоке.

По всей территории страны открываются университеты и училища нового типа, призванные ликвидировать дефицит квалифицированных кадров в стране во всех отраслях экономики, в том числе педагогические училища, профессионально-технические техникумы и училища.

Начиная с 1912 г., происходят изменения в системе управления учреждениями высшего образования – управление осуществляет ректор, подотчетный министру

просвещения, осуществляющему управление системой образования Китая.

Стоит отметить, что начиная с 1910 г., в стране происходит становление и развитие идей управления в рамках идеологии марксизма. Существенное влияние на развитие марксизма в Китае оказала марксистская социология Советского Союза. Поэтому весьма очевидно и обращение системы образования Китая к советской модели, длительное время выступавшей в качестве образцовой при организации образовательных учреждений [Чжу Юнсинь, 2021].

Важным этапом является обучение китайских студентов в Москве: в период с 1921 г. по 1930 г. в Китайском отделении Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), Университете трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (КУТК) и позднее в Международной ленинской школе прошли обучение большинство высших руководителей и членов ЦК Коммунистической партии Китая, в том числе Дэн Сяопин, и партии Гоминьдан, в том числе Цзян Цзинго – президент Китайской Республики (Тайвань) в 1978 – 1988 гг., сын Чан Кайши. Так, 27 из 44 членов ЦК Коммунистической партии Китая, избранных на VII съезде КПК 1945 г., учились в СССР [Chzhan Zeyuj, 2009].

7) 1949–1966 гг. – с провозглашением в 1949 г. Китайской Народной Республики в образовательной системе страны продолжилось внедрение элементов советской системы образования, начатой еще в двадцатые годы, для обмена опытом в КНР приглашались представители профессорско-преподавательского состава из СССР. Советский Союз оказывал существенную поддержку КНР в политической, экономической, образовательной и других сферах [Цинь, 2022].

В период 1956–1961 гг. в управленческой структуре учреждений высшего образования функционирует партийный комитет, транслирующий идеи КПК, руководящий исполнительным комитетом учреждения высшего образования, осуществлявшего оперативное управление и организационной работой образовательного учреждения.

С 1961 г. по 1966 г. ректор учреждения

высшего образования назначается государством и выступает представителем партийного комитета, в руках которого сосредоточено управление учреждением высшего образования. Вопросы оперативного управления образовательным учреждением осуществляются на основе коллективной работы исполнительного комитета во главе с ректором.

8) 1966–1976 гг. – период Культурной революции, сопровождавшейся преследованием и репрессиями в отношении интеллигенции, деятелей науки и культуры, представителей профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, приостановкой отношений с СССР, положил начало процессу стагнации образовательной системы, отказа от лучшей практики, заимствованной у советского образования, значительно притормозил процесс подготовки квалифицированных кадров по всей стране. В этот период управление учреждениями высшего образования осуществляли революционные комитеты под руководством партийного комитета;

9) 1978–1990 гг. – постепенный процесс восстановления образовательной системы Китая. С приходом к власти Дэн Сяопина Китай вступил в новую эру реформ и открытости, была провозглашена новая научная концепция развития – социализм с китайской спецификой. Система образования развивалась, ориентируясь на сильные стороны китайского образования, лучший опыт образовательных учреждений США, Великобритании и Японии.

Что касается вопросов управления, с 1978 г. в учреждениях высшего образования партийный комитет представляет КПК, реализует идейно-политическое воспитание, руководит работой ректора, осуществляющего оперативное управление деятельностью учреждения высшего образования;

10) с 1990 г. и по настоящее время идет современный этап развития системы образования, ключевая цель которой – подготовка талантливых кадров, призванных обеспечить развитие и укрепление страны, становление ее как одной из ведущих мировых держав в области нау-

ки, образования, техники и технологии, опираясь на сочетание идей марксизма с лучшими достижениями традиционной китайской науки и культуры.

Сегодня система образования КНР представляет собой строго централизованную структуру, возглавляемую Министерством образования, приводящим в жизнь решения и указания ЦК КПК и Госсовета КНР. Министерство образования осуществляет централизованное управление подконтрольными структурами, департаментами и учреждениями, определяет основные направления развития национальной системы образования.

Современная система высшего образования в своем развитии опирается на Закон «О высшем образовании» [Law of the People's Republic of China «About Higher Education»] и «Стратегию модернизации системы образования до 2035 года», определяющую китайскую систему высшего образования как одну из передовых в мире по ряду показателей, в первую очередь в вопросах подготовки лучших кадров [Strategy for Modernizing China's Higher Education System until 2035].

Курс на ускоренную модернизацию высшего образования при активной поддержке со стороны государства привел систему образования Китая к выдающимся успехам и обеспечил лидирующие позиции в мировых рейтингах.

Так, в мировом рейтинге университетов World University Rankings, составленном на 2025 г., ведущим университетам Китая: Университету Цинхуа и Пекинскому университету присвоены 12 и 13 позиции соответственно [World University Rankings, 2024].

В мировом рейтинге Best Global Universities Rankings, составленном US.News & Report на 2024–2025 учебный год, Университет Цинхуа занимает 16 строчку, Пекинский университет – 31 [Best Global Universities Rankings, 2024]. В рейтинге QS World University Rankings: Asia 2025, куда вошли 984 университета Центральной Азии (включая университеты Казахстана и Узбекистана), Восточной Азии (включая университеты материкового Китая, Японии и Южной Кореи), Юго-Восточной Азии (включая университеты

Малайзии, Сингапура и Таиланда) и Южной Азии (включая университеты Индии и Пакистана), Пекинскому университету принадлежит первое место в рейтинге.

Ежегодно пополняется штат учреждений высшего образования и научно-исследовательских институтов Китая первоклассными китайскими учеными, получившими образование и ученые степени в ведущих университетах мира, в первую очередь в Массачусетском технологическом институте, Стэнфордском и Гарвардском университетах, в рамках программ Правительства КНР по поддержке молодежи с высокими достижениями в образовании и науке «Тысяча талантов» и «Qimin». Согласно данным социологических опросов, проводимых подразделениями Министерства образования КНР среди ученых – участников указанных программ, несмотря на высокую востребованность за рубежом и престижность работы в зарубежных учреждениях образования и науки, респонденты в качестве первоочередных причин работы на родине указали: чувство патриотизма и желание трудиться на благо Родины, ряд преференций со стороны государства и высочайший уровень материально-технической базы учреждений образования и науки Китая, оперативное внедрение инноваций как первоочередной фактор для осуществления научных изысканий и разработок [Национальные статистические бюллетени по развитию образования, за 2015–2023 гг., 2024].

Динамика развития системы высшего образования внутри страны прослеживается и по данным, публикуемым ежегодно Министерством образования КНР в Национальных статистических бюллетенях по развитию образования (табл. 1).

Наращивание темпов развития системы высшего образования КНР подтверждают цифры: увеличение количества высших учебных заведений до 3074, прирост численности обучающихся и поступивших, рост коэффициента охвата населения программами высшего образования с 40% в 2015 г. до 60,2% в 2023 г.

Сегодня китайская система образова-

Таблица 1

Показатели развития системы высшего образования КНР, 2015–2023 гг.

Показатели	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Всего высших учебных заведений, ед.	2560	2596	2631	2663	2688	2738	2869	3013	3074
Численность поступивших, тыс. чел.	8023,6	8153,2	8421	7910	9149	9674,5	10035,8	10137,7	10422,2
Общая численность обучающихся студентов, тыс. чел.	36470	36990	37790	38330	40020	42791,1	44971,3	46550,8	47631,9
Коэффициент охвата, %	40	42,7	45,7	48,1	51,6	54,9	57,9	59,6	60,2

Источник: составлено авторами на основе данных сайта Министерства образования КНР. URL: [//http://www.moe.gov.cn](http://www.moe.gov.cn) (дата обращения 27.09.2024).

ния объединяет в себе национальные черты, присущие исключительно учебным учреждениям Китая, элементы советской системы образования, в первую очередь СПО и профессионально-технического обучения, опыт американской образовательной модели.

Ключевым принципом реализации высшего образования в стране является принцип справедливости, который заключается в обеспечении доступности высшего образования несмотря на дифференциацию учебных заведений, существенный разрыв между крупными городами и поселками. В целях увеличения охвата населения в вопросах предоставления возможности получения высшего образования в Китае программы высшего образования реализуются в государственных, частных и совместных с иностранными образовательными организациями учреждениях высшего образования. Студентам доступны различные траектории высшего образования, в частности регулярное образование (программы прикладного бакалавриата и стандартные программы с возможностью продолжить обучение в магистратуре и аспирантуре), образование для взрослых, самообразование.

Актуальным аспектом развития системы высшего образования является осознанный подход при выборе направления подготовки и специальности в маги-

стратуре и аспирантуре обучающимися: получение научной степени не является самоцелью, во главе угла – возможности применения полученных знаний, навыков и умений на практике. Ежегодные социологические исследования, проводимые структурными подразделениями Министерства образования КНР среди обучающихся в магистратуре, аспирантов и соискателей, свидетельствуют: респонденты при выборе направления подготовки или специальности руководствуются спецификой своей будущей профессиональной деятельности – реализация навыков научных исследований и разработок осуществляется в рамках академически ориентированных программ магистратуры и аспирантуры, развитие высоких профессиональных навыков и умений – в рамках профессионально ориентированных программ магистратуры и аспирантуры. Социологические исследования показывают увеличение процента поступающих на профессионально ориентированные программы магистратуры и аспирантуры с 24,8% в 2010 г., до 77,3% в 2024 г. [Национальные статистические бюллетени по развитию образования, за 2015–2023 гг., 2024].

В связи с вышесказанным может возникнуть вопрос о перенасыщении рынка труда КНР выпускниками профессионально ориентированных программ магистратуры и аспирантуры. Тем не

менее такая проблема отсутствует в связи с рациональной политикой реализации программ высшего образования в учреждениях КНР, главный принцип которой – нацеленность образования и науки на результат: приток новых талантов во все отрасли экономики, труд на благо нации и государства. Деятельность учреждений высшего образования реализуется в тесной увязке с производством и его запросами относительно профессиональных кадров. Ежегодно Министерство образования проводит опрос работодателей по вопросам качества знаний, навыков и умений выпускников; осуществляет мониторинг трудоустройства выпускников программ высшего образования. Если по истечении двух лет с момента окончания учреждения высшего образования менее 60% выпускников трудоустроены, программа высшего образования признается непригодной, учреждение высшего образования обязывают прекратить набор студентов для обучения по данной программе. Таким образом, Министерство образования, приводящее в жизнь решения и указания ЦК КПК и Госсовета КНР, осуществляет регулирование образовательной деятельности, реализуемой учреждениями высшего образования, с учетом актуальных запросов производства.

Архитектоника системы управления учреждения высшего образования соответствует главному принципу управления – следованию линии партии, развитию социализма с китайской спецификой и развитию народной демократии – и включает структуру высшей власти – партийный комитет, возглавляемый секретарем, блок исполнительной власти во главе с ректором и совещательный орган – съезд профессорско-преподавательского состава.

Сложившаяся в высших учебных заведениях система управления регламентирована рядом нормативно-правовых документов:

- Постановлением ЦК КПК «Об усилении партийного руководства в высших учебных заведениях», выпущенным в 1990 г. и официально провозгласившим

партийный комитет как ключевой орган управления, осуществляющий руководство деятельностью ректора учреждения высшего образования – центральной фигуры исполнительной власти в управленческой структуре;

- «Положением о работе первичных организация КПК в высших учебных заведениях», выпущенным ЦК КПК в 1996 г.;

- Законом «О высшем образовании»;

- Положением о съезде профессорско-преподавательского состава высшего учебного заведения, принятым Министерством образования в 2011 г.;

- Нормативным документом по выполнению требований о соблюдении и совершенствовании системы ответственности ректора под руководством партийного комитета в вузах, выпущенным ЦК КПК в 2014 г.

Образование – приоритетное дело партии и государства. Основная задача учреждений высшего образования – воспитание высокообразованных кадров, новаторов, преемников в вопросах дальнейшего развития и укрепления социализма с китайской спецификой, обладающих высокими нравственными качествами. Партийный комитет учреждения высшего образования во главе с секретарем партийного комитета реализуют управленческую деятельность, разрабатывают стратегию развития учреждения высшего образования, следуя основной линии и основной стратегии Коммунистической Партии Китая.

Партийный комитет оказывает поддержку ректору в вопросах осуществления оперативного управления учреждением высшего образования, принимает решения относительно назначения сотрудников на ключевые должности в структуре управления высшим учебным заведением и освобождения от них, принимает решения о финансовом управлении в учреждениях высшего образования, утверждает годовой бюджет.

В государственных учреждениях высшего образования секретарь партийного комитета и ректор назначаются на должность Министерством образования или отраслевыми министерствами, выступающими учредителями высших учебных

заведений, или Госсоветом КНР.

Секретарь партийного комитета и ректор провинциальных и муниципальных учреждений высшего образования назначаются на должность соответствующими структурами управления образованием, подконтрольными Министерству образования и правительствам провинций и муниципалитетов.

Ректор учреждения высшего образования выступает главным представителем исполнительной власти, осуществляющим оперативное управление учреждением высшего образования согласно стратегическим решениям и направлениям развития системы высшего образования в целом и учреждения высшего образования в частности, принятым Первичным комитетом КПК. Управленческие решения, принимаемые ректором, соответствуют управленческим решениям партийного комитета, являются их продолжением и транслируют идеи и стратегии партии, то есть ректор несет персональную ответственность за выполнение решений, принятых партийным комитетом.

К управленческим функциям ректора относятся: оперативное управление учреждением высшего образования, руководство учебными и структурными подразделениями учреждения, руководство образовательной, финансово-хозяйственной, научно-исследовательской, воспитательной деятельностью, разработка и реализация планов и программ развития учреждения высшего образования, выбор кандидатов, рекомендуемых на руководящие должности учебных и структурных подразделений университета.

Надзорную функцию в структуре управления учреждения высшего образования выполняет совещательный орган – съезд профессорско-преподавательского состава, деятельность которого регламентирована Законом «О высшем образовании».

Закон «О высшем образовании» также регламентирует деятельность и полномочия ученого совета высшего учебного заведения, подконтрольного ректору, и осуществляющего функции по управлению и контролю за эффективностью

реализации образовательной, научно-исследовательской деятельности и других вопросов [Россия–Китай: тенденции развития образования в XXI в., 2019].

Заключение

Результаты проведенного исследования позволяют сделать вывод о том, что система высшего образования Китая прошла ряд исторических этапов, формируясь под влиянием многих факторов. Главным из них стало влияние системы государственного управления. Институциональная перестройка государственного управления касалась и института высшего образования, поэтому становление и развитие его учреждений происходили параллельно с реформированием государства.

В настоящее время во главе системы высшего образования стоит Министерство образования, приводящее в жизнь решения и указания ЦК КПК и Госсовета КНР. Оно определяет основные направления развития национальной системы образования, осуществляет регулирование образовательной деятельности с учетом актуальных запросов производства.

Управленческая культура образовательных учреждений соответствует сложившейся в соответствии с государственной идеологией управленческой культуре государства. Главной особенностью управленческой деятельности в учреждениях высшего образования КНР выступает система ответственности ректора под руководством партийного комитета. Сложившаяся система управления доказала свою эффективность в вопросах успешной реализации образовательного процесса, повышения качества образования, идейно-политического и нравственного воспитания, развития потенциала учащихся и сотрудников.

Китайская система образования заимствовала лучшие мировые образовательные практики как западные, так и традиционные российские (советские), касающиеся, прежде всего, организации профессионально-технического обучения. Востребованность советского и российского опыта обучения нашла своё выражение в создании многочисленных совместных российско-китайских об-

разовательных программ и школ (институтов, факультетов), в том числе на Дальнем Востоке и Хабаровском крае. С 2012 г. действует Ассоциация вузов Дальнего Востока и Сибири и Северо-восточных провинций Китая (АВРИК). Вузом-учредителем от РФ стал Тихоокеанский государственный университет (г. Хабаровск), от КНР – Северо-восточный сельскохозяйственный университет (г. Харбин). Ведущие вузы Хабаровского края – Тихоокеанский государственный университет, Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Комсомольский-на-Амуре государственный университет являются лидерами среди краевых учебных заведений по количеству совместных образовательных программ и по числу обучающихся из КНР.

Социализм с китайской спецификой следует истине «народ – основа государства» и ставит во главу угла обеспечение справедливости и равного доступа всех слоев населения на всей территории Китая к получению высшего образования.

Это находит своё подтверждение в многообразии существующих траекторий образования, типов программ, вузов, в увеличении коэффициента охвата населения высшим образованием. Востребованность специалистов – выпускников учреждений высшего образования является результатом внедрения программ подготовки, ориентированных на запросы производства. Возвращение выдающихся ученых и специалистов непосредственно на базе китайских учреждений высшего образования и науки свидетельствует об эффективности государственных программ поддержки талантливых ученых.

Опыт исследования управленческих аспектов системы высшего образования КНР имеет большую практическую значимость для совершенствования и повышения эффективности российской образовательной системы как образец гармоничного сочетания национальных традиций и передовых международных институциональных практик.

Список источников:

1. Лоу Юйле. Духовные основы китайской культуры / Пер. с кит. Топоровой Д. С., Титова К. С., Рыбалко Н. Н. ; науч. ред. д-р филос. наук, проф. Кобзев А. И. – М. : ООО «Международная издательская компания «Шанс», 2022. – 301 с., С. 250.
2. Национальные статистические бюллетени по развитию образования за 2015–2023 годы. Официальный сайт Министерства образования КНР. URL: [//http://www.moe.gov.cn](http://www.moe.gov.cn) (дата обращения 27.09.2024).
3. Официальная страница World University Rankings. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings> (дата обращения 09.11.2024).
4. Официальная страница Best Global Universities Rankings, US.News & Report. URL: <https://www.usnews.com/education/best-global-universities/rankings> (дата обращения 09.11.2024).
5. Россия – Китай: тенденции развития образования в XXI в.: Сравнительный анализ / отв. ред.: В. П. Борисенков, Мэй Ханьчэн. – М. : Наука, 2019. – 662 с.
6. Хао Пин, Пекинский университет и генезис высшего образования в Китае / пер. с кит. Орышич К.А. – М. : Международная издательская компания «Шанс», 2019. – 431 с.
7. Цинь, Л., Голиков, А. И., Максимов, Н. Р. и др. Основные этапы развития высшего образования в Китае // Высшее образование сегодня. 2022. № 1-2. С. 100–106.
8. Чжу Юнсинь. История современной философии образования в Китае / пер. с кит. яз. Л. Г. Климова. – М. : Международная издательская компания «Шанс», 2021. – 399 с.
9. Chzhan Zeyuj. Foreign education and revolution – a study of the education of Chinese students in the USSR in the 20s of XX century. Beijing, 2009. 398 p. (in Chinese).
10. Historical notes of Beijing University. 2010. Vol. 1. 13 p. (in Chinese).
11. Law of the People’s Republic of China «About Higher Education» (in Chinese).
12. Strategy for Modernizing China’s Higher Education System until 2035 (in Chinese).

References:

1. Lou Yulie (2022) *Spiritual Foundations of Chinese Culture* / Translated from Chinese by Toporova D. S., Titova K. S., Rybalko N. N. ; scientific editors. Doctor of Philosophical Sciences, prof. Kobzev A. I. – M.: ООО “International Publishing Company” Shans “. 301 p., p. 250 (in Russ.).
2. National Statistical Bulletins on Education Development for 2015–2023. Official website of the Ministry of Education of the PRC. URL: [//http://www.moe.gov.cn](http://www.moe.gov.cn) (date of access 09.27.2024) (in Russ.).
3. Official page of World University Rankings. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings> (date of access 09.11.2024) (in Russ.).
4. Official page of Best Global Universities Rankings, US.News & Report. URL: <https://www.usnews.com/education/best-global-universities/rankings> (date of access 09.11.2024) (in Russ.).
5. *Russia - China: trends in the development of education in the 21st century: Comparative analysis* / ed. V. P. Borisenkov, Mei Hancheng. – M.: Nauka, 2019. – 662 p. (in Russ.).
6. Hao Ping (2019) *Peking University and the Genesis of Higher Education in China* / trans. from Chinese. Oryshich K. A. – M.: International Publishing Company “Chance”, 431 p. (in Russ.).
7. Qin, L., Golikov, A. I., Maksimov, N. R. et al. (2022) The main stages of the development of higher education in China *Vyssheye obrazovaniye segodnya* [Higher education today], no. 1-2, pp. 100–106 (in Russ.).
8. Zhu Yongxin. *History of Modern Philosophy of Education in China* / translated from Chinese by L. G. Klimova. – M.: International Publishing Company “Chance”, 2021. – 399 p. (in Russ.).
9. Chzhan Zeyuj (2009) *Foreign education and revolution – a study of the education of Chinese students in the USSR in the 20s of XX century*. Beijing, 398 p. (in Chinese).
10. Historical notes of Beijing University, 2010, vol. 1, 13 p. (In Chinese).
11. Law of the People’s Republic of China «About Higher Education» (in Chinese).
12. Strategy for Modernizing China’s Higher Education System until 2035 (in Chinese).

Статья поступила в редакцию 31.01.2025; одобрена после рецензирования 04.03.2025; принята к публикации 07.03.2025.

The article was submitted 31.01.2025; approved after reviewing 04.03.2025; accepted for publication 07.03.2025.

Информация об авторах

Е. Н. Спасский – доктор политических наук, доцент, заведующий кафедрой философии, социологии и права, Дальневосточный государственный университет путей сообщения;

Лю Дяньбо – аспирант, Дальневосточный государственный университет путей сообщения; преподаватель Чунцинского университета китайской медицины.

Information about the authors

E. N. Spassky – Doctor of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Sociology and Law, the Far Eastern State Transport University;

Liu Dianbo – Post-graduate student, the Far Eastern State Transport University; teacher, Chongqing University of Chinese Medicine.

СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 304.444

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-92-106

Этническая толерантность как способ взаимодействия населения с мигрантами: социологический анализ

Людмила Александровна Кривоносова¹, Ирина Федоровна Касич²

^{1,2} Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

¹ krivonosova-la@ranepa.ru

² kacich-if@ranepa.ru

Аннотация. В статье раскрываются проблемы отношения жителей Хабаровского края к этническим мигрантам через призму толерантности, как одного из вариантов формирования ценностных установок, определяющих содержательную сторону процессов адаптации принимающего сообщества и мигрантов к изменениям, вызванным интенсивным притоком граждан других государств на территорию края. Анализируются различные теоретические подходы, обосновывающие толерантность как ценностную категорию не как равнозначную безразличию или беспрекословному принятию иного мировоззрения и образа жизни, а, как позицию, которая дает возможность жить в соответствии с собственным мировоззрением среди других в собственной уверенности для открытого сравнения с другими и не избегая мировоззренческой конкуренции. Выявлены условия и факторы формирования толерантности в социальной среде региона через понятия терпимости, границ толерантности, этнической идентичности, форм проявления этнической толерантности и интолерантности. Сформулирована современная трактовка толерантности, которая позволит развивать социокультурную традицию предотвращения проявлений насилия и агрессии, становясь объектом социального управления. Представлены результаты социологических опросов населения Хабаровского края, где определены наиболее значимые идентификационные характеристики жителей территориального сообщества, определено, какое значение в менталитете жителей Хабаровского края занимает толерантность; выявлена степень проявления этнической толерантности по отношению к мигрантам. Основные результаты социологического исследования и сформулированные на их основе выводы могут быть использованы для совершенствования программ адаптации этнических мигрантов с целью предотвращения конфликтов и социальной напряженности.

Ключевые слова: этническая толерантность, границы толерантности, показатели этнической идентичности, проявление толерантности местным сообществом, социологические исследования, Хабаровский край

Для цитирования: Кривоносова Л. А., Касич И. Ф. Этническая толерантность как способ взаимодействия населения с мигрантами: социологический анализ // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 92–106. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-92-106>

Original article

Ethnic Tolerance as a Way of Interaction Between Population and Migrants: a Sociological Analysis

Ludmila A. Krivonosova¹, Irina F. Kacich²

^{1,2} The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia

¹ krivonosova-la@ranepa.ru

² kacich-if@ranepa.ru

Abstract. *The article reveals the problems of the attitude of residents of the Khabarovsk Territory to ethnic migrants through the prism of tolerance, as one of the options for forming value attitudes that determine the content side of the processes of adaptation of the host community and migrants to changes caused by the intensive influx of citizens of other states to the territory of the region. Various theoretical approaches are analyzed that justify tolerance as a value category not equivalent to indifference or unquestioning acceptance of a different worldview and way of life, but as a position that makes it possible to live in accordance with one's own worldview among others. An attempt is made to search for sources of tolerance in the social environment of the region through the concepts of tolerance, boundaries of tolerance, ethnic identity, forms of manifestation of ethnic tolerance and intolerance. The formulated modern interpretation of tolerance makes it possible to develop a socio-cultural tradition of resolving social tensions, preventing violence and aggression, becoming an object of social management. The article presents the results of sociological surveys of the population of the Khabarovsk Territory, where the most significant identification characteristics of residents of the territorial community are identified, the importance of tolerance in the mentality of residents of the Khabarovsk Territory is determined, and the degree of manifestation of ethnic tolerance towards migrants is revealed. The main results of the sociological study and the formulated on their basis conclusions can be used to improve the migration policy of the Khabarovsk Territory and adaptation programs for ethnic migrants in order to prevent conflicts and social tension.*

Keywords: *ethnic tolerance, boundaries of tolerance, indicators of ethnic identity, manifestation of tolerance by the local community, sociological research, the Khabarovsk Territory*

For citation: Krivonosova L. A., Kacich I. F. (2025) Ethnic Tolerance as a Way of Interaction Between Population and Migrants: a Sociological Analysis *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 92–106. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-92-106>

Введение

Процессы взаимодействия жителей Хабаровского края с этническими мигрантами являются не только теоретически значимыми, но и жизненно важными. Привлечение мигрантов рассматривается сегодня региональными органами власти в большей степени как фактор социально-экономического развития края и в меньшей транслируется понимание, как в дальнейшем будет осуществляться их адаптация и интеграция, какую нагрузку и неудобства будут испытывать при этом жители Хабаровского

края, способна ли социальная сфера обеспечить эти процессы без видимого ущерба и снижения достигнутых показателей благополучия, какие формы взаимодействия станут наиболее приемлемыми. Как показывают проанализированные нами источники, многие проблемы, связанные с пребыванием мигрантов в Хабаровском крае, носят общероссийский характер, тем более важно прогнозировать их дальнейшее развитие, выявив при этом и региональные особенности.

Приток этнических мигрантов продолжает увеличиваться. По данным ко-

митета по труду и занятости Правительства Хабаровского края, в 2024 г. в Хабаровском крае насчитывалось 41842 чел., что на 17,3% больше по сравнению с прошлым годом. По численности лидируют граждане Узбекистана, которые составляют 35% от общего числа мигрантов, 15,3% составляют граждане Китая. Ещё 35,3% прибывают из третьих стран: Кыргызстан (15%), Таджикистан (12%), Казахстан (3,4%), Армению (3,11%) и Азербайджан (1,9%). Эти пропорции говорят о сформировавшихся миграционных потоках и предпочтениях приезжающих. В данный момент более 32 тыс. иностранцев получили разрешение на работу в Хабаровском крае. Увеличивается количество мигрантов, ставших гражданами РФ. Выросло число привлекаемых работников из Китая и Вьетнама, ведутся переговоры с Северной Кореей. Следует добавить, что к числу зарегистрированных мигрантов относят также и членов их семей, которые также приносят множество проблем в области социального взаимодействия, трудоустройства, образования, здравоохранения, жилищно-коммунальных услуг.¹

Сегодняшние мигранты представляют собой достаточно хорошо, организованные этнические сообщества, которые успешно решают проблемы удовлетворения своих притязаний и потребностей, при чем в определенной мере в ущерб или за счет местного населения. Подтверждением этому является помощь, оказываемая государством, укоренившееся в понимании мигрантов осознание своей нужности и незаменимости в Хабаровском крае, где так и не преодолен демографический кризис, не снижается отток местного населения и, как следствие, мигрантам предоставляется большое количество рабочих мест и возможностей социального обустройства. Приезжающие иностранные рабочие и члены их семей значительно отличаются от коренного населения по языку, религии, культуре, характеризуются этнической сплоченностью, которая позволяет им жить обособленно и не стремиться к сближению с

принимающим сообществом, не изучать и не говорить на русском языке, не интересоваться особенностями территории пребывания, местными жителями, их культурой, традициями и образом жизни, беспрепятственно избирать для себя удобную манеру поведения.

Как следствие, подобные социально-пространственные преобразования, могут привести к появлению нового территориального сообщества с иным культурным и этническим разнообразием, которое сформирует другую социальную структуру и этнокультурный ландшафт. Все это не может не беспокоить местное население, не влиять на социальную обстановку и социальное самочувствие принимающего сообщества.

Вместе с тем приток этнических мигрантов на территорию Хабаровского края вряд ли будет остановлен в ближайшее время, его нужно воспринимать как данность, с которой необходимо сосуществовать, а следовательно – пересматривать различные возможности и сценарии взаимодействия с приезжающими посредством изучения ситуации, использования современных теоретических подходов, российского и международного опыта.

Одной из особенностей жителей Хабаровского края называют в целом относительно толерантное отношение к приезжим иностранным работникам, по сравнению с другими более мононациональными и монокультурными территориями России. Это подтверждают и сами мигранты, многие только по данной причине выбирают Дальний Восток. Толерантность как ценность и как способ взаимодействия сформированы у жителей края исторически, имеют глубоко социальные корни. Вместе с тем важно выяснить происхождение данного феномена, его прочность, возможность оставаться в заданных границах, и в каких векторах может произойти его трансформация в непростых для изучаемой проблемы условиях [Кривоносова, 2018]

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью социологического анализа толерантности и опреде-

¹ Комитет по труду и занятости Правительства Хабаровского края. URL: <https://sz27.ru/content/>

ления этого понятия в границах основных ментальных характеристик населения Хабаровского края. Для оценки степени проявления толерантности принимаемого сообщества и мигрантов необходимо выяснить, в какой степени различные социальные группы транслируют ценности этнической толерантности в различных сферах жизнедеятельности; определить, что способствует проявлению в регионе интолерантности и какие существуют возможности формирования новых ценностных толерантных ориентаций для эффективного взаимодействия принимающего населения и мигрантов на межэтническом, межкультурном, межконфессиональном и др. уровнях.

Методология исследования

Теоретико-методологические основы социологического анализа исследуемой проблемы формируются нами через привлечение трудов российских и зарубежных ученых в формате проблем миграционной политики для определения в ее составе толерантности как механизма взаимодействия акторов, представляющих различные стороны и интересы.

Впервые понятие «толерантность» в научный оборот ввел в XVIII в. Дестюд де Траси, изучая в рамках социальной философии категории «терпимость» и «терпение». В настоящее время толерантность характеризуется междисциплинарным уровнем, имеет достаточно широкий спектр исследовательского поля в социологии.

Наиболее точное определение понятию дано в Декларации принципов толерантности, на генеральной конференции ЮНЕСКО 16 ноября 1995 г., где толерантность обозначается как «уважение, принятие и правильное понимание богатого многообразия культур нашего мира, наших форм самовыражения и способов проявлений человеческой индивидуальности»²

Методологическим основанием, позволившим сформировать научно-исследовательскую позицию и определить исследовательские векторы стали теории известных классиков социологии: социального действия и «идеального

типа», М. Вебера, социальных систем Т. Парсонса. Представители отечественной социологической мысли А. В. Дмитриев, Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядов обогатили наше представление об изучаемом объекте благодаря теориям социальных конфликтов, социологии труда, диспозиционной регуляции социального поведения личности.

В рамках отраслевых социологий привлекались работы западных ученых: Дж. Мида, Г. Блумера, Э. Гидденса, Ю. Хабермаса, которые, по сути, являются основными специалистами в современной западной социологии в области исследования и технологической обеспеченности социологической специфики толерантности как разновидности процесса взаимодействия в теоретических границах и методах теорий символического интеракционизма и социальной индентификации. Транслирование толерантности определяется ценностными символами собственного отношения личности к другим, формирование обозначенных символов ученые связывают с ментальностью, с этническими идентификаторами, которые образуются в конкретной социальной среде.

Российская социологическая мысль активно использует категорию «толерантность» с конца прошлого столетия, с внедрением в практику общественного устройства концепции нового мышления, когда широко практиковались понятия «плюрализм» и «консенсус». В это период проблемы толерантности в российской социологии исследовались О. В. Демидовой, Б. С. Гершунским, Е. В. Ершовым, Е. А. Лекторским [Демидова, 2021]. Общее понимание исследуемой категории определялось возможностью существования в составе целого (в качестве его составляющих) неограниченного множества мнений, которые между собой могут вступать в различные формы взаимодействия, начиная с содружества и взаимопонимания, заканчивая конфликтами и неприятием, при условии, что ни одно из множеств не обладает монополией на собственное мнение. Результатом подобного рода взаимодействий является соз-

² Декларация принципов толерантности. Утв. рез. 5.61 генеральной конференции ЮНЕСКО от 16 ноября 1995 года. URL: <https://ufabist.ru/wp-content/uploads/2021/09/dekl-tolerant.pdf>

дание множества таких условий, которые позволяют выработать решение, устраивающее все заинтересованные стороны. Данная позиция поддерживалась и современной западной социологией, в том числе Г. Блумером, которую он обозначил в качестве наиболее приемлемой, исследуя вопросы культивации мультикультурализма в современных обществах

Следующий уровень проблем относится к непосредственному транслированию личностью толерантных установок в повседневной практике, где, по мнению ученых, исследуемая дефиниция позволяла бы ей гармонично взаимодействовать с окружающим миром. Здесь заслуживают внимания работы Г. Д. Дмитриева, Д. В. Зиновьева, Е. Ю. Литвиненко. Целью исследований упомянутых авторов стало выявление характерных черт толерантности в социокультурных процессах российского общества: подчеркивается ее субъективный характер, поскольку она опирается в большинстве своем на чувственные измерения и восприятия, а также для признания не только других наций, народов и религий, но и для собственного саморазвития толерантность способна взять на себя роль признака, обеспечивающего личности собственную уверенность для открытого сравнения с другими, в процессе мировоззренческой конкуренции [Дмитриев, 1999].

Научные дискуссии в рамках исследуемой темы исходят из необходимости теоретически и технологически конкретизировать процесс создания модели толерантности, применяемой или допустимой принимающим сообществом по отношению к этническим мигрантам. Унифицированные формы моделей толерантности представлены в исследованиях М. Вебера, Г. Блумера, Ю. Хабермаса. Модели, учитывающие российские специфики, рассматриваются в работах Л. М. Дробиживой, В. Н. Мухи, С. В. Рыжковой и др. [Дробижева, 2023].

Модели толерантности могут служить своеобразным ориентиром как для местного сообщества, так и мигрантов в процессе выстраивания своей поведенческой позиции. Многие ученые допускают, что модель будет состоять из общих

и частных ценностно-поведенческих характеристик. Так, например, считают Дж. Мид, Г. Блумер [Блумер, 2017]. В этом случае вполне допустимо использовать прием М. Вебера, который он применил для построения своей модели «идеального типа», представив ее в двух уровнях: историческом и социологическом. Исторический уровень М. Вебер рассматривал как базу, формирующую основные устои толерантности. Сюда могут войти образование, культура, территориальные особенности, доход, статус. Каркас же социологических характеристик составляют показатели, которые востребованы обществом в определенных пространственно-временных условиях: предприимчивость, самоответственность, саморазвитие, увлечения, привычки, современный уровень профессионального образования и др. [Вебер, 1994].

Свою модель толерантности Г. Блумер предлагает наполнить исключительно значимыми для ситуации и территориального сообщества показателями. Только ситуация, по мнению ученого, может сформировать необходимые типы поведения и взаимодействия. В своих исследованиях Г. Блумер подчеркивает, что процесс использования толерантности должен быть управляем, и не провоцировать социальную напряженность и конфликтность [Блумер, 2017].

Следующий подход демонстрирует в своих работах Ю. Хабермас. Он предлагает формировать модель исходя также из конкретной ситуации и времени, при этом отказаться от уже существующих наработок, что поможет сформировать новую толерантную идентичность. Вместе с тем ученым высказываются определенные сомнения, что выбор необходимых характеристик толерантности приведет к череде бесконечных дискуссий о целесообразности использования тех или иных показателей со стороны принимающего сообщества и такая модель может рассматриваться только как рекомендательная для принимающего сообщества [Хабермас, 2020].

В работах российских социологов Ю. В. Арутюняна, Л. М. Дробиживой [Дробижева, 2023], В. Н. Иванова представ-

ляется вариант модели толерантности с учетом российской специфики, и, что особо значимо, привлекаемые показатели толерантности должны неизменно способствовать развитию социокультурной традиции, разрешению напряженности, предотвращению проявлений насилия и агрессии, становясь объектом социального управления.

Обсуждение темы

Обсуждаемая тема в научном поле современной социологии представлена достаточно внушительным количеством монографий, диссертационных исследований, научных публикаций, что подтверждает ее особую актуальность. К наиболее значимым для изучаемой нами темы можно отнести работы И. В. Гришина, В. И. Григорьевой, О. А. Демидовой, А. В. Дмитриева, В. С. Малахова, Н. С. Мاستиковой, В. И. Мукомель, Н. С. Мاستиковой [Малахов, 2015; Цапенко, Гришин, Преображенская, 2018; Дмитриев, Слепцов, 2014; Мукомель, 2015; Мукомель, 2021; Демидова, 2021].

Несмотря на широкий спектр работ, единые общепринятые показатели измерения толерантности в рамках ее этнической и социально-коммуникационной специфики в российской социологии еще не сложились. Наиболее часто встречаются такие индикаторы измерения, как отношение принимающего сообщества к притоку на территорию проживания этнических мигрантов, желание жить с ними в рамках своего социума, последствия миграции и др. Все показатели связаны с одной темой, но в большинстве своем исследуются ее различные аспекты, что затрудняют процедуры формулирования складывающихся тенденций в рамках данного процесса или проведения сравнений, а также определения степени субъективности укоренившегося брэнда неприятия мигрантов в принципе, независимо от существующих условий и факторов.

Вместе с тем в настоящее время выделяются два исследовательских подхода: экономический и социокультурный [Монусова, 2021], что может стать основанием для конструирования структурного каркаса комплексных социологических

исследований. Использование экономического подхода подразумевает определение противоречий между мигрантами и принимающим сообществом на рынке труда, связанных с рабочими местами, социальными пособиями, заработными платами, карьерным ростом и др. Предметом изучения при экономическом подходе становится, например, то что приток низкоквалифицированных работников снижает количество рабочих мест и понижает уровень заработной платы для аналогичных групп среди местного населения. Если среди мигрантов будут высоко профессиональные кадры, то растёт дефицит низкоквалифицированных рабочих мест и оплата их труда, что в обоих случаях несет негативный резонанс. Экономические детерминанты позволили провести корреляционную зависимость проявления интолерантности к мигрантам от степени образования и квалификации опрашиваемых (А. Мейда). Выявлено, что представители местного сообщества, имеющие высокий уровень образования и квалификации, более терпимо относятся к иностранным рабочим, чем с более низким уровнем образования и квалификации, которые в любом случае рассматривают мигрантов как угрозу, которая может быть как реальной, так и основанной на субъективных представлениях.

Социокультурный подход формируется под влиянием субъективных представлений, сложившихся стереотипов, предполагает выражение противоречий, разделяющих представителей местного сообщества и мигрантов на «своих» и «чужих» [Монусова, 2021]. Показателями измерения в рамках субъективного подхода могут стать другие язык, религия, культура, одежда, поведение, ценности. Причем в большинстве случаев социокультурные показатели зависят от экономических: если местное население чувствует угрозу своему благополучию и положению на рынке труда, то оно будет отрицательно относиться к любым иностранным работникам, переоценивая уровень миграции. Социально-экономическая уязвимость и низкий уровень доверия нигде не способствуют толерантности по отношению

к мигрантам и являются основанием для интолерантных проявлений.

Проявление интолерантности определяется установкой личности только на свои собственные ценности, не принимая никаких других и не желая выходить за рамки привычного для нее мира. Интолерантность рассматривается через личностные черты и возможности их проявления. По мнению Н. М. Лебедевой [Лебедева, Татаренко, 2017], интолерантность личности может проявляться по 21 признаку, в том числе через неопределенность своей этнической или территориальной идентичности, в сравнении себя с другими, соблюдении жесткой социальной дистанции, нежелании вступать в контакты с другими этносами. В подобного рода исследованиях акцент делается на связь идентификационных показателей с характеристиками этнической интолерантности.

В фокусе научного дискурса находятся проблемы методики и техники исследования. Российские исследователи уже имеют определенный положительный опыт формирования идентификационной модели, в которую включены и показатели этнической толерантности. Так, в 2021 г. В. Н. Мухой [Муха, 2017] было проведено исследование в Краснодарском крае с целью выявления субъективных автостереотипов современных русских для осмысления собственной этнонациональной идентичности. В исследовании использовался опросник «Типы идентичности и толерантности», разработанный Г.У. Солдатовой и С.В. Рыжковой и ориентированный на проведение глубинного интервью с представителями русского этноса. Техника и методика данного исследования может использоваться и на территории Дальнего Востока, поскольку в большей степени ориентирована на русский этнос, а он составляет большую часть (91%) жителей региона [Солдатова, Рыжкова, 2018].

Конкретизация идентификационных символов жителей Дальнего Востока в рамках подобных исследований сформировала бы их современный ментальный образ, что в определенной мере позволило бы объяснить существующее от-

ношение к этническим мигрантам, но эти символы не должны быть жесткими в формулировках и сложными для восприятия для жителей Хабаровского края и мигрантов, а должны обладать признаками обоснованного минимализма, а также поддерживаны территориальным сообществом.

Эмпирическая база исследования

Основу эмпирической базы составили результаты социологического опроса: «Отношение населения Хабаровского края к этническим мигрантам», проведенного в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС в 2024 г. Для сбора информации использовалось веб-приложение Google Формы, ссылка на анкету, выставленную на платформе Google Формы распространялась в доступных социальных сетях. Всего опрошено 644 респондента, жители Хабаровского края, представляющие три возрастные группы: 18–25 лет – 36%, 26–40 лет – 19,8%, 40–50 лет – 23,4%, старше 50 лет – 20,8%. Подавляющее большинство респондентов – 79,5% – жители городов, 20,5% – сельской местности Хабаровского края. Репрезентативность также обеспечивается интересом респондентов к изучаемой проблеме, и тем, что все респонденты имеют опыт взаимодействия с этническими мигрантами.

Для вторичного анализа, в целях сравнения полученных данных, использовались результаты опроса: «Отношение населения Хабаровского края к этническим мигрантам», проведенного в Дальневосточном институте управления – филиале РАНХиГС в 2019 г. Применялся случайный тип выборки, опрошено 500 респондентов, проживающих на территории Хабаровского края, представляющих различные возрастные категории, имеющих практический опыт взаимодействия с этническими мигрантами. Сбор информации осуществлялся методом анкетного опроса, где $n=500$, $K \Delta=97\%$.

Результаты исследования

Условия и факторы формирования толерантности у жителей Хабаровского края

Границы, содержание и проявление толерантности жителями Хабаровского

края по отношению к этническим мигрантам в рамках проведенного исследования определялись, в том числе, и через выявление исторических факторов и социальных условий, определяющих ее возможности и значимость присутствия в идентификационной модели жителей региона.

В процессе анализа самоидентификации респондентов выявлено сложное переплетение исторических, идеологических, политических, религиозных и культурных аспектов, формирующих уникальную идентификационную структуру, которая характеризуется высокой степенью гибкости, отсутствием жестких рамок и открытостью к разнообразным критериям оценки территориально-этнической принадлежности.

Большинство населения, проживающего на территории Хабаровского края, сформированное мигрантами из бывшего СССР, приехавшими покорять просторы Дальнего Востока и охранять его рубежи, не отделяет себя от местных этносов, образующих малочисленные народы Севера и Приамурья (87,2%), а считает себя единой с ними территориальной общностью.

Участники исследования описали дальневосточников как людей, обладающих такими качествами, как щедрость, терпеливость и духовная сила (52,2%), а также способность адаптироваться к экстремальным климатическим условиям (82,2%). Кроме того, жителям Дальнего Востока присущи такие черты, как коллективизм, готовность к взаимопомощи, самостоятельность и самодостаточность в принятии решений, что связано с их геополитической обособленностью и отдаленностью (64,9%). В составе современных идентификаторов присутствуют те, которые ранее не считались типичными для этого региона: индивидуализм, предприимчивость и расчетливость (36,4%). Эти новые черты способствуют формированию у жителей региона адаптивности к современным условиям (64,8%), а также гибкости и толерантности в межэтнических и межкультурных взаимодействиях (82,9%). Заслуживает внимания и то, что протестное поведение и сепаратизм, которые в последнее вре-

мя приписывают жителям Хабаровского края, в исследовании упоминались в диапазоне 5,0–7,2%. Наоборот, доминировали единство и сплоченность (52,4%) как факторы, дающие возможность жить в сложных геополитических условиях в составе Российской Федерации.

Наиболее часто для формулировок признаков автоидентичности использовались такие категории, как история России и Дальнего Востока, территория проживания, культура, обычаи, государство, родной язык, знаковые события и достижения. Достаточно часто респонденты, независимо от возраста, обращались к прошлому страны и региона. Для обоснования своего представления о дальневосточниках, например, использовались персоналии генерал-губернаторов, великих открывателей дальневосточных земель, военных начальников, тех, кто развивал промышленность, культуру и инфраструктуру региона, особое внимание уделялось великим стройкам советского периода, добровольцам-переселенцам. При этом прошлое в ответах респондентов наполнено событиями, связанными с Дальним Востоком в составе великой державы различных эпох.

Анализ ценностных ориентиров современных жителей Дальнего Востока России позволяет выявить уникальные особенности их идентичности. Исторически сложилось, что население этого региона представляет собой потомков переселенцев различных национальностей, что наложило отпечаток на менталитет. Одной из ключевых характеристик дальневосточников является повышенная территориальная мобильность (72,4%), проявляющаяся в готовности к перемещениям, склонности к путешествиям и относительной безразличности к географическим расстояниям. Интересно, что местное сообщество, принимающее мигрантов, само демонстрирует слабую привязанность к конкретной территории. Это способствует формированию особого психологического типа «временного жителя», для которого миграция как способ улучшения жизненных условий представляется более естественной, чем для обитателей европейской части России.

Экономические реалии советского периода также повлияли на формирование региональной идентичности (табл. 1).

Высокий уровень доходов, характерный для данного региона, в сравнении с другими территориями, открывал доступ к эксклюзивным товарам и услугам, а также предоставлял широкие возможности для проведения досуга (табл. 2). Это, в свою очередь, способствовало формированию у местного населения (54,2%) ощущение территориальной исключительности в сравнении с жителями других частей страны. Данный статус имел политическую подоплеку и обосновывался стратегической важностью региона для государства. Сегодня, несмотря на сохранение особого внимания со стороны Президента РФ и Правительства РФ к Дальнему Востоку, Хабаровскому краю,

ситуация в регионе осложняется разрушением промышленного потенциала, снижением уровня жизни, сокращением численности населения и массовой миграцией постоянного населения в западные регионы страны. Эти обстоятельства приводят к постоянному недовольству среди местных жителей и ухудшению их социального самочувствия.

В материальном плане жители Дальнего Востока отдают предпочтение иностранной технике, особенно в категории автомобилей, что связано с их надежностью и приспособленностью к местным условиям. Кроме того, здесь наблюдается культ внешнего вида, красоты и моды, а также стремление к путешествиям, причем иностранный туризм пользуется особой популярностью.

Важное место в системе ценностей

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Какие виды толерантности Вы демонстрируете больше других?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Религиозная	54,5
Гендерная	72,3
Физиологическая	27,8
Образовательная	46,2
Сексуально-ориентационная	3,2
Географическая	64,9
Возрастная	74,6
Маргинальная	12,7
Межклассовая	14,8
Межнациональная (этническая)	37,4
Расовая	76,2
Политическая	5,1
Затрудняюсь ответить	6,3

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение населения Хабаровского края к этническим мигрантам», 2024 г.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие показатели в большей степени характеризуют жителей Хабаровского края?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Территориальная мобильность	72,4
Территориальная исключительность	54,2
Навыки выживания в трудных климатических условиях	82,2
Этническая толерантность	82,9
Терпеливость	52,7
Социальная адаптивность	64,8
Культ образования	82,4
Миграционная мобильность	64,1
Семья	91,3
Здоровый образ жизни	62,8
Единство и сплоченность	52,4

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение населения Хабаровского края к этническим мигрантам», 2024 г.

занимает образование (82,4%). Жители региона стремятся получить высшее образование, связывая с ним возможность построить успешную карьеру и достичь материального благополучия (67,8%). Однако наряду с современными ценностями сохраняются и традиционные: семья (91,3%), дружба, труд и здоровый образ жизни (62,8%) остаются в качестве наиболее важных.

В ходе опросов были выявлены и негативные аспекты. Респонденты отмечали такие проблемы, как межличностная вражда, распространение вредных привычек, которые иногда воспринимаются как часть национальной культуры. Также было зафиксировано недовольство политической ситуацией: многие жители региона в открытых вопросах анкеты высказывались об ощущении заброшенности, считая, что государство недостаточно поддерживает Дальний Восток. Типичными были ответы: «дальневосточники не нужны государству», «в регионе нет перспектив для наших детей», «мы живем хуже, чем в других частях страны».

Продолжение исследований в данном направлении позволит глубже изучить менталитет жителей Дальнего Востока и Хабаровского края, выявить новые особенности идентичности, что может помочь мигрантам лучше адаптироваться к местным условиям, выработать стратегии взаимодействия с различными группами населения.

Результаты проведенного исследования позволили в общих чертах определиться с показателями идентификации современных дальневосточников, а следовательно, и с основными характери-

стиками толерантности территориального сообщества, которые не трактуются однозначно. Показатель толерантности у принимающего сообщества достаточно высок обосновывается выявленными ментальными особенностями, что создает реальные предпосылки эффективной адаптации и интеграции мигрантов в местное сообщество. Но существуют и интолерантные мнения и настроения, которые необходимо учитывать в процессах взаимодействия мигрантов с местным населением.

Проявление толерантности жителями Хабаровского края по отношению к этническим мигрантам

В ходе опроса важно было узнать мнение жителей Хабаровского края по поводу количества привлекаемых мигрантов на момент исследования. Как показывают результаты, 81,2% респондентов считают ошибкой разрешить такому большому числу этнических мигрантов, в столь короткое время прибыть на территорию края и только 14,2% заявляют, что привлекаемое количество разумно для социально-экономического развития Хабаровского края.

Согласно результатам опроса, 82,2% опрошенных жителей края высказали отношение к мигрантам в следующих показателях: дружелюбное (5,6%), скорее положительное, чем отрицательное (60,4%), нейтральное (26,2%). Только 16% процентов оценили свое отношение как негативное и резко негативное. (табл. 3). Данные результаты коррелируют с результатами, полученными ВЦИОМ в октябре 2024 г., где свое отношение к мигрантам как терпимое оценили 81% опрошенных³.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Как бы Вы в целом оценили отношение местного населения к мигрантам?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Скорее положительное, чем отрицательное	60,4
Резко негативное	17,8
Равнодушное	16,2
Дружелюбное	5,6

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение населения Хабаровского края к этническим мигрантам», 2024 г.

³ Опросы ВЦИОМ «Отношение населения к мигрантам», проведенные в октябре 2024 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/poedem-porabotaem>

В доступных для авторов источниках не найдено обоснования необходимости привлечения такого количества мигрантов в Хабаровский край, нет анализа и полученного эффекта от использования их услуг. А вот проблем появляется все больше: 47,2% опрошенных считают, что мигранты образуют угрозы для местного населения, а у 26,1% сложилось мнение, что край не готов в социальном плане принимать слишком много иностранных работников, т.к. это нарушает привычный образ жизни горожан (сельчан); 30% респондентов много раз были свидетелями конфликтов местного населения и мигрантов, инициированных последними, а 32,7% наблюдали подобное несколько раз; 42,6% вообще отмечают, что сложившаяся обстановка в стране и крае может рассматриваться как угроза национальной безопасности, может вызвать межэтнические конфликты, рост националистических настроений среди местного населения; 29% считают, что мигранты провоцируют рост криминогенной обстановки (табл. 4).

Полученные показатели, очевидно, не совсем точно отражают реальную картину, если их экстраполировать на все на-

селение края, но выявленные тенденции позволяют судить о складывающейся не совсем благоприятной ситуации, которая требует пристального внимания и контроля со стороны органов власти и управления. Мнение жителей Хабаровского края формируется на основе сложившихся стереотипов и личного опыта, отличающихся большей долей субъективности, но оно имеет место в границах сегодняшних реалий.

Потоки мигрантов на территории Хабаровского края формируются из представителей разных стран. Респондентами составлен определенный рейтинг симпатий и антипатий (табл. 5). С большей симпатией местное население относится к мигрантам из Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока (Китай, Корея, Вьетнам, Монголия) – 33,2%, на втором месте граждане из Восточной Европы (Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латвия, Эстония, Словакия, Чехия) – 22,2%, ко всем положительно относятся 20% респондентов.

Аутсайдерами оказались мигранты из Средней Азии (Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Казахстан), отрицательно

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос: «Создает ли привлечение мигрантов угрозу национальной безопасности?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Да, это вызывает межэтнические конфликты, рост националистических настроений среди местного населения	42,6
Скорее да, растет криминогенная обстановка	29,0
Скорее нет, нужно вовремя решать назревающие проблемы	13,2
Да, но следствия другие	6,9
Это меня не волнует	26,2
Нет	3,6

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение населения Хабаровского края к этническим мигрантам», 2024 г.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос: «К мигрантам из каких стран Вы относитесь скорее позитивно?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Из Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока (Китай, Корея, Вьетнам, Монголия)	33,2
Из Восточной Европы (Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латвия, Эстония, Словакия, Чехия)	22,2
Ко всем отношусь положительно	20,0
Ко всем отношусь негативно	19,2
Из Средней Азии (Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Казахстан)	5,5

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение населения Хабаровского края к этническим мигрантам», 2024 г.

к ним относится половина опрошенных (48,4%) и только статистически незначительная доля – положительно (5,5%). В качестве критериев оценки этнических мигрантов респондентами определены: соблюдение законов, местных обычаев, изучение русского языка и возможность говорить на нем достаточно свободно (80,9%), демонстрация намерений интегрироваться в жизнь местного сообщества (13,5%), то есть все те требования, которые предъявляются к мигрантам в любой стране (табл. 6).

Как уже отмечалось, большинство жителей Хабаровского края толерантно относятся к приезжим, отмечая, что их присутствие на территории края приносит пользу (79,0%). Так, две трети опрошенных отметили, что они трудятся там, где не хочет работать местное население (64,8%); шестая часть отмечает, что мигранты привозят продукты по низким ценам и недорого выполняют необходимые виды услуг (16,2%). При этом лишь незначительная часть считает, что этнические мигранты привносят культурное разнообразие в жизнь края (8,2%). Вместе с тем транслирование толерантности предполагает объективно и критически относиться и к негативным проявлениям, к которым опрашиваемые относят рост преступности, незаконную деятельность (28,5%), насаждение своей культуры, нежелание приспособляться к местным социокультурным условиям (27,0%), снижение общей картины благополучия жизни в городе, селе, районе (14,9%), смешение культур, утерю российских ценностей и культурной идентичности (13,7%).

Местное население считает себя обделенным, полагая, что мигранты присва-

ивают себе часть их заслуженных благ и привилегий. В действительности же иностранные работники вносят вклад в социальное и экономическое развитие края, платят налоги, причем как прямые, так и косвенные, и при этом имеют ограниченный доступ к социальным благам.

В открытых вопросах анкеты также прозвучали мнения, что приток мигрантов ведет к росту цен на недвижимость, местное население вытесняется из мелкого и среднего предпринимательства, торговли, обостряются проблемы в образовании и здравоохранении. Если подвести итог по совокупности всех результатов, то местное население видит в мигрантах угрозу, мигранты же считают, что они испытывают по отношению к себе социальную, правовую и экономическую дискриминацию.

Заключение

Результаты исследования позволяют сформулировать следующие основные выводы. Показатель толерантного отношения жителей Хабаровского края остается достаточно высоким, хотя наблюдается его снижение на 27% по сравнению с 2019 г. Основными причинами здесь можно назвать то, что большое количество опрашиваемых стали относиться к этой проблеме безразлично (это объясняется высоким миграционным потенциалом жителей края, многие ждут возможности уехать), сложившиеся стереотипы (любые мигранты, и какой бы вклад они не вносили в развитие Хабаровского края, неизменно рассматриваются как угроза экономическому и социальному благополучию коренного населения).

В сложившейся ситуации один из конструктивных выходов – это формирова-

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос: «К мигрантам из каких стран Вы относитесь скорее негативно?» (в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
Из Средней Азии (Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Казахстан)	48,4
Ко всем отношусь положительно	22,1
Ко всем отношусь негативно	18,2
Из Восточной Европы (Украина, Белоруссия, Молдавия, Литва, Латвия, Эстония, Словакия, Чехия)	7,8
Из Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока (Китай, Корея, Вьетнам, Монголия)	3,6

Источник: социологическое исследование по теме «Отношение населения Хабаровского края к этническим мигрантам», 2024 г.

ние у всего населения края толерантности к разнообразию, но исследование показывает, что пока территориальное сообщество, как и мигранты, не готово к этому, у местного населения доминирует понимание, что только мигранты должны подстраиваться и меняться. Высказанные по этому поводу мнения достаточно субъективны и формируются на основе личного опыта, а также под влиянием общественно-политического дискурса. Это в совокупности с национальными особенностями, традициями и укладом жизни создает почву для обострения межнациональных отношений.

Основными причинами здесь можно назвать слабую информированность местного населения о мигрантах, социально-экономических, культурных, религиозных особенностях приезжающих иностранных рабочих и членов их семей. Снижение уровня толерантности также происходит по причине повышения разобщенности самого территориального сообщества, в том числе и вследствие практического отсутствия сформированных общественных организаций и движений, которые объе-

диняли бы жителей данной территории, формируя значимые признаки территориальной идентичности, в том числе и на уровне изучаемой дефиниции.

Вместе с тем авторы отдают себе отчет, что полученных результатов, для полной реализации комплексных задач в рамках анализируемой проблемы явно недостаточно. Необходимо выявить мнение самих мигрантов, связанное с их отношением к жителям Хабаровского края; провести экспертные опросы со специалистами, учеными, занимающимися проблемами выстраивания взаимоотношений местного населения с мигрантами, с учетом современных условий и возможности использования толерантных установок при условии равных прав и возможностей, что и планируется предпринять на последующих этапах работы.

Результаты проведенного исследования могут быть использованы при планировании миграционной политики и при разработке мер, способствующих успешной взаимной адаптации этнических мигрантов и принимающего населения на территории Хабаровского края.

Список источников:

1. Ахундзади, З. Ф. Взаимосвязь этнической идентичности и этнического самосознания личности // Культура, коммуникация, корпоративность: материалы VI Международной науч.-практ. конф. преподавателей и студентов по проблемам межкультурной коммуникации. В 2-х ч. Часть II. – Йошкар-Ола: МОСИ, 2022. – С. 6–10.
2. Байков, Н. М. Дальневосточные тренды трудовой миграции: уроки освоения и развития российских территорий // Миграционные процессы: проблемы адаптации и интеграции мигрантов. Сборник материалов международной научно-практической конференции под ред. В.С. Белозерова, 2015. – С. 217–222. EDN: UOQVPD
3. Бергер, П., Т. Лукман, Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: «Медиум», 2005. – С. 207–217.
4. Блумер, Г. Символический интеракционизм / Пер. А. Корбута. – М.: Элементарные формы, 2017. – 346 с.
5. Ващук А. С., Ермак Г. Г. Принимающее сообщество и трудовые мигранты на российском Дальнем Востоке: междисциплинарный анализ исторической ситуации начала XXI в. // Региональные проблемы. 2016. Т. 19. № 4. С. 117–124. EDN: XIAMLZ
6. Вебер, М. Избранное. Образ общества / Пер. с нем. – М.: Юрист, 1994. С. 34–41.
7. Демидова, О. А. Отношение к мигрантам в России: региональный аспект // Пространственная экономика. 2021. Т. 17. № 3. С. 133–155. DOI: 10.14530/se.2021.3.133-155 EDN: UCZKDQ
8. Дмитриев, Г. Д. Многокультурное образование. М., 1999. 208 с.
9. Дмитриев, А. В., Слепцов, Н. С. Конфликты миграции. – М.: Альфа-М, 2004. – 224 с.
10. Дробижева, Л. М. Национально-гражданская и этническая идентичность:

проблемы позитивной совместимости // Россия реформирующаяся. Ежегодник. Вып. 9. – М.: Институт социологии РАН, 2023. – С. 214–228.

11. Кривоносова, Л. А., Ус, М. А. Особенности этнической идентичности мигрантов на Дальнем Востоке России // Власть и управление на Востоке России. 2018, №3 (84). – С. 119–125. EDN: YVVZOH

12. Лебедева, Н. М., Татаренко, А. Н. Ценности культуры и развитие общества. М: Изд. ГУ ВШЭ, 2017. 214 с.

13. Малахов, В.С. Интеграции мигрантов. Концепции и практики: монография: Изд-во Фонд «Либеральная миссия», 2015. – 272 с.

14. Монусова, Г. А. Отношение к мигрантам: мнения и сомнения россиян // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 6. С. 436–458. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2139 EDN: PZAIHY

15. Мукомель, В. И. Грани интолерантности (мигрантофобии, этнофобии) // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 36–43.

16. Мукомель, В. И. Миграционная ситуация и мигранты в восприятии россиян // Вестник Российской нации. 2021. № 1–2. С. 53–68. EDN: TSSXFN

17. Солдатова Г. У. Психология межэтнической напряженности / Г. У. Солдатова. – М.: Смысл, 2010. – 389 с.

18. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. 380 с.

19. Цапенко И. П., Гришин И. В., Преображенская А. А. [и др.] Интеграция инкультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. – Москва : Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук, 2018. – 233 с. – ISBN 978-5-9535-0538-3. – DOI 10.20542/978-5-9535-0538-3. – EDN HUBTMP.

References:

1. Akhundzadi, Z. F. (2022) The relationship between ethnic identity and ethnic self-awareness of the individual in Culture, communication, corporate identity: Proc. of the VI International scientific-practical. conf. of teachers and students on the problems of intercultural communication. In 2 parts. Part II. – Yoshkar-Ola: MOSI, pp. 6–10 (in Russ.).

2. Baikov, N. M. (2015) Far Eastern trends in labor migration: lessons from the development of Russian territories in Migration processes: problems of adaptation and integration of migrants. Collection of materials from the international scientific-practical conference edited by V. S. Belozarov, pp. 217–222. EDN: UOQVPD (in Russ.).

3. Berger, P., T. Lukman, T. (2005) Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. – М.: “Medium”, pp. 207–217.

4. Blumer, G. (2017) Symbolic interactionism / Trans. A. Korbut. – М.: Elementary forms, p. 346 (in Russ.).

5. Vashchuk, A. S., Ermak, G. G. (2016) The host community and labor migrants in the Russian Far East: An interdisciplinary analysis of the historical situation at the beginning of the 21st century *Regional'nyye problemy* [Regional problems], vol. 19, no. 4, pp. 117–124. EDN: XIAMLZ (in Russ.).

6. Weber, M. (1994) Selected works. Image of society / Trans. from German. – М.: Jurist, pp. 34–41 (in Russ.).

7. Demidova, O. A. (2021) Attitudes towards migrants in Russia: A regional aspect *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economy], vol. 17, no. 3, pp. 133–155. DOI: 10.14530/se.2021.3.133-155 EDN: UCZKDQ (in Russ.).

8. Dmitriev, G. D. (1999) Multicultural Education. Moscow, 208 p.

9. Dmitriev, A. V., Sleptsov, N. S. (2004) Migration Conflicts. – Moscow: Alfa-M, 224 p. (in Russ.).

10. Drobizheva, L. M. (2023) National-civil and ethnic identity: problems of positive

compatibility *Rossiya reformiruyushchayasya. Yezhegodnik* [Reforming Russia. Yearbook], is. 9. – Moscow: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, pp. 214–228 (in Russ.).

11. Krivonosova, L. A., Us, M. A. (2018) Features of the ethnic identity of migrants in the Russian Far East // *Power and Administration in the East of Russia*, no. 3 (84), pp. 119–125. EDN: YVVZOH (in Russ.).

12. Lebedeva, N. M., Tatarenko, A. N. (2017) Values of Culture and Development of Society. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 214 p. (in Russ.).

13. Malakhov, V. S. (2015) Integration of Migrant Workers. Concepts and Practices: Monograph: Publishing House of the Liberal Mission Foundation, 272 p. (in Russ.).

14. Monusova, G. A. (2021) Attitudes towards Migrants: Opinions and Doubts of Russians *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny* [Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 6, pp. 436–458. DOI: 10.14515/monitoring.2021.6.2139 EDN: PZAIHY (in Russ.).

15. Mukomel, V. I. (2015) Facets of intolerance (migrantophobia, ethnophobia) *Sotsiologicheskkiye issledovaniya* [Sociological studies], no. 2, pp. 36–43 (in Russ.).

16. Mukomel, V. I. (2021) Migration situation and migrants in the perception of Russians *Vestnik Rossiyskoy natsii* [Bulletin of the Russian Nation], no. 1–2, pp. 53–68. EDN: TSSXFN (in Russ.).

17. Soldatova, G. U. (2010) Psychology of interethnic tension. – M.: Smysl, 389 p. (in Russ.).

18. Habermas J. (2000) Moral consciousness and communicative action. S.-Pb., 380 p. (in Russ.).

19. Tsapenko I. P., Grishin I. V., Preobrazhenskaya A. A. [et al.] (2018) Integration of foreign-culture migrants: prospects for interculturalism. – Moscow: Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 233 p. ISBN 978-5-9535-0538-3. DOI 10.20542/978-5-9535-0538-3. EDN HUBTMP (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 12.03.2025; принята к публикации 14.03.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 12.03.2025; accepted for publication 14.03.2025.

Информация об авторах

Л. А. Кривоносова – доктор социологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал;

И. Ф. Касич – старший преподаватель кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the authors

L. A. Krivonosova – Doctor of Sociological Sciences, Professor, the Russian Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA;

I. F. Kasich – Senior lecturer, Department of Management and Public Administration, the Russian Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья

УДК 316.34

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-107-117

Социально-структурная стратификация на региональном рынке труда в контексте престижа профессий у молодежи

Ирина Анатольевна Гареева¹, Петр Эдуардович Перепечай^{1,2}

¹ Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия,

² Дальневосточная государственная академия физической культуры, Хабаровск, Россия,

¹ gar_ia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3764-7073>

² mr.perepechai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8276-4615>

Аннотация. В статье рассматривается социально-профессиональная стратификация регионального рынка труда на примере Хабаровского края. Анализируются ее объективные статистические показатели, детерминирующие уровень заработной платы, профессиональный спрос, требования к образовательным характеристикам работников, а также обеспеченность кадрами в отраслевом измерении. Цель исследования – анализ факторов, влияющих на формирование социально-профессиональной структуры регионального рынка и разработка рекомендаций по смягчению выявленных дисбалансов. На основе результатов социологического исследования проанализирована роль феномена престижа профессий в формировании жизненных стратегий молодежи, ее социальной мобильности и миграционных установок, оказывающих влияние на социально-профессиональную дифференциацию в регионе. Рассмотрены социальные и экономические аспекты, определяющие выбор профессии молодыми людьми и причины существующего кадрового дисбаланса в ключевых отраслях экономики и социальной сферы Хабаровского края. В заключение предложены практические рекомендации по совершенствованию системы профессиональной ориентации и социальной регуляции выбора профессий молодежью с учетом их социально-профессиональной дифференциации на рынке труда.

Ключевые слова: социально-профессиональная стратификация, рынок труда, Хабаровский край, заработная плата, образовательные характеристики, кадровый дефицит, образовательная структура, мониторинг

Для цитирования: Гареева И. А., Перепечай П. Э., Социально-структурная стратификация на региональном рынке труда в контексте престижа профессий у молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 107–117. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-107-117>

Original article

Social-Structural Stratification in the Regional Labor Market in the Context of Occupational Prestige among Youth

Irina A. Gareeva¹, Petr E. Perepechai²

^{1,2}The Pacific State University, Khabarovsk, Russia

¹ gar_ia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3764-7073>

² mr.perepechai@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-8276-4615>

Abstract. *The article examines the socio-professional stratification of the regional labor market using the case of the Khabarovsk Territory. It analyzes objective statistical indicators determining wage levels, professional demand, educational requirements for employees, and workforce availability within various economic sectors. The study aims at identifying and analyzing factors influencing the formation of the socio-professional structure of the regional labor market and developing recommendations aimed at mitigating identified imbalances. Based on the findings of a sociological study, the authors analyze how the phenomenon of occupational prestige affects youth life strategies, social mobility, and migration intentions, thus shaping socio-professional differentiation in the region. The article considers social and economic aspects that influence young people's occupational choices, as well as explores the causes behind existing workforce shortages in key sectors of the economy and social services in the Khabarovsk Territory. The paper concludes with practical recommendations for improving vocational guidance systems and enhancing social regulation of occupational choice among youth, taking into account socio-professional differentiation in the regional labor market.*

Keywords: *socio-professional stratification, labor market, Khabarovsk Territory, wages, educational characteristics, workforce shortage, educational structure, monitoring*

For citation: Gareeva I. A., Perepechay P. E. (2025) Social-Structural Stratification in the Regional Labor Market in the Context of Occupational Prestige among Youth *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 107–117. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-107-117>

Введение

Современный рынок труда представляет собой многоуровневую систему, характеризующуюся внутренней социально-профессиональной стратификацией, которая выступает важным индикатором социально-экономического развития общества. В условиях глобальной реорганизации производственных процессов, перехода к новым технологическим укладам и повышающихся требований к квалификационному потенциалу рабочей силы особенно актуальными становятся исследования факторов, формирующих стратификационный рельеф на локальном уровне [Какушкина, 2012]. Хабаровский край является уникальным регионом, сочетающим в себе промышленно-ресурсные, логистические и сервисные элементы хозяйственной структуры и предоставляющим возможность для анализа объективных показателей социально-профессиональной стратификации [Перепечай, 2023].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью определения, как в конкретном регионе (Хабаровский край) формируется социально-профессиональная стратификационная иерархия. Результаты исследования демонстрируют, как

профессиональные группы распределяются по секторам экономики, дифференцируются по уровню доходов, а также каким образом институциональные особенности и социально-экономическая политика региона отражаются на формировании устойчивых или, напротив, фрагментированных стратификационных контуров.

В силу специфических социально-экономических и географических условий Хабаровский край может рассматриваться как перспективная площадка для выявления и интерпретации закономерностей, потенциально не только релевантных внутренней структуре региона, но и сопоставимых с подобными исследованиями, проводимыми в других субъектах Российской Федерации.

Исследование направлено на анализ социально-структурных процессов в профессиональной стратификации рынка труда и обосновывает концептуальный подход и эмпирический инструментарий при изучении его как сложной социально-экономической системы.

Методологические подходы и методы исследования

В рамках социологической традиции, заложенной Питиримом Сорокиным, со-

циальная стратификация рассматривается как иерархическое распределение индивидов и групп в зависимости от их доступа к разным формам ресурсов, статуса и власти. Профессиональная стратификация в этом контексте представляет собой специализированный срез социальной стратификации, где критериями расщепления служат квалификация, характер выполняемых функций, признание профессионального сообщества и позиция в иерархии внутри самой профессии (руководители, специалисты, технический персонал и т. д.) [Чеснокова, 2007].

П. Сорокин в своей работе «Социальная стратификация и мобильность» [Сорокин, 2005] подчёркивал, что профессии различаются по значимости для функционирования и развития общества, а также по уровню интеллектуальных и управленческих компетенций. Высококвалифицированные и управленческие статусы, как правило, занимают верхние позиции в профессиональной иерархии, тогда как неквалифицированный физический труд сосредоточен в нижних слоях. Такая расстановка ролей обусловлена не только экономическими факторами (разница в заработной плате), но и культурным капиталом, общественным признанием и исторически сложившимся престижем конкретной деятельности.

Внутри каждой профессии или отрасли также присутствует вертикальное ранжирование: от владельцев и управленцев высшего звена до исполнителей, занимающихся рутинными задачами. Этот феномен отражает социально-экономическую неоднородность профессиональной среды и формирует своеобразную пирамиду статусов в профессиональном сообществе. При этом П. Сорокин подчёркивал, что исторические и культурные особенности обществ влияют на форму и глубину этой пирамиды. Одни профессии могут пользоваться устойчивым высоким статусом, а другие – временами повышать или утрачивать престиж [Сорокин, 2006].

Применение сорокинской концепции к изучению профессиональной стратификации даёт возможность целостно подойти к проблеме, расставив акценты на ключевых факторах, формирующих пре-

стиж и статус профессий в регионе. Престиж профессии играет ключевую роль в процессе профессионального самоопределения молодёжи. В Хабаровском крае этот фактор существенно влияет на выбор карьерного пути, определяя как социальные, так и экономические аспекты жизненных стратегий молодых людей [Черевко, Ткач, Громилина, 2019]. Анализ социально-экономических показателей (уровня заработной платы, структуры занятости, динамики вакансий) помогает выявить рыночные и социальные условия, влияющие на положение тех или иных профессиональных групп, а также понять, как это отражается на возможностях социальной мобильности. При этом статистические данные о востребованности кадров и уровне доходов служат эмпирической основой, которую можно интерпретировать в терминах сорокинской теории, оценивая вертикальные и горизонтальные перемещения внутри профессиональной иерархии и исследуя предпосылки для изменения статуса конкретных профессий.

Помимо Питирима Сорокина, другим социологом, известным своими исследованиями социальной стратификации, является Уильям Ллойд Уорнер. В своей работе «Социальный класс и социальная структура» он выделил шесть социальных слоёв в американском обществе, основываясь на таких критериях, как профессия, доход, образование и стиль жизни. Его исследования подчёркивают важность комплексного подхода к изучению социальной и профессиональной стратификации, учитывая как объективные показатели (доход, образование), так и субъективные (общественное признание, престиж) [Батуренко, 2022].

В качестве методологической основы для анализа социально-профессиональной стратификации целесообразно опираться на представления о межпрофессиональных и внутрипрофессиональных измерениях, рассмотренные Н.А. Николенко в работе «Профессиональная стратификация как социальный феномен: теоретические подходы и методы изучения» [Николенко, 2014]. Межпрофессиональная стратификация отражает иерархию профессий в целом, включая их престиж, востребова-

ность и уровень доходов, а внутрипрофессиональная фокусируется на расслоении внутри одной профессии по критериям квалификации, профессионализма и статуса. Для выявления детерминант этих процессов Н.А. Николенко предлагает использовать как количественные, так и качественные методы: сопоставление статистических данных о доходах, уровне образования и занятости с результатами экспертных интервью и анкетирования, что помогает уточнить факторы социальной и культурной природы, влияющие на статус профессиональных групп.

В качестве методологических ориентиров и направлений исследования заявленной проблемы выбраны:

- определение объективных показателей стратификации (уровень доходов, квалификационные требования, престиж профессий);

- сопоставление статистических данных с качественными характеристиками (рейтингом профессий, уровнем образовательной подготовки, доступом к карьерным лифтам);

- кластеризация отраслей и профессий в соответствии с их местом в социальной иерархии, определяемом уровнем интеллекта, ответственности, влияния на общественные процессы.

При изучении социально-профессиональной стратификации на региональном уровне целесообразно уделять внимание формальным критериям квалификации (например, дипломам, разрядам, лицензиям), поскольку они отражают не только образовательные достижения, но и законодательные/корпоративные требования к профессиональному статусу. Важным аспектом здесь выступает система профессиональных стандартов, устанавливаемых государственными и отраслевыми институтами, через кото-

рую регулируется доступ к определённым должностям и закрепляются критерии компетенций [Федотова, 2013]. Также значимым является проведение типологизации профессиональных групп по уровню квалификации, чтобы уточнить влияние этого фактора на уровни дохода, структуру привилегий и степень престижности отдельных профессий¹.

Дополнительную аналитическую глубину исследованию придаёт сопоставление текущих региональных практик с классическими и историческими моделями профессиональной стратификации, что даёт возможность выявлять преемственность или сменяемость форм «профессионального статуса» и проследить, как формальные (законодательные) и неформальные (традиции, культурные коды) детерминанты взаимодействуют между собой при формировании иерархии профессий.

Результаты исследования

По официальным статистическим данным Росстата о среднемесячной номинальной начисленной заработной плате работников в Хабаровском крае², фиксируется межотраслевая дифференциация, отражающая глубинные механизмы социально-профессиональной стратификации регионального рынка труда (табл. 1). За последние годы произошло общее повышение уровня оплаты труда, однако рост зарплат и их абсолютные величины существенно разнятся от сектора к сектору, создавая разрыв между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми видами деятельности³.

С 2017 г. по 2023 г. совокупный уровень инфляции в России достиг 50,6%⁴, обесценивание рубля с учётом роста курса доллара за указанный период составило 120,9%⁵. На этом фоне только в высокооплачиваемых отраслях, таких как добыча полезных ископаемых и нефте-

¹ Престиж профессии. URL: <https://gb.ru/blog/prestizh-professii/> (дата обращения: 10.02.2025).

² Аудит зарплат по регионам. URL: https://www.audit-it.ru/inform/zarplata/index.php?id_region=134 (дата обращения: 10.02.2025).

³ Центральный банк Российской Федерации. Динамика курса валют и инфляции за период 2017–2023 гг. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 10.02.2025).

⁴ Таблицы инфляции. URL: <https://xn---ctbjnaatncev9av3a8f8b.xn--p1ai/%D1%82%D0%B0%D0%B1%D0%BB%D0%B8%D1%86%D1%8B-%D0%B8%D0%BD%D1%84%D0%BB%D1%8F%D1%86%D0%B8%D0%B8> (дата обращения: 10.02.2025).

⁵ Мониторинг подготовки кадров СПО (2017). URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2017/_spo/material.php?type=2&id=11102 (дата обращения: 10.02.2025).

Таблица 1

**Сведения по зарплатам в высокооплачиваемых отраслях
в Хабаровском крае**

Отрасль	Зарплата в 2017 г. (в руб.)	Зарплата в 2023 г. (в руб.)	Повышение зарботной платы (в %, руб.)	Зарплата в 2017 г. (в долл.)	Зарплата в 2023 г. (в долл.)	Повышение зарплаты (в %, долл.)
Рыболовство и рыбоводство	55108,0	194983,1	+253,8	957,1	2305,4	+140,9
Добыча металлических руд	91028,3	155955,9	+71,3	1581,7	1843,4	+16,5
Деятельность головных офисов; консультирование по вопросам управления	77413,8	137443,3	+77,5	1344,1	1624,5	+20,9
Производство кокса и нефтепродуктов	73349,2	134940,1	+83,9	1273,2	1595,4	+25,3
Добыча угля	61218,9	121480,6	+98,4	1063,5	1436,2	+35,1

Источник: составлено автором на основе анализа статистики Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

переработка, рост заработной платы опережал инфляцию. Например, в добыче полезных ископаемых заработная плата выросла на 253,8% в рублях, в долларовом выражении рост составил 140,9%⁶.

На другом полюсе региональных рынков находятся низкооплачиваемые отрасли, где недостаточная технологическая модернизация, ограниченный доступ к человеческому капиталу и слабая интеграция в высокодоходные сегменты экономики препятствуют росту заработной платы (табл. 2). Работники этих отраслей, как правило, обладают низкими возможностями для профессиональной мобильности, что усиливает стратификационное неравенство. Так, в текстильном производстве рост заработной платы в рублях составил всего 2,9%, а в долларовом эквиваленте продемонстрировано снижение на 30,1%⁷.

Анализ детерминант социально-профессиональной стратификации регионального рынка труда предполагает так-

же изучение демографических и образовательных тенденций, которые влияют на формирование профессионального потенциала.

В Хабаровском крае особое значение для прогнозирования и регулирования социально-профессиональной стратификации регионального рынка труда имеют показатели динамики количества обучающихся и данные о рождаемости, которые напрямую связаны с перспективами восполнения кадрового дефицита. Статистические данные рождаемости в регионе являются основополагающими для прогноза численности потенциальных абитуриентов и выпускников, которые в будущем пополнят рынок труда региона.

В 2017 г. в Хабаровском крае обучалось 82 014 студентов, из которых 38,3% относились к системе среднего профессионального образования (СПО), а 61,7% — к программам высшего образования (бакалавриат, специалитет, магистратура)^{8,9}. Суммарная рождае-

⁶ Данные по рынку труда за август 2024 года. Служба исследований hh.ru. URL: <https://hh.ru> (дата обращения: 10.02.2025).

⁷ Аудит зарплат по регионам. URL: https://www.audit-it.ru/inform/zarplata/index.php?id_region=134 (дата обращения: 10.02.2025).

⁸ Мониторинг подготовки кадров СПО (2017). URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2017/_spo/material.php?type=2&id=11102 (дата обращения: 10.02.2025).

⁹ Мониторинг подготовки кадров ВПО (2017). URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2017/_vpo/material.php?type=2&id=11102 (дата обращения: 10.02.2025).

Таблица 2

**Сведения по зарплатам в низкооплачиваемых отраслях
в Хабаровском крае**

Отрасль	Зарплата в 2017 г. (в руб.)	Зарплата в 2023 г. (в руб.)	Повышение заработной платы (в %, руб.)	Зарплата в 2017 г. (в долл.)	Зарплата в 2023 г. (в долл.)	Повышение заработной платы (в %, долл.)
Производство кожи и изделий из кожи	14583,3	17425,0	+19,5	253,2	205,9	-18,7
Производство текстильных изделий	26040,2	26788,0	+2,9	452,8	316,7	-30,1
Производство бумаги и бумажных изделий	21601,8	29761,5	+37,8	375,0	351,7	-6,2
Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации	24410,9	31223,9	+27,9	423,8	369,0	-12,9
Производство одежды	26313,9	31666,1	+20,3	456,8	374,3	-18,1

Источник: составлено автором на основе анализа статистики Росстата. URL: <https://rosstat.gov.ru/>

мость за период с 1995 по 2003 г. составила 122 551 чел.

Показатели рождаемости за период с 2002 по 2010 г. выросли на 16,62% и достигли 142 917 чел. [Николенко, 2014]. Это свидетельствует об увеличении абсолютного числа потенциально активного населения в будущем, однако, все более усилившиеся внутренние миграционные процессы, позволяют сделать прогноз того, что часть из них может не выбрать местные образовательные учреждения или впоследствии не реализовывать свой профессиональный потенциал именно в регионе.

К 2024 г. количество студентов в Хабаровском крае сократилось до 79 067 чел., что составило уменьшение на 3,59% по сравнению с 2017 г.^{10, 11}. Структура образования претерпела также значительные изменения: 49,1% студентов стали обучаться по программам среднего профессионального образования (увеличение на 10,8%), а доля студентов высшего

образования (бакалавриат, специалитет, магистратура) уменьшилась до 50,8% (снижение на 10,9%).

Фиксируемое сокращение общей численности студентов при росте доли среднего профессионального образования до 49,1% демонстрирует значительные структурные сдвиги в предпочтениях молодёжи, обусловленные возрастающим спросом на практико-ориентированные профессии, способные обеспечить быстрый выход на рынок труда и удовлетворить непосредственные потребности региональной экономики. Следует отметить, что данные процессы обусловлены проводимой государственной политикой, ориентированной на поддержку и развитие сферы среднего профессионального образования.

В Хабаровском крае наблюдается выраженная противоречивость динамики регионального рынка труда, обусловленная сочетанием демографических, образовательных и экономических факто-

¹⁰ Мониторинг подготовки кадров СПО (2024). URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2024/_spo/material.php?type=2&id=11102 (дата обращения: 10.02.2025).

¹¹ Мониторинг подготовки кадров ВПО (2024). URL: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2024/_vpo/material.php?type=2&id=11102 (дата обращения: 10.02.2025).

ров. Повышение рождаемости в период 2002–2010 гг. создало демографический потенциал, способный увеличить численность молодёжи, вовлечённой в систему среднего профессионального и высшего образования региона. Однако реализация этого потенциала ограничивается факторами профессиональной и миграционной мобильности, территориальной доступностью образовательных учреждений, а также субъективными предпочтениями выпускников школ. Так, по результатам исследования были продемонстрированы следующие результаты (табл. 3).

Пятая часть выпускников демонстрирует готовность к переезду из Хабаровского края для продолжения обучения (в города Москву и Санкт-Петербург, а также в западные регионы и за рубеж). Седьмая часть респондентов могут пополнить эту группу готовых к переезду в зависимости от семейных обстоятельств, качества образовательных программ, экономических возможностей и других факторов. Данные опроса свидетельствуют о том, что локальная ориентация, основанная на желании лишь каждого второго опрошенного остаться в крае, в перспективе может усиливать кадровый дефицит на рынке труда и социально-профессиональную дифференциацию.

Как следствие, это обуславливает необходимость усиливать политику региональных властей и работодателей совместно с образовательными организациями создавать условия, способствующие удержанию и возвращению молодых специалистов. Это будет способствовать регулированию процессов социально-профессиональной стратификации и позволит минимизировать существующие кадровые диспропорции в ключевых отраслях экономики региона.

Проблема образовательной миграции молодёжи особенно обостряется на фоне того, что региональный рынок труда уже сегодня характеризуется стойкими структурными диспропорциями, проявляющимися в устойчивом дефиците квалифицированных кадров в ключевых отраслях – медицине, сельском хозяйстве. Примечательно, что наиболее острый дефицит кадров наблюдается в сфере добычи сырья, одновременно являющейся одной из самых высокооплачиваемых. Высокий уровень вознаграждения, обусловленный необходимостью привлечения работников, не всегда способен компенсировать сложности, связанные с тяжёлыми условиями труда и значительной удалённостью производственных площадок¹².

Особенно выражен кадровый дефицит

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Если Вы ориентируетесь на продолжение обучения после школы (высшее или же среднее профессиональное), то куда (территориально) Вы планируете поступать?»
(в % от числа опрошенных)

Варианты ответов	%
В образовательные учреждения Дальнего Востока	14,0
В образовательные учреждения Москвы и Санкт-Петербурга	12,5
В образовательные учреждения западных регионов России	4,8
В образовательные учреждения за рубежом	2,4
В образовательные учреждения Хабаровского края	50,1
Еще не решили	15,1

Источник: социологический опрос по теме: «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», 2024 г.¹³

¹² Дефицит кадров и пост зарплат. URL: https://www.varpe.org/news/defitsit_kadrov_v_iii_kvartale_2024_goda_vynuzhdennyy_rost_zarplat_uzhe_tormozit_investitsionnuyu_ak/ (дата обращения: 10.02.2025).

¹³ Социологический опрос по теме: «Отношение школьников Хабаровского края к обучению», проведенный в 2024 г. Было опрошено 4969 школьника 8–11 классов школ г. Хабаровска, г. Комсомольска-на-Амуре и 16 муниципальных образований Хабаровского края. Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС. Научный руководитель: Березутский Ю.В., канд. социол. наук, доцент

в сфере медицины и фармацевтики. Несмотря на устойчиво высокую популярность медицинских специальностей среди выпускников школ, отрасль стабильно сталкивается с нехваткой кадров. Это свидетельствует о том, что значительная часть студентов-медиков либо не завершает обучение, либо после окончания вуза уезжает работать в другие регионы России, усиливая кадровый дефицит в Хабаровском крае. Престижность профессий и соответствующие ей жизненные стратегии молодежи оказывают прямое влияние на формирование социально-профессиональной структуры регионального рынка труда, создавая как предпосылки для его развития, так и риски углубления профессионально-квалификационных диспропорций в крае.

Эффективное решение выявленных проблем профессиональной стратификации предполагает разработку и реализацию комплексной образовательной и кадровой стратегии, учитывающей демографические и экономические реалии региона. Повышение привлекательности и конкурентоспособности местных образовательных учреждений, создание благоприятных условий для профессиональной реализации выпускников и стимулирование удержания квалифицированных специалистов в регионе являются ключевыми условиями устойчивого развития профессиональной структуры Хабаровского края и гармонизации регионального рынка труда.

Так, официальный уровень безработицы в Хабаровском крае в 2024 г. составил 0,32%, что является самым низким показателем в Дальневосточном федеральном округе¹⁴. Однако низкий уровень безработицы сопровождается значительной нехваткой кадров. По России общая потребность в рабочих специальностях составляет 2,7 млн чел. [Моисеева, Маньшин, 2024]; в Хабаровском крае имеется 28 000 вакансий всего на 1 723 безработных. Нехватка кадров приводит к повы-

шению уровня заработной платы в высокооплачиваемых отраслях¹⁵. Между тем, в секторах с избытком рабочей силы, таких как менеджмент и консалтинг, рост заработной платы остается медленным.

На основе проведенного исследования, можно сделать вывод:

- снижение численности студентов в Хабаровском крае связано не только с демографическими факторами, но и с оттоком молодежи в другие регионы, а также со снижением интереса к местным образовательным учреждениям;

- сохраняющийся дефицит кадров при наличии значительного количества вакансий демонстрирует структурные проблемы регионального рынка труда, усиливает социально-профессиональную стратификацию на региональном рынке труда и требует комплексного подхода при разработке образовательной и экономической политики Хабаровского края.

Решение сложившейся ситуации возможно при реализации следующих предложений:

- внедрение системы мониторинга показателей социально-профессиональной стратификации – регулярная оценка ключевых показателей, таких как уровень заработной платы, уровень безработицы, количество вакансий и образовательные характеристики работников. В дополнение к количественным данным следует проводить качественные исследования. Опросы работодателей и соискателей позволяют глубже понять причины кадрового дисбаланса, а также барьеры, связанные с трудоустройством, карьерным ростом и условиями труда. Качественные исследования дополняют объективные показатели субъективными факторами, чтобы дать более полную картину. Предлагается следующая структура мониторинга: систематический сбор данных: регулярное обновление и публикация статистики об уровне заработной платы, безработице, количестве вакансий и резюме. Особое внимание следует обратить на

¹⁴ Экономика и бизнес Хабаровского края. URL: <https://todaykhv.ru/news/economics-and-business/78980/> (дата обращения: 10.02.2025).

¹⁵ Дефицит кадров и рост зарплат. URL: https://www.varpe.org/news/defisit_kadrov_v_iii_kvartale_2024_goda_vynuzhdennyy_rost_zarplat_uzhe_tormozit_investitsionnyu_ak/ (дата обращения: 10.02.2025).

«hh.index»¹⁶, который показывает соотношение резюме и вакансий в регионе в разных отраслях. Такой подход позволит своевременно выявлять дисбалансы, такие как дефицит здравоохранения и добычи ресурсов или избыток рабочей силы в менеджменте и консалтинге;

- формирование прозрачных отраслевых рейтингов для повышения осведомленности среди образовательных учреждений, предприятий и государственных учреждений. Такие рейтинги позволили бы выделить наиболее недоукомплектованные и переукомплектованные кадры области. Это позволит образовательным учреждениям корректировать свои программы обучения, а работодателям – разрабатывать стратегии привлечения и удержания кадров;

- адаптация системы образования к потребностям рынка труда. Образовательные программы должны быть модернизированы в соответствии с текущими и прогнозируемыми потребностями регионального рынка труда. Например, в отраслях, испытывающих нехватку кадров (здравоохранение, добыча ресурсов), можно было бы ввести стипендиальные программы, целевое обучение и ускоренные практико-ориентированные курсы. Это повысит привлекательность этих профессий среди молодежи и обеспечит регион квалифицированными кадрами.

- меры стимулирования работодателя. Для решения проблемы нехватки кадров в базовых отраслях, таких как добыча полезных ископаемых и здравоохранение, необходимо реализовать меры стимулирования. Они могут включать субсидии на заработную плату и налоговые льготы для компаний, предлагающих благоприятные условия труда (например, жилье или дополнительные социальные гарантии). Подобные меры не только повысят привлекательность рабочих мест в этих отраслях, но и обеспечат устойчивое экономическое развитие региона.

- поддержка работников и соискателей работы. Для повышения мобильности рабочей силы и снижения рыночных дисбалансов необходимо реализовать программы поддержки ищущих работу. Они

могут включать в себя курсы переподготовки работников трудоизбыточных отраслей; программы трудоустройства выпускников, включая стажировки в компаниях; карьерное консультирование, которое поможет школьникам и студентам выбрать профессию, исходя из спроса рынка труда и личных предпочтений.

Заключение

Таким образом основными факторами, влияющими на формирование социально-профессиональной структуры региона являются демографические и образовательные, которые обуславливают сложившиеся кадровые диспропорции и способствуют развитию негативных сценариев на региональном рынке труда. Представленные в исследовании статистические данные рождаемости и других демографических показателей подчёркивают важность системного мониторинга образовательных и демографических тенденций в регионе, позволяющих формулировать адресные рекомендации по корректировке контрольных цифр приёма в учебные заведения, а также мер поддержки выпускников при трудоустройстве.

Анализ рождаемости и динамики поступления потенциальных абитуриентов в совокупности с другими объективными показателями рынка труда формирует более полную картину социально-профессиональной стратификации и открывает возможности для снижения кадрового дефицита в стратегически значимых секторах региональной экономики.

Реализация предложенных мер поможет снизить дисбалансы на рынке труда и создать более стабильную социально-профессиональную структуру в регионе. Внедрение системы мониторинга ключевых показателей, адаптация образовательных программ, реализация мер стимулирования, поддержка работников – комплексные шаги, которые позволят привести в соответствие спрос и предложение рабочей силы на региональном рынке труда. Реализация предложенных мер позволит не только улучшить социально-экономическое положение региона, но и оптимизировать использование его человеческого потенциала.

¹⁶ Центральный банк Российской Федерации. Динамика курса валют и инфляции за период 2017–2023 гг. URL: <https://cbr.ru> (дата обращения: 10.02.2025).

Список источников:

1. Батуренко, С. А. Социальная стратификация в исследованиях У.Л. Уорнера // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2022. Т. 28. № 2. С. 119–136. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-119-136 EDN: PGWEVT
2. Какушкина, М. А. Влияние процесса глобализации рынка труда на социально-трудовые отношения // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-protssessa-globalizatsii-rynka-truda-na-sotsialno-trudovye-otnosheniya> (дата обращения: 10.02.2025). EDN: PZUXJH
3. Моисеева, Е. М., Маньшин, Р. В. Конъюнктура рынка труда и трудовая миграция в российских регионах // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. № 4. С. 202–215. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.12 EDN: TNQFSE
4. Николенко, Н. А. Профессиональная стратификация как социальный феномен: теоретические подходы и методы изучения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2014. № 6. С. 44–55. EDN: TIUTZD
5. Перепечай, П. Э. Профессиональная стратификация как социальный феномен на региональном рынке труда Хабаровского края // Власть и управление на Востоке России. 2023. № 2 (103). С. 95–107. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-103-2-95-107 EDN: XABKLZ
6. Профессиональные стандарты в России: современное состояние вопроса, возможности применения / Под общ. ред. В. В. Федотовой. – Екатеринбург: УрФУ, 2013. 51 с.
7. Сорокин, П. А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М. В. Соколовой. – М.: Academia: LVS, 2005. 588 с. ISBN: 5-87444-221-9 EDN: QOEGUT
8. Сорокин, П. А. Социальная и культурная динамика. – М.: Астрель, 2006. 1176 с. ISBN: 5-271-13359-1 EDN: YRRQTI
9. Черевко, М. А., Ткач, Е. Н., Громилина, А. В. Профессиональное самоопределение молодежи в пространстве современной жизни : монография. – Хабаровск: Изд-во Тихоокеан. гос. ун-та, 2019. 144 с. ISBN: 978-5-7389-2921-2 EDN: MSAOYT
10. Чеснокова, В. Ф. Уильям Л. Уорнер, Питирим Сорокин: социальная стратификация и социальная мобильность // Южно-российский журнал социальных наук. 2007. № 1. С. 116–130.

References:

1. Baturenko, S. A. (2022) Social stratification in the studies of W. L. Warner *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya* [Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science], vol. 28, no. 2, pp. 119–136. DOI: 10.24290/1029-3736-2022-28-2-119-136 EDN: PGWEVT (in Russ.).
2. Kakushkina, M. A. (2012) The influence of the labor market globalization process on social and labor relations *Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy* [Socio-economic phenomena and processes], no. 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-protssessa-globalizatsii-rynka-truda-na-sotsialno-trudovye-otnosheniya> (date of access: 10.02.2025). EDN: PZUXJH (in Russ.).
3. Moiseeva, E. M., Manshin, R. V. (2024) Labor market conditions and labor migration in Russian regions *DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya* [DEMIS. Demographic studies], no. 4, pp. 202–215. DOI: 10.19181/demis.2024.4.4.12 EDN: TNQFSE (in Russ.).
4. Nikolenko, N. A. (2014) Professional stratification as a social phenomenon: theoretical approaches and methods of study *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nyye tekhnologii* [Bulletin of Volgograd State University. Series 7: Philosophy. Sociology and social technologies]. No. 6. P. 44–55. EDN: TIUTZD (in Russ.).
5. Perepechai, P. E. (2023) Professional stratification as a social phenomenon in the

regional labor market of Khabarovsk Krai *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia], no. 2 (103), pp. 95–107. DOI: 10.22394/1818-4049-2023-103-2-95-107 EDN: XABKLZ (in Russ.).

6. Professional standards in Russia: current state of the issue, application possibilities / Under the general editorship of V. V. Fedotova. – Ekaterinburg: UrFU, 2013. 51 p. (in Russ.).

7. Sorokin, P. A. (2005) Social mobility / Translated from English by M. V. Sokolova. – M.: Academia: LVS, 588 p. ISBN: 5-87444-221-9 EDN: QOEGUT

8. Sorokin, P. A. (2006) Social and cultural dynamics. – M.: Astrel, 1176 p. ISBN: 5-271-13359-1 EDN: YRRQTI (in Russ.).

9. Cherevko, M. A., Tkach, E. N., Gromilina, A. V. (2019) Professional self-determination of youth in the space of modern life: monograph. – Khabarovsk: Publishing house of the Pacific state University, 144 p. ISBN: 978-5-7389-2921-2 EDN: MSAOYT(in Russ.).

10. Chesnokova, V. F. (2007) William L. Warner, Pitirim Sorokin: Social Stratification and Social Mobility *Yuzhno-rossiyskiy zhurnal sotsial'nykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences], no. 1, pp. 116–130 (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.02.2025; одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 11.02.2025; approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Информация об авторах

И. А. Гареева – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социальной работы и психологии, Тихоокеанский государственный университет;

П. Э. Перепечай – соискатель, руководитель коммуникационной политики, Дальневосточная государственная академия физической культуры.

Information about the authors

I. A. Gareeva – Doctor of Sociology, associate professor, professor of the department, The Pacific State University;

P. E. Perepechai – Applicant, Head of Communication Policy, The Far Eastern State Academy of Physical Culture.

Научная статья

УДК 314.7(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-118-126

Миграционные представления молодежи как фактор развития дальневосточного региона

Владимир Владимирович Зубков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
zubkovvv89@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования миграционных представлений молодежи Хабаровского края в возрасте от 14 до 35 лет, причин их формирования, факторов и условий, детерминирующих формирование желания переехать в другой район Дальнего Востока или за пределы Дальневосточного региона. Проанализированы результаты социологического опроса и фокус-групп, отражающих специфику целевых ценностных ориентаций и миграционных представлений молодых людей – представителей различных социально-возрастных групп – учащихся старших классов общеобразовательных школ, колледжей, студентов вузов, молодых работающих специалистов. Проведен сравнительный анализ миграционных представлений в разрезе места проживания респондентов. Проведенный анализ результатов эмпирических исследований позволил выявить ключевые характеристики миграционных настроений молодых людей – жителей Хабаровского края, свидетельствующие о достаточно масштабном распространении миграционных планов как в отношении внутрирегиональной миграции, так и миграции в другие регионы Российской Федерации. Выявлены базовые детерминанты миграционных настроений, связанные, прежде всего, с образовательными планами – получением профессии, желаемого образования, получением более высокооплачиваемой работы, а также связанные со стремлением к саморазвитию, самореализации, актуализации карьерных устремлений. Даны рекомендации по оптимизации региональной миграционной политики.

Ключевые слова: дальневосточный регион, Хабаровский край, миграционные представления молодежи, миграционный отток, миграционный потенциал, учащаяся молодежь

Для цитирования: Зубков В. В. Миграционные представления молодежи как фактор развития дальневосточного региона // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 118–126. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-118-126>

Original article

Migration Representations of the Youth as a Factor in the Development of the Far Eastern Region

Vladimir V. Zubkov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia
zubkovvv89@mail.ru

Abstract. *The paper presents the results of a sociological study of migration perceptions of Khabarovsk Krai youth aged 14 to 35 years, the reasons for their formation, factors and conditions determining the formation of a desire to move to another region of the Far East or outside the Far Eastern region. The paper analyzes the results of a sociological survey and focus groups reflecting the specifics of target settings, value orientations and migration perceptions of young people from various socio-age groups, including high school students, college students, university students, and young working professionals. The study also provides a comparative analysis of migration perceptions in the context of the respondents' place of residence. The analysis of the results of empirical research has revealed the key characteristics of the migration attitudes of young people living in the Khabarovsk Territory, indicating a fairly large-scale spread of migration plans for both intraregional migration and migration to other regions of the Russian Federation. The identified basic determinants of migration attitudes primarily relate to educational plans for obtaining a profession, desired education, obtaining a better-paying job, as well as the desire for self-development, self-realization, and actualization of career aspirations. The general value reasons determining the motivation to stay in the Far Eastern region at the same place of residence have been identified. There are some recommendations on optimizing regional migration policy in conclusion.*

Keywords: *Far Eastern region, Khabarovskiy Krai, migration perceptions of youth, migration outflow, migration potential, students*

For citation: Zubkov V. V. (2025) Migration Representations of the Youth as a Factor in the Development of the Far Eastern Region *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 118–126. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-118-126>

Введение

В контексте динамично и кардинально меняющейся ситуации как на Дальнем востоке, так и в России, и в мире в целом, особую актуальность приобретает социально-экономическое развитие Дальневосточных территорий и Хабаровского края в частности. В ходе Восточного экономического форума (сентябрь 2024 г., г. Владивосток) Президент Российской Федерации В.В. Путин определил Дальний

Восток в качестве национального приоритета на весь XXI век – «Дальний Восток стал флагманом России в новой глобальной экономической реальности. Сюда переориентированы бизнес, маршруты и сам вектор развития»¹.

Несомненно, условием и основой регионального развития может выступать решение социально-демографических проблем депопуляции и активных миграционных процессов [Гамерман, 2024].

¹ Путин: Мы определили развитие Дальнего Востока в качестве национального приоритета – Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/09/05/reg-dfo/na-ves-hhi-vek.html> (дата обращения 01.02.2024)

Одновременно улучшение демографической ситуации выступает маркером успешности социально-экономической политики, что также отметил Президент России В. В. Путин: «Нам нужно создать условия, о которых мы так много сегодня говорили, чтобы и рождаемость повышалась, и желание у людей, прежде всего молодых людей, приехать сюда было. Не просто приехать, а еще и связать с этими местами свою жизнь».

Тем не менее, несмотря на отдельные положительные сдвиги, демографическая и миграционная ситуация на Дальнем Востоке и в Хабаровском крае в частности остается противоречивой, сохраняя разнонаправленные тенденции, и в целом недостаточно благоприятной [Абросимова, Ягафарова, 2022; Зубков, 2020].

Согласно данным Росстата, численность населения Хабаровского края за последние пять лет продолжала снижение (табл. 1).

Согласно материалам круглого стола, прошедшего в Законодательной Думе Хабаровского края (15 июня 2023 г.) с 2013 по 2022 г. доля миграции в общем сокращении численности населения края составила 53%, превратившись из источника прироста населения в один из компонентов его уменьшения², что выступает как негативным фактором снижения трудового потенциала, так и проявлением «утечки мозгов», востребованных в условиях задач инновационного развития региона [Пипия, Чистякова, 2020]. Одновременно наблюдается приток молодежи в возрасте от 20 до 24 лет на Дальний Восток³.

Результаты социологических исследований свидетельствуют о сохраняющихся тенденциях к миграционному оттоку населения с Дальнего Востока [Байков, 2019; Зубков, Сидоров, 2021; Мотрич, Березутский, 2018]. Согласно результатам опроса, проведенного в 2023 г. ЦСП «Платформа», покинуть регион хочет каждый третий респондент⁴. Согласно данным опроса молодежи, проведенного в Хабаровском крае в ноябре 2020 г., желание уехать выразили более 40% опрошенных [Зубков, Сидоров, 2020].

В контексте реализуемых трендов социально-экономического развития Дальнего Востока особый интерес вызывают миграционные настроения молодежи – учащихся старших классов общеобразовательных школ, студентов колледжей и вузов, планирующих получение профессионального образования и начало профессиональной деятельности.

Эмпирическая база исследования. В ноябре 2024 г. в Хабаровском крае проведено исследование «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края» с целью изучения и анализа ценностных ориентаций, социально-экономического потенциала и миграционных настроений молодежи Хабаровского края в возрасте от 14 до 35 лет. В рамках исследования проведен анкетный опрос 850 респондентов (использована случайная квотная выборка, выборочная совокупность репрезентативна по полу, возрасту и типу населенного пункта, опрос проведен в гг. Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре, в муниципальных районах Хабаровского края), научный руководитель – канд. социол. наук,

Таблица 1

Динамика численности населения Хабаровского края в 2020–2024 гг.

	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Численность населения, чел.	1 315 643	1 292 944	1 292 764	1 284 090	1 278 132

Источник: Население [Электронный ресурс]. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028> (дата обращения 01.02.2024)

² Как остановить отток населения с Дальнего Востока – Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/06/15/reg-dfo/subektivnye-factory-detografii.html> (дата обращения 01.02.2024)

³ Пленарное заседание девятого Восточного экономического форума – Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75029>

⁴ Эксперты: отток населения с Дальнего Востока – общесоциальный тренд – РБК. URL: <https://prim.rbc.ru/prim/freenews/6500f20f9a79474a8cc5e5b5> (дата обращения 01.02.2024)

доцент кафедры менеджмента и государственного управления Дальневосточного управления – филиала РАНХиГС.

Также, в рамках исследования проведены 5 фокус-групп жителей городов Хабаровска и Комсомольска-на-Амуре в возрасте от 14 до 35 лет: в г. Хабаровске – 2 ДФГ 14–22 года, 1 ДФГ 23–25 лет; в г. Комсомольск-на-Амуре – 1 ДФГ 14–22 года, 1 ДФГ 23–35 лет.

Миграционные настроения молодежи

Результаты проведенного социологического исследования позволяют с уверенностью констатировать широкое распространение в крае миграционных настроений. На вопрос анкеты «Планируете ли вы уехать из своего города/села в течение 2–3 лет» отрицательный ответ «нет, не планирую уезжать» дали почти половина опрошенных молодых людей (48,1%). Среди выразивших такое желание подавляющее большинство планируют переезд в другой регион России (22,4%) или внутри Хабаровского края (11,4%) (табл. 2). Необходимо отметить, что переезд за пределы Российской Федерации, в другую страну, отмечен малозначительным числом респондентов – 3,5%.

Распределение ответов на вопрос о миграционных настроениях демонстрируют видимые различия в разрезе возраста

и места проживания респондента. Так, частота отсутствия желания уезжать заметно увеличивается с возрастом опрошенных (с 39,0% в возрастной группе 14–19 лет до 65,4% в возрастной группе 25–34 года). Иными словами, чем моложе рассматриваемая возрастная группа, тем больше в ней доля тех, кто планирует переезд. Выявленная тенденция, по видимому, объясняется «прикипанием» к месту жительства, нежеланием менять привычные условия жизни, оставлять друзей, родственников, привыкать к новому месту жительства. Это также подтверждается результатами проведенных фокус-групп: основными факторами, благоприятствующими тому, чтобы оставаться в Хабаровском крае, были названы привычка жить в своем городе и нежелание ничего менять, стабильность, семья.

Распределение ответов о миграционных настроениях в разрезе места проживания отражает тенденции, обусловленные различиями в уровне развития территорий края. Так, жители г. Хабаровска – самого крупного и наиболее благоустроенного населенного пункта края, практически не рассматривают вариант внутрирегиональной миграции (3,7%). Среди жителей г. Комсомольска-на-Амуре уже каждый десятый (11,6%)

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Планируете ли вы уехать из своего города/села в течение 2–3 лет», в % от числа опрошенных

	Место опроса			Возраст			Всего
	Хабаровск	Комсомольск-на-Амуре	Районы края	14–19 лет	20–24 года	25–34 года	
Да, планирую переезд внутри Хабаровского края	3,7	11,6	22,0	15,8	11,5	4,6	11,4
Да, планирую переезд в другой регион России	23,9	27,2	15,6	28,7	23,6	11,9	22,4
Нет, не планирую уезжать	51,0	43,2	48,8	39,0	43,5	65,4	48,1

Источник: составлено автором на основе данных социологического исследования «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края», 2024

планирует переезд внутри края (прежде всего в г. Хабаровск). В районах края доля таких опрошенных больше в 2 раза и составляет 22,0%. Желание переехать в другой регион России в большей степени свойственно жителям крупных городов края (23,9% и 27,2%) в противовес жителям муниципальных районов (15,6%).

Основной причиной, влияющей на настрой уехать из места проживания, является продолжение учебы (39,2%). В меньшей степени, но также значимыми, выступают: отсутствие возможности для развития, творческой самореализации (25,9%), неподходящий климат (21,5%), ограниченные условия для профессионального роста (19,5%) и низкая зарплата (18,3%) (табл. 3).

Представленные причины имеют разный вес в различных возрастных категориях опрошенных. Продолжение учебы как причина переезда предсказуемо чаще отмечена опрошенными в возрасте 14–19 лет (56,2%). Отсутствие возможности для развития, творческой самореализации и низкая зарплата чаще указаны в возрастной группе 25–34 года (36,8% и 31,6%, соответственно).

Видна зависимость причин желания уехать от места проживания респондента: продолжение учебы – в большей степени значима для жителей муниципальных районов края (43,4%), неподходя-

щий климат – для жителей г. Хабаровска (30,2%) и низкая зарплата – также для жителей г. Хабаровска (20,6%).

Результаты анализа данных проведенных фокус-групп также созвучны результатам опроса. Информанты в качестве причин переезда в другой регион называли возможность получить желаемую профессию, более качественное образование, возможность получить более интересную работу и т. д.

Таким образом, проведенный анализ полученных результатов исследования свидетельствует о том, что ведущими причинами, влияющими на желание уехать, выступают причины прямо или опосредованно связанные с работой/профессией [Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2020]. Так, суммируя результаты анкетного опроса и фокус-групп, можно констатировать, что представители младшей возрастной группы (14–19 лет) стремятся уехать для получения более качественного образования, желаемой профессии, развития и творческой самореализации; представители старшей возрастной группы (25–34 года) – для самореализации и получения более высокой заработной платы; средней возрастной группы (20–24 года) – в сравнительно равной степени для саморазвития, материального благополучия, профессионального роста и обучения.

Таблица 3

**Распределение ответов респондентов на вопрос
«Какие причины влияют на ваш настрой уехать из своего города/села»,
в % от числа опрошенных**

	Место опроса			Возраст			Всего
	Хабаровск	Комсомольск-на-Амуре	Районы края	14-19 лет	20-24 года	25-34 года	
для того чтобы, продолжить учебу	38,9	35,7	43,4	56,2	19,0	8,8	39,2
нет возможности для развития, творческой самореализации	25,4	25,0	27,4	23,6	23,8	36,8	25,9
не подходит климат	30,2	20,5	12,3	17,7	28,6	24,6	21,5
ограниченные условия для профессионального роста	21,4	18,8	17,9	18,2	20,2	22,8	19,5
низкая зарплата	20,6	18,8	15,1	13,3	21,4	31,6	18,3

Источник: составлено автором на основе данных социологического исследования «Социальный потенциал молодежи Хабаровского края», 2024

При этом важно отметить, что представленные причины хорошо согласуются с системой жизненных ценностей, также измеренной в ходе проведенного исследования. Так, в качестве наиболее важной жизненной ценности опрошенные указали высокий доход и материальное благополучие. Далее в иерархии ценностей молодых людей в возрасте от 14 до 22 лет представлены успешная карьера и общение, друзья; в возрасте от 23 до 35 лет – создание семьи, рождение детей и успешная карьера.

В дополнение к сказанному необходимо отметить следующее. Согласно результатам опроса, в целом молодые люди достаточно высоко оценивают сложившиеся в Хабаровском крае возможности для самореализации. Почти половина респондентов (47,6%) указали, что «безусловно есть возможности» и еще более трети (38,1%), что «скорее есть возможность». При этом самореализация отмечена в качестве одной из ведущих причин, формирующие желание уехать. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что, согласно результатам фокус-групп, в основном молодые люди под самореализацией понимают то, чем они хотели бы заниматься при условии, что это занятие приносило бы достаточный доход.

Таким образом, обобщая сказанное, можно сделать вывод о доминировании в системе факторов, влияющих на желание молодых людей уехать из Хабаровского края, возможности получать больший доход и связанных с ней факторов, таких как получение желаемого образования, получение образования как такового, профессиональный рост и др. Примечательно, что участники фокус-групп возрастной категории от 14 до 22 лет, определяя, что в их понимании является хорошей работой, отметили признак интересная, по душе и приносит удовольствие. Доход при этом вторичен в том

отношении, что в любой работе можно повысить квалификацию и тем самым повысить доход. Однако представители старшей молодежной группы (23–35 лет) чаще определяли хорошую работу как работу, которая приносит хороший доход при адекватной нагрузке. Иными словами, представители возрастной группы, живущие в основном в рамках бюджета родительской семьи, в большей степени склонны к признанию приоритета работы по душе. Представители старшей возрастной группы, самостоятельно обеспечивающие себя и свою семью, при определении хорошей работы отдают предпочтение размеру дохода.

Важно особенно отметить то обстоятельство, что в качестве причин уехать из Хабаровского края опрошенные молодые люди называют достаточно конкретные, измеряемые показатели (уровень зарплат, получение образования/профессии, карьерный рост), а причинами остаться на Дальнем Востоке – обще-ценностные, смысловые установки – привычка к месту жительства, друзья, родственники. Учитывая показатели оттока населения, первые из них для значимой части дальневосточников, оказываются более значимыми. Одновременно, необходимо подчеркнуть, что указанная тенденция характерна и в отношении молодых мигрантов, приезжающих на Дальний Восток [Зубков, 2019]. Действующие сегодня на Дальнем Востоке программы «Земский доктор», «Земский учитель», «Земский фельдшер»⁵, ориентированные на привлечение педагогов и врачей приезжать и работать в села и поселки Дальнего Востока, программа «Дальневосточная ипотека», использующая достаточно мощные инструменты материального стимулирования, дают реальный положительный эффект. Что также было отмечено Президентом России, в том числе и в отношении развития и расширения данного на-

⁵ Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286474/; Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1640 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие здравоохранения». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286834/

правления работы (в частности по программе «Земский работник культуры»)⁶.

С учетом эффективности действующих программ представляется перспективным проведение внутренней политики, направленной на использование уже действующих государственных программ в том числе и как инструмента удержания коренного населения Дальнего Востока.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют сделать ряд выводов.

Во-первых, цели приоритетного развития Дальневосточного региона определяют необходимость проведения эффективной миграционной политики как в отношении привлечения прежде всего молодежи в регион, так и удержания коренного населения. Существующие сегодня демографические и миграционные тренды остаются отчасти противоречивыми, сохраняя разнонаправленные тенденции, и в целом недостаточно благоприятными.

Во-вторых, результаты проведенного

социологического исследования позволяют с уверенностью констатировать широкое распространение в крае миграционных настроений. Ключевыми причинами, влияющими на желание уехать, выступают причины прямо или опосредованно связанные с работой/профессией – получение более качественного образования, желаемой профессии, развитие и творческая самореализация, получение более высокой заработной платы, профессиональный и карьерный рост. Причинами остаться на Дальнем Востоке участниками исследования указаны общеценностные, смысловые установки – привычка к месту жительства, друзья, родственники.

В-третьих, проведенный анализ позволяет утверждать значительный потенциал применения действующих сегодня на Дальнем Востоке программ, ориентированных на привлечение молодежи к переезду в регион, с использованием инструментов материального стимулирования, в том числе и как инструмента удержания коренного населения Дальнего Востока.

Список источников:

1. Абросимова, Е. Е., Ягафарова, Э. У. Миграционные настроения современной молодежи Приморского края // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2022. Т. 14, № 3. С. 189–198. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/189-198 EDN: KVBONS
2. Байков, Н. М. Кризисный дальневосточный социум как фактор миграции населения // Наука в современном информационном обществе: Материалы XVIII международной научно-практической конференции, North Charleston, USA, 04-05 марта 2019 года. Том 2. North Charleston, USA: LuluPress, Inc., 2019. 91 с. EDN: ANYBFW
3. Гамерман, Е. В. Демографические и миграционные процессы Дальнего Востока сквозь призму «поворота на Восток» // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2024. Т. 49. С. 22–33. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.49.22 EDN: PFJZYH
4. Зубков, В. В. Миграционный потенциал молодежи в системе мер государственной региональной политики // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 1 (86). С. 147–155. DOI: 10.22394/1818-4049-2019-86-1-147-155 EDN: ZUHLQQ
5. Зубков, В. В. Сегментированный рынок труда в контексте демографической ситуации и социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 2 (91). С. 138–145. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-138-145 EDN: OQNKWD
6. Зубков, В. В., Сидоров, П. Г. Миграционные представления жителей Хабаровского края: опыт пилотного социологического исследования // Власть и управление

⁶ Пленарное заседание девятого Восточного экономического форума – Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75029> (дата обращения 01.02.2024)

на Востоке России. 2020. № 4(93). С. 215–226. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-215-226 EDN: GNQUJN

7. Зубков, В. В., Сидоров, П. Г. Миграционные представления жителей Хабаровского края: социологический анализ ситуации в регионе // Этнодемографические процессы и миграции в регионах Азиатской России: современная ситуация, прогнозы и риски. / Отв. ред. Т.Б. Смирнова. – Омск: Издательский центр КАН, 2021. – 272 с. С. 179–199.

8. Карцева, М. А., Мкртчян, Н. В., Флоринская, Ю. Ф. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4. С. 87–97. EDN: XEDDME

9. Мотрич, Е. А., Березутский, Ю. В. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России: проблемы и социальные последствия // Социальная политика и социология. Т. 17. 2018. № 2 (127). С. 141–150. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-2-141-150 EDN: VLIGHT

10. Пипия, А. К., Чистякова, В. Е. Проблема «утечки умов» на фоне миграционных процессов в России // Инновации. 2020. № 8 (262). С. 17–30. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.262.8.003 EDN: МНХУЕР

References:

1. Abrosimova, E. E., Yagafarova, E. U. (2022) Migration sentiments of modern youth of Primorsky Krai *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i servisa* [Territory of new opportunities. Bulletin of Vladivostok State University of Economics and Service], vol. 14, no. 3, pp. 189–198. DOI: 10.24866/VVSU/2073-3984/2022-3/189-198 EDN: KVBONS (in Russ.).

2. Baikov, N. M. (2019) Crisis Far Eastern society as a factor in population migration in Science in the modern information society: Proceedings of the XVIII international scientific and practical conference, North Charleston, USA, March 04-05, vol. 2. North Charleston, USA: LuluPress, Inc., 2019. 91 p. EDN: ANYBFW (in Russ.).

3. Gamerman, E. V. (2024) Demographic and migration processes of the Far East through the prism of the “turn to the East” *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedeniye* [Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science. Religious Studies], vol. 49, pp. 22–33. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.49.22 EDN: PFJZYH (in Russ.).

4. Zubkov, V. V. (2019) Migration potential of youth in the system of measures of state regional policy *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], no. 1 (86), pp. 147–155. DOI: 10.22394/1818-4049-2019-86-1-147-155 EDN: ZUHLQQ (in Russ.).

5. Zubkov, V. V. (2020) Segmented labor market in the context of the demographic situation and sociological dimension *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], no. 2 (91), pp. 138–145. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-138-145 EDN: OQNKWD (in Russ.).

6. Zubkov, V. V., Sidorov, P. G. (2020) Migration perceptions of residents of the Khabarovsk Territory: experience of a pilot sociological study *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia], no. 4 (93), pp. 215–226. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-215-226 EDN: GNQUJN (in Russ.).

7. Zubkov, V. V., Sidorov, P. G. (2021) Migration perceptions of residents of Khabarovsk Krai: a sociological analysis of the situation in the region *Etnodemograficheskiye protsessy i migratsii v regionakh Aziatskoy Rossii: sovremennaya situatsiya, prognozy i riski* [Ethnodemographic processes and migrations in the regions of Asian Russia: current situation, forecasts and risks] / Ed. T.B. Sмирнова. – Омск: Publishing center of the KAS, 272 p. P. 179–199 (in Russ.).

8. Kartseva, M. A., Mkrтчян, N. V., Florinskaya, Yu. F. (2020) Migration in Russia

and socio-economic development of regions: analysis of mutual influence *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], no. 4, pp. 87–97. EDN: XEDDME (in Russ.).

9. Motrich, E. L., Berezutsky, Yu. V. (2018) Migration in the demographic development of the Russian Far East: problems and social consequences *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social policy and sociology], vol. 17, no. 2 (127), pp. 141–150. DOI: 10.17922/2071-3665-2018-17-2-141-150 EDN: VLIGIT (in Russ.).

10. Pipiya, L. K., Chistyakova, V. E. (2020) The problem of the “brain drain” against the background of migration processes in Russia *Innovatsii* [Innovations], no. 8 (262), pp. 17–30. DOI: 10.26310/2071-3010.2020.262.8.003 EDN: MHXUEP (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 03.02.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 19.03.2025.

The article was submitted 03.02.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 19.03.2025.

Информация об авторе

В. В. Зубков – кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента и государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

V. V. Zubkov – Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Public Administration, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA.

ПРЕДСТАВЛЯЮ К ЗАЩИТЕ

Научная статья

УДК 316.346.32

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-127-135

Миграция молодежи как объект социального регулирования миграционных процессов в статистическом измерении

Алексей Сергеевич Лада

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

lada-as@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4152-4815>

Аннотация. В статье представлен анализ динамики статистических данных о численности населения Хабаровского края по различным возрастным группам и уровню трудоспособности. На основе анализа динамики численности населения делается вывод об уменьшении численности населения по всем возрастным группам и уровням трудоспособности. При этом численность молодежи также уменьшается по отношению к численности трудоспособного населения. На основе анализа динамики миграции населения Хабаровского края делается вывод об уменьшении отрицательного сальдо межрегиональной миграции, при этом наблюдается уменьшение численности населения как выбывшего из края, так и прибывшего в край в рамках межрегиональной миграции. Следует отметить увеличение положительного сальдо международной миграции. Среди стран СНГ наибольшее положительное сальдо составляет миграция из Таджикистана, среди других стран – из КНР, что вызвано отменой антиковидных ограничений и открытием границ. Анализ данных естественного движения населения Хабаровского края показывает динамику увеличения смертности и уменьшения рождаемости. Естественная убыль населения края в совокупности с отрицательным сальдо миграции населения повлияли на показатели перспективного анализа численности населения Хабаровского края до 2046 г., согласно которому ожидается поэтапное уменьшение численности населения Хабаровского края более чем на 13%. На основе вышеуказанного анализа статистических данных автором делается вывод о фактическом недостижении результатов демографической политики применительно к Хабаровскому краю, установленных в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. В связи с этим предлагается в следующей Концепции устанавливать реальные показатели, ориентированные на показатели перспективного анализа численности населения Хабаровского края.

Ключевые слова: молодежь, статистические данные, миграционные процессы, социальное регулирование, социально-трудовая мобильность, Хабаровский край

Для цитирования: Лада А. С. Миграция молодежи как объект социального регулирования миграционных процессов в статистическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 127–135. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-127-135>

Original article

Youth Migration as an Object of Social Regulation of Migration Processes in the Statistical Dimension

Alexey S. Lada

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
lada-as@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4152-4815>

Abstract. *The article presents the analysis of the statistical data dynamics of the population of the Khabarovsk Territory by various age groups and the level of working capacity. Based on the analysis of the population dynamics, it has been concluded that the population is decreasing in all age groups and levels of working capacity. At the same time, the number of young people is also decreasing in relation to the working-age population. Based on the analysis of the migration dynamics of the population of the Khabarovsk Territory, it has been concluded that the negative balance of interregional migration has decreased, while there has been a decrease in the number of both those who left the region and those who arrived in the region as part of interregional migration. It should be noted that the positive balance of international migration has increased. As for the CIS countries, the largest positive balance is migration from Tajikistan, as for the other countries, the largest positive balance is from China, which is caused by the lifting of anti-covid restrictions and the opening of the borders. The analysis of the data on the natural movement of the population of the Khabarovsk Territory shows the dynamics of the increase in mortality and the decrease in fertility. The natural decline of the region's population, combined with the negative balance of population migration, affected the indicators of the prospective analysis of the population of the Khabarovsk Territory until 2046, according to which a gradual decrease in the population of the Khabarovsk Territory by more than 13% is expected. Based on the above analysis of statistical data, the author concludes that the results of demographic policy in relation to the Khabarovsk Territory, set out in the Concept of Demographic Policy of the Far East for the period up to 2025, have not actually been achieved. In this regard, it is proposed to establish in the next Concept the real indicators based on the indicators of a prospective analysis of the population of the Khabarovsk Territory.*

Keywords: *youth, statistical data, migration processes, social regulation, social and labor mobility, Khabarovsk Territory*

For citation: Lada A. S. (2025) Youth Migration as an Object of Social Regulation of Migration Processes in the Statistical Dimension *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 127–135. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-127-135>

Введение

Целью демографической политики Дальнего Востока до 2025 года в целом и Хабаровского края в частности является стабилизация численности населения, в т. ч. молодежи, и его увеличение. В настоящее время уже можно подводить итоги реализации указанной концепции применительно к Хабаровскому краю, опираясь на статистические данные региона.

Анализ статистических данных пока-

зывает, насколько предпринимаемые в концепции меры, направленные на решение указанной задачи, оказались эффективными.

Социальное регулирование социально-трудовой мобильности молодежи требует анализа объективных факторов состояния демографических процессов в Хабаровском крае. Для выработки эффективной государственной политики, направленной на сохранение трудового

потенциала молодежи, необходимо проанализировать динамику численности населения, миграционное сальдо, а также причины и условия, способствующие указанным процессам в регионе.

Выявленные факторы должны быть положены в прогнозирование перспективной численности населения Хабаровского края и отражены в Концепции демографической политики Дальнего Востока и Хабаровского края на следующий период.

В этой связи анализ объективных факторов состояния демографических процессов имеет особо важное значение для выявления их влияния на миграционный отток молодежи и совершенствования механизмов социального регулирования этого процесса в Хабаровском крае.

Результаты исследования

Для анализа миграционных процессов молодежи использовался критерий возраста молодежи от 14 до 29 лет, который используется в статистических отчетах Росстата, а также в научной литературе [Зубков, 2019. С. 75; Березутский, 2005. С. 32].

По состоянию на 1 января 2024 г. численность молодежи (от 14 до 29 лет) составляет 222264 чел., что примерно менее одной пятой от общего количества населения и более одной третьей от трудоспособного населения.

Анализ динамики численности населения свидетельствует, что население Хабаровского края в 2024 г. уменьшилось по сравнению с 2020 г. на 32 313 человек, а численность трудоспособного населения –

на 1705 человек. При этом за этот период наблюдается уменьшение доли численности молодежи на 15319 чел., т. е. с 18,1% до 17,4% (табл. 1). Указанная тенденция обусловлена последствиями демографической ямы, возникшей в результате катастрофического уменьшения рождаемости в конце двадцатого века, а также миграционными процессами, выразившимися в оттоке молодежи региона в другие субъекты России. На уменьшение количества населения Хабаровского края также сильно влияет естественная убыль населения.

Как отмечается в научной литературе, «статистический анализ показал радикальную деформацию социальной структуры дальневосточного социума за последние три десятилетия» [Байков, Березутский, 2020. С. 17] от преобладания численности молодежи над численностью пенсионеров до обратной тенденции. Как отмечают ученые социологи, указанная тенденция «превращает молодежь региона из «точки роста» в «точку невозврата» [Березутский, 2022. С. 7]

Следует констатировать, что показатели численности населения, предусмотренные в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г.¹ на уровне 1,464 млн чел., в 2025 г. не будут достигнуты, поскольку в 2024 г. численность населения уменьшилась и составила 1278132 чел.

Численность молодежи сокращается и среди трудоспособного населения с 31% в 2020 г. до 29,1% в 2024 г., что проиллюстрировано на рисунке 1.

Таблица 1

Динамика численности населения Хабаровского края

	2020 г.		2022 г.		2024 г.	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Все население	1310445	100	1292764	98,7	1278132	97,5
Население трудоспособного возраста	764040	58,3	764628	59,1	762335	59,6
Население старше трудоспособного возраста	300919	23,0	284678	22,0	275378	21,6
Молодежь 14–29 лет	237583	18,1	223535	17,2	222264	17,3

Источник: составлено автором по данным Росстата. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028#> (дата обращения 03.02.2025 г.)

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 №1298-р «Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года» // Собр. законодательства РФ. 2017. № 27. Ст. 4062.

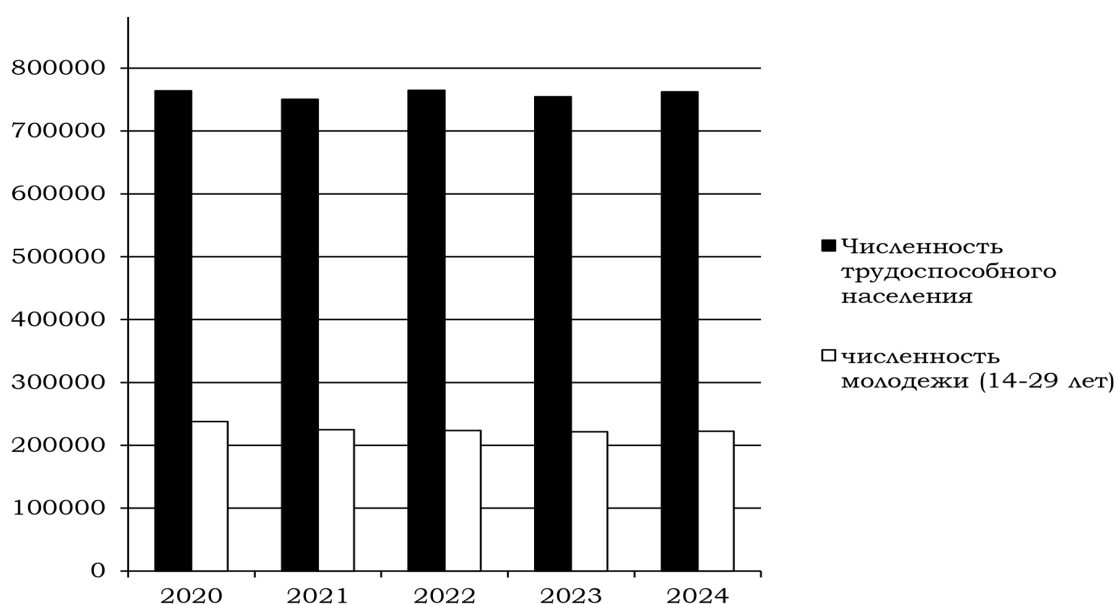

Рис. 1. Соотношение трудоспособного населения и молодежи²

С 2022 г. уменьшается количество выехавших жителей края, а в 2024 г. отмечен миграционный прирост (табл. 2).

На основе анализа статистических данных можно прийти к выводу о наметившейся тенденции к уменьшению количества жителей Хабаровского края, которые выехали в другие регионы России. Если в 2019 г. выехали за пределы РФ 3265 чел., то в 2023 г. выехали 1443 чел., т. е. почти в два раза меньше (табл. 3). Международная миграция увеличилась, почти вдвое больше мигрантов приехали из других стран в Хабаровский край.

На основе анализа статистических данных можно прийти к выводу о на-

метившейся тенденции к уменьшению внутрикраевой и межрегиональной миграции. При этом в 2022, 2023 гг. существенно увеличилось количество населения края, выезжающего в другие страны. С 2021 г. международная миграция в Хабаровский край увеличилась, что связано с ослаблением антиковидных ограничений и открытием границ для трудовой мобильности мигрантов.

Основной поток мигрантов составляют граждане из бывших республик СССР, ныне независимых государств Средней Азии. При этом миграционный поток имеет разную направленность (табл. 4). В 2022 и 2023 гг. наблюдает-

Таблица 2

Миграция населения в Хабаровском крае, чел.

	2020 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
Прибывшие	39050	50873	50146	45469
Выбывшие	46404	53862	50655	43246
Миграционный прирост (убыль)	-7354	-2989	-509	2223

Источник: составлено автором на основе данных Росстата: *Общие итоги миграции населения Хабаровского края: [Электронный ресурс].* <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028#>; *Хабаровский край: статистический ежегодник. Население 2024г.* <https://27.rosstat.gov.ru/folder/66942>; *Социально-экономическое положение Хабаровского края. Январь 2025 г.* <https://27.rosstat.gov.ru/folder/66942> (дата обращения 03.02.2025 г.)

² Составлено автором по данным Росстата. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028#> (дата обращения 03.02.2025 г.)

Таблица 3

Распределение мигрантов по основным миграционным потокам человек

	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Прибыло	51324	39050	51883	50873	50146
внутрикраевая миграция	22374	17618	21390	20568	20271
межрегиональная миграция	19774	15446	18661	17210	17019
международная миграция	9176	5986	11832	13095	12856
Выбыло	54035	46404	45382	53862	50655
внутрикраевая миграция	22374	17618	21390	20568	20271
межрегиональная миграция	23039	20768	20899	20343	18462
международная миграция	8622	8018	3093	12951	11922
Миграционный прирост (убыль)	-2711	-7354	6501	-2989	-509
межрегиональная миграция	-3265	-5322	-2238	-3133	-1443
международная миграция	554	-2032	8739	144	934

Источник: Хабаровский край: статистический ежегодник. Население 2024 г. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/66942> (дата обращения 03.02.2025 г.)

Таблица 4

Миграционное сальдо Хабаровского края с зарубежными странами, чел.

Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Миграционное сальдо	1111	-569	7151	206	-349
В том числе					
Азербайджан	169	-2	229	-156	-77
Армения	-7	-337	1005	-298	-147
Беларусь	43	-40	34	-19	-21
Казахстан	122	-41	248	-59	-1
Киргизия	67	-30	2238	-290	-232
Республика Молдова	13	-22	13	-20	3
Таджикистан	898	181	2635	1153	308
Туркмения	0	0	3	-3	0
Узбекистан	85	-43	925	55	-24
Украина	-253	-235	191	-157	-158

Источник: Международная миграция. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028#> (дата обращения 03.02.2025 г.)

ся отрицательное сальдо за исключением Таджикистана, относительно которого на протяжении пяти лет положительное значение. Это связано с тем, что уровень жизни в этой стране ниже, чем в других странах бывшего СНГ. В связи с ужесточением миграционной политики следует ожидать и в дальнейшем отрицательное сальдо международной миграции.

Отрицательные показатели межрегиональной миграции перекрываются внешней миграцией из стран СНГ, что означа-

ет постепенное замещение местного населения мигрантами из стран СНГ. Указанная тенденция отмечалась учеными и в прошлые годы [Мотрич, Березутский, 2018. С. 144].

Со странами дальнего зарубежья в основном наблюдается отрицательное сальдо. После окончания пандемии и открытия границ положительное сальдо наблюдается с Китаем, как с ближайшим соседом (табл. 5). С остальными странами миграционный обмен незначительный и

Таблица 5

**Миграционное сальдо Хабаровского края со странами
дальнего зарубежья, чел.**

Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.
Миграционное сальдо	-557	-1463	1588	-62	1283
В том числе					
Германия	-16	-25	9	-11	-6
Грузия	11	-1	27	1	4
Израиль	-31	-21	-20	-19	-10
Китай	-279	-1223	1387	104	1480
Латвия	-5	0	3	0	11
Литва	0	-3	1	0	0
США	-31	-18	-13	-22	-24
Эстония	-2	2	-2	0	3
Другие страны	-204	293	196	-115	-175

Источник: Международная миграция. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028#> (дата обращения 03.02.2025 г.)

не оказывает влияние на миграционную обстановку в Хабаровском крае.

Уменьшение численности населения старше трудоспособного возраста на 25541 чел., связано с естественной убылью населения. По отношению к общей численности населения процент населения старше трудоспособного уменьшается, несмотря на прогнозы социологов [Байков, Березутский, Каширина и др., 2012. С. 62]. Такая тенденция связана с увеличением смертности в Хабаровском крае. Эти тенденции могут привести к проблеме обеспечения трудовыми ресурсами.

В 2023–2024 гг. показатели естественного движения населения свидетельствуют о превышении смертности над рождаемостью в Хабаровском крае (табл. 6). На численность молодежи смертность не оказывает значительного влияния, поскольку большинство опрошенных разных возрастных групп молодежи ставят на первое место ценность «здоровье» [Бе-

резутский, 2019. С. 44].

Следует констатировать, что показатели смертности (на 1000 человек) населения, предусмотренные в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. на уровне 10,2 в 2025 г. не будут достигнуты, поскольку в 2024 г. они увеличились по сравнению с 2023 г. и составили 14,0. О том, что показатели концепции в Хабаровском крае скорее всего не будут достигнуты, социологи прогнозировали еще в 2018 г., указывая на проблемы снижения рождаемости, высокой смертности и ожидаемой продолжительности жизни [Буланова, 2018. С. 118].

Однако, как отмечают исследователи, значительная часть молодежи привержена вредным привычкам, таким как употребление алкоголя и курение, что влияет на здоровье [Байков, Березутский, 2020. С. 13]. Сокращение рождаемости длится на протяжении десятилетий и будет продолжаться дальше [Хван, Буланова, Са-

Таблица 6

Показатели естественного движения населения

	Человек			На 1000 человек населения	
	2024 г.	2023 г.	Прирост (+), снижение (-)	2024 г.	2023 г.
Родившихся	11142	11680	-538	8,7	9,1
Умерших	17880	16952	+928	14,0	13,2
из них детей в возрасте до 1 года	46	43	+3	4,1 ¹⁾	3,61 ¹⁾
Естественный прирост (+), убыль (-)	-6738	-5272	1466	-5,3	-4,1

¹⁾ На 1000 родившихся живыми.

Источник: Социально-экономическое положение Хабаровского края. Январь 2025 г. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/66942> (дата обращения 03.02.2025 г.)

мандина и др., 2019. С. 30].

Прогнозы показывают сохранение тенденций снижения численности населения и молодежи в Хабаровском крае, а также уменьшения рождаемости. Анализ прогнозной численности населения Хабаровского края также показывает дальнейшее его уменьшение к 2046 г. на 13,04% по сравнению с 2024 г. (табл. 7).

При усилении этих тенденций следует ожидать уменьшение населения Хабаровского края за счет естественной убыли населения и миграционного оттока молодежи, что приведет к сокращению научного, производственного и трудового потенциала края. Это должно быть приоритетом особой озабоченности для государственной миграционной политики в крае. В связи с этим следует согласиться с учеными, предлагающими принятие ФЗ РФ «О статусе дальневосточника», что «позволит снизить статусную несовместимость дальневосточников с жителями других регионов России за счет преференциального и компенсационного механизма» [Байков, 2019. С. 377].

Заключение

Статистический анализ объективных показателей реализации социальной мобильности молодежи Хабаровского края показывает динамику уменьшения численности, как общего населения Хабаровского края, так и трудоспособного, старше трудоспособного и молодежи в возрасте от 14 до 29 лет. При этом уменьшается численность молодежи в процентном отношении к трудоспособному населению.

Уменьшение численности населения Хабаровского края обусловлено как есте-

ственной убылью населения, так и миграционными перемещениями. Это свидетельствует об уменьшении трудового, научного, производственного потенциала Хабаровского края, что необходимо учитывать при составлении программ в области демографической миграционной политики.

Миграционные перемещения имеют тенденцию к уменьшению межрегиональных миграционных перемещений и увеличению международных миграционных перемещений. Межрегиональное миграционное сальдо края, по-прежнему, остается отрицательным. Основными странами с наибольшими миграционными вливаниями на территорию края стали Таджикистан и КНР. За счет этих стран общее миграционное сальдо края стало положительным.

Анализ статистических данных показывает, что многие запланированные показатели для Хабаровского края в Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г., не достигнуты, и не будут достигнуты в 2025 г.

Перспективный анализ численности населения Хабаровского края до 2046 г. показывает его поэтапное уменьшение, что указывает на необходимость пересмотра Концепции демографической политики Дальнего Востока и Хабаровского края, в частности.

Указанные показатели объективно свидетельствуют об уменьшении трудового, научного, производственного потенциала Хабаровского края и их необходимо учитывать при составлении программ в области демографической миграционной политики края.

Таблица 7

Перспективная численность населения Хабаровского края до 2030 гг.

	2026 г.	2031 г.	2036 г.	2041 г.	2046 г.
Перспективная численность населения	1258128	1211410	1170836	1138589	1111365
Сокращение численности по отношению к 01.01.2020	-20004	- 66722	-107296	-139543	-166767

Источник: Хабаровский край. Расчет предположительной численности населения. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/66942> (дата обращения 03.02.2025 г.)

Список источников:

1. Байков, Н. М. Статус дальневосточника как основа национальной программы по развитию макрорегиона // Национальные демографические приоритеты: новые подходы, тенденции Сер. «Демография. Социология. Экономика.» Том 5, № 4. Под редакцией Рязанцева С. В., Ростовской Т. К.. Москва, «Издательство «Экон-Информ» 2019. С. 377 EDN: ZXVDZB
2. Байков, Н. М., Березутский, Ю. В. Дальневосточный социум: состояние и динамика общественного мнения: монография – Хабаровск : Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС. 2020. 281 с. EDN: BOSMIZ
3. Байков, Н. М., Березутский, Ю. В., Каширина Л. В. [и др.] Социальное самочувствие и положение пожилых людей в регионе. – Хабаровск : ДВАГС, 2012. 186 с.
4. Байков, Н. М., Березутский, Ю. В. Государственная молодежная политика и ее роль в социальном развитии // Государственная служба. 2020 Том 22. № 5. С. 12–18. DOI 10.22394/2070-8378-2020-22-5-12-18. EDN UQAQBV.
5. Березутский, Ю. В. Социальная активность молодежи региона: социологический анализ : монография – Хабаровск : Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2019. 174 с.
6. Березутский, Ю. В. Социальный потенциал молодежи региона: социологический анализ. – Хабаровск : ДВАГС, 2005. 148 с.
7. Березутский, Ю. В. Молодежь хабаровского края: «точка роста» или «точка невозврата»? // Социологические исследования. 2022. № 2. С. 65–72. DOI 10.31857/S013216250016668-7. EDN KKGQFI.
8. Буланова, М. А. Оценка реализации демографической политики в Хабаровском крае // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 4 (85). С. 111–119. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-111-119. EDN VTMJLW.
9. Зубков, В. В. Миграционный потенциал молодежи: социологический анализ (на примере Хабаровского края): дисс. канд. социол. наук – Хабаровск, 2019. 166 с.
10. Мотрич, Е. Л, Березутский, Ю. В. Миграция в демографическом развитии Дальнего Востока России: проблемы и социальные последствия // Социальная политика и социология 2018. Том 17. № 2. С. 141–150. DOI 10.17922/2071-3665-2018-17-2-141-150. EDN VLIGIT.
11. Хван, И. С., Буланова, М. А., Самандина, Л. В. и др. Государственное регулирование развития Дальнего Востока: современные подходы : монография. – Хабаровск: Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2019. 164 с.

References:

1. Bajkov, N. M. (2019) The status of the Far East region as the basis of the national program for the development of the macroregion *Natsional'nyye demograficheskiye prioritety: novyye podkhody, tendentsii Ser. "Demografiya. Sotsiologiya. Ekonomika."* [National demographic priorities: new approaches, trends Ser. "Demography. Sociology. Economics"], vol. 5, no. 4, – Moscow, "Ekon-Inform Publishing House, p. 377 EDN: ZXVDZB (in Russ.).
2. Bajkov, N. M., Berezutskij, Yu. V. (2020) The Far Eastern society: the state and dynamics of public opinion: a monograph. – Khabarovsk : Far Eastern Institute of Management – branch of the RANEPa, 281 p. EDN: BOSMIZ (in Russ.).
3. Bajkov, N. M., Berezutskij, Yu. V., Kashirina L. V. et al. (2012) Social well-being and the situation of the elderly in the region. – Khabarovsk : DVAGS. 186 p.
4. Bajkov, N. M., Berezutskij, Yu.V. (2020) State youth policy and its role in social development *Gosudarstvennaya sluzhba* [Civil Service], vol. 22, no. 5, pp. 12–18. DOI 10.22394/2070-8378-2020-22-5-12-18. EDN UQAQBV (in Russ.).
5. Berezutskij, Yu. V. (2019) Social activity of the youth of the region: a sociological analysis: monograph. – Khabarovsk : Far Eastern Institute of Management – branch of

the RANEPА, 174 p. (in Russ.).

6. Berezutskij, Yu. V. (2005) The social potential of the region's youth: a sociological analysis. – Khabarovsk : DVAGS, 148 p. (in Russ.).

7. Berezutskij, Yu. V. (2022) Youth of the Khabarovsk territory: “point of growth” or “point of no return”? *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological research], no. 2, pp. 65–72. DOI 10.31857/S013216250016668-7. EDN KKGQFI (in Russ.).

8. Bulanova, M. A. (2018) Assessment of the implementation of demographic policy in the Khabarovsk Territory *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and governance in the East of Russia], no. 4 (85), pp. 111–119. DOI 10.22394/1818-4049-2018-85-4-111-119. EDN VTMJLW (in Russ.).

9. Zubkov, V. V. (2019) Migration potential of youth: a sociological analysis (on the example of the Khabarovsk Territory) – dissertation of the candidate. Social Sciences – Khabarovsk, 166 с. (in Russ.).

10. Motrich, E. L, Berezutskij, Yu. V. (2018) Migration in the demographic development of the Russian Far East: problems and social consequences *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social Policy and Sociology], vol. 17, no. 2, pp. 141–150. DOI 10.17922/2071-3665-2018-17-2-141-150. EDN VLIGIT (in Russ.).

11. Hvan, I. S., Bulanova, M. A., Samandina, L. V. [et al.] (2019) State regulation of the development of the Far East: modern approaches : monograph. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Management, RANEPА Branch, 164 p. (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 19.03.2025; принята к публикации 21.03.2025.

The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 19.03.2025; accepted for publication 21.03.2025.

Информация об авторе

А. С. Лада – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

A. S. Lada – Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 328.18

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-136-144

Социальные сети как канал политической коммуникации парламентских партий России

Константин Юрьевич Агарков

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-западный институт управления – филиал, Санкт-Петербург, Россия

kagarkov-22@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9869-191X>

Аннотация. Эффективность использования социальных сетей как каналов коммуникации политических партий с населением достаточно сложна для корректной оценки. Одним из способов решения задачи в работе предложено провести сравнение сообществ в социальных сетях парламентских политических партий по показателям активности пользователей социальных сетей в предложенном контенте. Цель работы состоит в оценке контента парламентских политических партий в социальных сетях. Задачами работы являются определение наибольшего интереса пользователей к контенту политических партий и определение политических партий, контент которых пользуется наименьшим спросом. Новизной работы является статистика и аналитика контента сообществ в социальных сетях с помощью цифровой платформы и определение востребованности публикаций парламентских политических партий. Методом исследования являлся качественный и количественный анализ. Результатом исследования является оценка привлекательности контента в официальных сообществах социальных сетей парламентских политических партий и определение публикаций, которые вызывают наибольший и наименьший интерес у пользователей. Исследование контента политических партий в социальных сетях показывает, что роль информационного воздействия на электорат увеличивается с каждым годом за счет вовлечения населения в социальные сети, и, как следствие, в участие в политической жизни. Выработаны рекомендации по привлечению пользователей социальных сетей к партийным публикациям.

Ключевые слова: политические партии, политическая коммуникация, социальные сети, медиаактивность, политический контент, аудитория социальных сетей

Для цитирования: Агарков К. Ю. Социальные сети как канал политической коммуникации парламентских партий России. // Власть и управление на Востоке России. 2025. №1 (110). С. 136–144. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-136-144>

Original article

Social Networks as a Channel of Political Communication for Parliamentary Parties

Konstantin Yu. Agarkov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPa, St. Petersburg, Russia
kagarkov-22@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0007-9869-191X>

Abstract. *The effectiveness of using social networks as channels of communication between political parties and the population is quite difficult to assess correctly. One of the ways to solve the problem under question is to compare communities in social networks of parliamentary political parties based on the activity of social network users. The paper aims at assessing the attractiveness of social network for users and among parliamentary political parties' members. The objectives of the work are: to determine the greatest interest of users and to identify political parties whose content is in the least demand. The innovation of the study is its statistics and analytics of the content of communities in social networks using a digital platform and determining the most (least) popular publications of parliamentary political parties. The research method used was the qualitative and quantitative analysis. The result of the study is an assessment of the content attractiveness of social networks of parliamentary political parties among official communities, and determination of the users' greatest and least interest in party publications. Recommendations are developed for attracting social network users to party publications.*

Keywords: *political parties, political communication, social networks, media activity, political content, social network audience*

For citation: Agarkov K. Yu. (2025) Social Networks as a Channel of Political Communication for Parliamentary Parties *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 136–144. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-136-144>

Введение

С началом развития в России демократических процессов значительно выросла политическая конкуренция [Черкасова, 2021. С. 226] как на уровне региональных законодательных органов, так и в федеральном парламенте.

Социолог Дэвид Истон доказал, что политическая система воздействует на социальную среду в том числе и через обратную связь [Истон, 2000. С. 320].

Мануэль Кастельс, испанский социолог, уделял большое внимание социальным сетям в политическом поле, считая, что политической власти в социальных сетях необходимо создавать свой имидж [Castells, 2010, p. 656].

Политическая конкуренция – это особая форма соперничества в сфере политики в борьбе за власть, когда соперники не контактируют друг с другом, а результаты такого соперничества определяет электорат на избирательном участке в день выборов [Рылкина, Шилов, 2011. С. 179] Повсеместное распространение средств массовой информации создало условия, когда политика становится больше виртуальным процессом, позволяющим формировать политический имидж [Ефанова, 2023. С. 25]

На сегодняшний день интернет-пространство в форме социальных сетей находит все большее применение для ведения политической агитации и формирования политического имиджа.

Проблемами изучения восприятия и активности медиаконтента занимаются как российские, так и зарубежные ученые.

И. В. Жилавская исследует значение визуального контакта с помощью технологий Eye-tracking. В ходе проведенной работы установлено восприятие человеком медиаконтента по качеству и наполнению медийного сообщения [Жилавская, 2014. С. 119]. К примеру, на изображении внимание человека сосредотачивается больше, чем на тексте. Поэтому в социальных сетях любая публикация, как правило, оформляется с изображением.

Работы Ф. Л. Примакова посвящены особенности влияния интернет-медиа на различные социальные группы в процессе формирования их мира [Примаков, 2020. С. 232]. В исследовании прослеживается, как ничем не обоснованное новостное сообщение в социальной сети может восприниматься участниками сообществ как свершившийся факт и делается вывод, что новостное сообщение должно быть рассчитано на целевые

группы исходя из их социального положения в обществе.

Предметом изучения контента и дискурса политических лидеров занимается российский политолог Д. Е. Антонов, использующий метод контент- и дискурс-анализа комментариев постов в социальных сетях [Антонов, 2020. С. 135]. Результатом его работы является утверждение, что при контент-анализе социальных сетей политических лидеров при исследовании комментариев и реакций пользователей на сообщения можно сделать выводы о политических ценностях пользователей, их политическом поведении.

Проведенные исследования подтверждают, что использование социальных сетей – достаточно эффективный инструмент для продвижения политического контента.

В России в социальных сетях политическая коммуникация парламентских партий представляет интерес для пользователей сетей. В предложенной работе исследуется контент политических партий «Единая Россия», «КПРФ», «Справедливая Россия», «ЛДПР» и «Новые люди» для участников сообществ социальных сетей в интернете.

Методы исследования и эмпирическая база

В рамках работы осуществлен качественный анализ контента, размещенный в социальных сетях «ВКонтакте», «Одноклассники» и «Телеграмм» российскими парламентскими партиями.

Восприятие информации в социальных сетях достаточно сложный феномен в форме горизонтальных связей [Сморгунов, Шерстобитов, 2014. С. 47], коммуникация информационных потоков которого, не достаточно изучена и систематизирована. Отличие социальных сетей от традиционных средств массовой информации состоит в наличии возможности моментальной обратной связи, коммуникации с кругом адресатов и поддержании диалога с автором инфор-

мационного сообщения.

Личный интерес и рефлексивность пользователя в социальных сетях, включенных в группы парламентских политических партий, позволяет изучить специфику партийного контента и реакцию подписчиков через оценки эмоций, перепосты, лайки и дизлайки.

В методологии предложен количественный и качественный анализ с помощью интернет-сервиса Posters¹, применяющийся для получения аналитики, сравнения и статистики социальных сетей по опубликованному контенту, просмотрам и реакции пользователей. Данные получены из аккаунтов политических партий за период с 1 по 31 мая 2023 г. Период времени взят для изучения средних показателей активности политических партий в социальных сетях в момент отсутствия значительных политических событий и предвыборной партийной агитации².

Рассмотрены российские парламентские партии: «Единая Россия» (ЕР), «Коммунистическая партия Российской Федерации» (КПРФ), «Либерально-демократическая партия России» (ЛДПР), «Справедливая Россия-патриоты за правду» (СРПП) и «Новые люди» (НЛ). Остальные партии («Партия роста», «Родина» и «Гражданская платформа»), набравшие в сумме 8,85% голосов избирателей³, в исследовании не учтены из-за малочисленности набранных голосов.

Особенность социальных сетей «Одноклассники» и «ВКонтакте» состоит в том, что политические партии здесь имеют сопряженные группы с региональными отделениями партий с местной повесткой, учитывающей регион нахождения. В мессенджере «Телеграмм» идет основная федеральная повестка политических партий без учета регионов.

Количественный анализ дает возможность сравнить аккаунты политических партий на предмет медиаактивности.

Качественный анализ, позволил прове-

¹ Posters. Статистика и анализ интернет-сообществ в социальных сетях. URL: <https://posters.ru/app/dashboard> (дата обращения: 03.09.2023.)

² В сентябре 2023 года проходили выборы 21 главы субъекта, в 30 субъектах проходят парламентские выборы.

³ Парламентская газета от 21.09.2021. Издание Федерального собрания Российской Федерации. URL: <https://www.pnp.ru/politics/kakie-partii-proshli-v-gosdumu.html> (дата обращения: 03.12.2023.)

сти анализ коммуникации между подписчиками социальных сетей и контентом публикуемым политическими партиями.

Результаты исследования

В социальной сети «Одноклассники» наибольшее количество подписчиков у «Единой России», имеющей самую большую публикационную активность и самую большую вовлеченность участников сообщества, что характерно для качественного партийного контента.

Наполнение контента «КПРФ» и количество комментариев в месяц свидетельствует о резонансной тематике постов (популярные хештеги: «ДеньПобеды», «1мая», «общество», «Путин», «новости»). Об интересе к информации говорит и большее, по сравнению с контентом других изучаемых партий, количество перепостов сообщений.

Несмотря на большое количество подписчиков, у сообщества «ЛДПР» коэффициент коммуникабельности низкий, что подтверждается количеством комментариев и перепостов. Цифры свидетельствуют о посредственном в основном материале в информационной повестке сообщества.

В сообществе «Справедливая Россия» низкое в отличие от остальных партий количество подписчиков, но высокий ко-

эффициент привлекательности, что косвенно подтверждает количество лайков. Другие показатели говорят о недостаточной насыщенности публикаций конкретной информацией или о сложном языке публикаций.

Сообщество «Новые люди» в социальной сети «Одноклассники» показывает низкую активность участников.

В социальной сети «Одноклассники» востребовательный контент показывает «Единая Россия», наименее интересным для пользователей относительно других изучаемых сообществ является сообщество «Новые люди».

«Единая Россия» показывает лидерство с большим отрывом в социальной сети практически по всем изучаемым параметрам. Можно предположить, что публикуемый материал востребован, хорошо составлен и выходит с достаточной для поддержания интереса участников сообщества периодичностью.

Сообщество «КПРФ» занимает вторую позицию по привлекательности для пользователей социальных сетей своих публикаций и обратной связи. Сообщество «ЛДПР», показывает большее количество подписчиков, но полученные данные свидетельствуют о низком интересе к публикуемым материалам у читателей. Это

Таблица 1

Социальная сеть «Одноклассники» с 1 по 31 мая 2023 г.

А. Политическая партия «Единая Россия»								
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	LR (%)	TR (%)	Нравится (чел)	Поделилось (чел)	Комментарии (чел)
96337	245	0,3174	2,5088	0,2969	0,0079	70067	2983	1873
Б. Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»								
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	LR (%)	TR (%)	Нравится (чел)	Поделилось (чел)	Комментарии (чел)
35498	101	0,6574	2,1418	0,4928	0,0633	17670	3619	2280
В. Политическая партия «Либерально-демократическая партия России»								
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	LR (%)	TR (%)	Нравится (чел)	Поделилось (чел)	Комментарии (чел)
77465	66	0,0239	0,0509	0,0175	0,0038	895	133	194
Г. Политическая партия «Справедливая Россия-Патриоты-За правду»								
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	LR (%)	TR (%)	Нравится (чел)	Поделилось (чел)	Комментарии (чел)
20981	81	0,1585	0,414	0,1026	0,0136	1743	715	235
Д. Политическая партия «Новые люди»								
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	LR (%)	TR (%)	Нравится (чел)	Поделилось (чел)	Комментарии (чел)
1703	8	1,1744	0,3614	0,4477	0,6239	61	14	85

Примечание: ER – коэффициент вовлеченности (day – по дням, post – по публикациям); LR – коэффициент привлекательности; TR – коэффициент коммуникабельности.

Источник: составлено автором

Таблица 2

Социальная сеть «ВКонтакте» с 1 по 31 мая 2023 г.

А. Политическая партия «Единая Россия»									
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	LR (%)	TR (%)	Нравится (чел)	Поделилось (чел)	Комментарии (чел)	Просмотры (кол-во)
175080	255	0,3559	2,9272	0,3293	0,0105	147010	7194	4671	2774174
Б. Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»									
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	LR (%)	TR (%)	Нравится (чел)	Поделилось (чел)	Комментарии (чел)	Просмотры (кол-во)
106885	108	0,4248	1,4799	0,3236	0,0614	37352	4596	7089	763805
В. Политическая партия «Либерально-демократическая партия России»									
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	LR (%)	TR (%)	Нравится (чел)	Поделилось (чел)	Комментарии (чел)	Просмотры (кол-во)
146430	67	0,1313	0,2838	0,936	0,0166	9184	2073	1626	394577
Г. Политическая партия «Справедливая Россия-Патриоты-За правду»									
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	LR (%)	TR (%)	Нравится (чел)	Поделилось (чел)	Комментарии (чел)	Просмотры (кол-во)
35705	81	0,4447	1,1619	0,2948	0,0789	8525	2054	2281	201447
Д. Политическая партия «Новые люди»									
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	LR (%)	TR (%)	Нравится (чел)	Поделилось (чел)	Комментарии (чел)	Просмотры (кол-во)
41231	20	0,8726	0,6233	0,5097	0,2983	4203	533	2460	272382

Источник: составлено автором.

свидетельствует о неактуальности публикуемого материала и его недостаточной периодичности.

Подписчики «Справедливой России», несмотря на их небольшое количество, показывают высокие (по сравнению с другими изучаемыми сообществами) цифры вовлеченности к публикуемым материалам, что косвенно подтверждается количеством комментариев и репостов.

Паблик политической партии «Новые люди», созданной не так давно по отношению к другим политическим партиям⁴, набрал большее количество подписчиков. Показатели контента свидетельствуют о хорошо изложенном интересном и востребованном материале.

Цифры показывают востребованность публикуемой информации сообщества «Единая Россия», а наиболее низкая востребованность контента по привлекательности и коммуникации у «ЛДПР».

Мессенджер «Телеграмм» является более новым по времени создания по сравнению с другими социальными сетями⁵. По популярности контента у подписчиков среди парламентских партий лидером является «Единая Россия», косвенным подтверждением чего является количество просмотров публикаций.

«Новые люди» занимают лидирующие позиции по привлекательности и коммуникации с подписчиками, несмотря на их небольшое количество.

Сообщество «Справедливая Россия» привлекает внимание большим количеством публикуемого материала за изучаемый срок. Цифры вовлеченности пользователей социальных сетей в контенте справедливороссов позволяют предположить, что предложенный материал не достаточно интересен и информационно наполнен.

Сообщество «ЛДПР», несмотря на большое количество подписчиков, находится на низких по отношению к другим изучаемым партиям позициях по вовлеченности участников сообщества к своему материалу, что может свидетельствовать о недостаточно востребованной тематике предлагаемого контента для аудитории пользователей.

Официальные каналы Коммунистической партии Российской Федерации в социальной сети «Телеграмм» отсутствуют.

Социальная сеть «ВКонтакте», является самой распространённой среди населения России и занимает 43% среднесуточного охвата пользователей социальных сетей⁶, активно используется

⁴ Политическая партия «Новые люди» создана в 2020 году.

⁵ Телеграмм начал работать в 2013 г

Таблица 3

Социальная сеть «Телеграмм» с 1 по 31 мая 2023 г.

А. Политическая партия «Единая Россия»						
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	Нравится (чел)	Комментарии (чел)	Просмотры (кол-во)
38116	262	н/д	н/д	н/д	н/д	5664432
Б. Политическая партия «Коммунистическая партия Российской Федерации»						
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	Нравится (чел)	Комментарии (чел)	Просмотры (кол-во)
Отсутствует						
В. Политическая партия «Либерально-демократическая партия России»						
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	Нравится (чел)	Комментарии (чел)	Просмотры (кол-во)
23694	77	0,2571	0,6385	4026	664	666718
Г. Политическая партия «Справедливая Россия-Патриоты-За правду»						
Количество участников (чел)	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	Нравится (чел)	Комментарии (чел)	Просмотры (кол-во)
4700	398	0,0407	0,5223	761	отключены	257890
Д. Политическая партия «Новые люди»						
Количество участников	Опубликовано тем (публикация)	ER post (%)	ER day (%)	Нравится (чел)	Комментарии (чел)	Просмотры (кол-во)
24712	14	2,3234	1,1617	5914	2127	884057

Источник: составлено автором.

«Единой Россией». Основная аудитория пользователей «ВКонтакте» по возрасту – 25 лет – 44 года, с охватом 86% интернет аудитории. Самая активная аудитория по возрасту – 16 лет – 24 года.

Востребованность социальной сети «Одноклассники» низкая по сравнению с другими социальными сетями и составляет 17% по охвату, хотя в сети зарегистрирован каждый седьмой россиянин. Здесь лидерство принадлежит «Единой России». Основная возрастная группа «Одноклассников» составляет 35 лет – 54 года.

Просмотр мессенджера «Телеграмм» занимает 33% времени у пользователей социальных сетей. Первенство по посещаемости контента пользователями принадлежит партии «Единая Россия». Партия «Новые люди» активно осваивает этот канал коммуникации.

Статистика «Телеграмм» показывает, что основной возраст населения, пользующегося телеграмм-каналами, 25 лет – 34 года, а это одна из основных возрастных групп избирателей, приходящих на избирательные участки в день выборов. Пользователи в основном являются жителями крупных городов.

Исследования показали [Першин, 2019. С. 180], что за партию Единая Россия голосует в основном электорат 40 – 49 лет, за КПРФ и ЛДПР – от 50 лет, за партию Справедливая Россия – Патриоты – За Правду – 18–28 лет. Электоральной составляющей политической партии «Новые люди» является молодежь (18–35 лет)⁷.

Заключение

Важным показателем в исследовании являются коэффициенты, указывающие на интерес участников социальных сетей к публикуемым сообщениям.

Так, коэффициент вовлеченности (ER) отображает количество пользователей, которые проявили любую активность по опубликованному сообщению. В процентах этот коэффициент мы получаем математически: произведением количества лайков (дизлайков), комментариев, репостов к отношению количества подписчиков в сообществе.

Коэффициент привлекательности (LR) математически состоит из суммы положительных реакций пользователей на публикуемый контент к отношению количества подписчиков данного контента. Коэффициент показывает насколько

⁶ По данным Mediascope на 13.04.2023. Интернет ресурс: <https://mediascope.net/library/presentations/> (Дата обращения: 06.02.2024)⁵ Телеграмм начал работать в 2013 г

⁷ Фонд общественное мнение. 08.11.2021. Интернет-ресурс: <https://fom.ru/Politika/14640> (Дата обращения: 06.01.2024).

публикация нравится пользователям.

Коэффициент коммунируемости (TR) свидетельствует о вовлеченности аудитории в коммуникацию сообщества за изучаемый период. Коэффициент рассчитывается по отношению суммы комментариев к количеству подписчиков и количеству публикаций за выбранный период.

Полученные данные свидетельствуют, что в социальных сетях для своего электората активно публикуется политическая партия «Единая Россия», занимающая лидирующие позиции на всех площадках, имея наибольший охват посещаемости во всех возрастных категориях. Качественный анализ показал, что публикуемые политические новости привлекают внимание и пользуются поддержкой пользователей социальных сетей.

Коммунистическая партия Российской Федерации имеет высокую популярность контента в социальных сетях среди основного ее электората, но контент недостаточно привлекателен для более молодой аудитории в возрасте 25–35 лет.

Справедливая Россия активно присутствует политическим контентом в социальных сетях, охватывая все категории населения, но необходимо улучшать качество информации и оформления контента.

Либерально-демократическая партия России, несмотря на большее число подписчиков по сравнению с другими партиями, публикует материал, не представляющий интереса для большинства подписчиков, рискуя потерять их в социальных сетях. Наблюдается низкое присутствие информационного контента в популярных у молодежи мессенджерах, что свидетельствует о недостаточном охвате аудитории в новых социальных сетях.

Партия Новые люди активно публикует контент в тех социальных сетях, возрастная аудитория которых в большинстве являются сторонниками партии.

Количественный анализ позволил выявить следующее:

1. Содержание сообщений, предлагаемые политическими партиями и имеющие популярность у пользователей социальных сетей, похожи по содержанию и срокам публикации;

2. Предлагаемый политическими партиями «Единая Россия», «КПРФ»,

Справедливая Россия – Патриоты – За правду» и «Новые люди» контент в социальных сетях соответствует запросам их электората;

3. Политическим партиям «Справедливая Россия – Патриоты – За правду», «ЛДПР» необходимо развивать и наращивать работу в социальных сетях, а «КПРФ» необходимо присутствие в мессенджере «Телеграмм» для расширения электоральной аудитории;

4. «ЛДПР», «Новые люди» и «Справедливой России – Патриоты – За правду» необходима работа по формированию контента и построению постов для большего вовлечения пользователей социальных сетей.

Таким образом, воздействие на эмоциональную составляющую активного и потенциального электората парламентскими политическими партиями в социальных сетях используется не в полном объеме.

Показатели взаимодействия свидетельствуют о возможно недостаточно профессиональной, с точки зрения наполнения, подготовке материалов или его недостаточной актуальности, что влияет на просмотры и реакцию пользователей.

Примером могут послужить сообщества в социальных сетях политической партии «Единая Россия», присутствующей в большинстве социальных сетей в России и имеющей показатели, приведенные в исследовании, отличные в большую сторону по привлекательности от остальных партий.

Партиям необходимо увеличить свое присутствие в онлайн-среде путем привлечения новых подписчиков за счет профессионального подхода к медиальности в социальных сетях.

Дать оценку эффективности использования социальных сетей во время избирательной кампании достаточно сложно. На принятие решения, кому отдать свой голос, влияет много факторов: упоминание в СМИ, общественное мнение и т. п.

Исследование контента политических партий в социальных сетях показывает, что роль информационного воздействия на электорат увеличивается с каждым годом за счет вовлечения населения в социальные сети в целом, и как следствие, участием в политической жизни.

Список источников:

1. Антонов, Д. Е. Аккаунты руководителей субъектов Российской Федерации в социальных сетях как объект исследования политических ценностей россиян // Русская политология. 2020. № 1 (14). С. 133–138. EDN: JUKTIF.
2. Ефанова, Е. В. Формирование имиджа партийных лидеров в социальных медиа // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 2(8). С. 22–31. EDN GUHGCI.
3. Жилавская, И. В. Горячие визуальные медиа как фактор деактивации аудитории // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 4. С. 115–124. EDN SXHKLP.
4. Истон, Д. Категории системного анализа политики // Политология: Хрестоматия / Сост. М. А. Василик, М. С. Вершинин. – М. : Гардарики, 2000. С. 319 – 331.
5. Першин, И. В., Павленко, А. П. Электоральная активность и электоральные предпочтения возрастных групп в выборе политических партий // Лучшая научно-исследовательская работа 2019 : сборник статей XXIII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 15 декабря 2019 года. – Пенза : «Наука и Просвещение», 2019. С. 179–182. EDN XHOSPU.
6. Примаков, В. Л. Медиатизация и ее социальные последствия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. № 1(838). С. 222–240. EDN TYGFDR.
7. Рыбкина, А. П., Шилов, В. Н. Политическая конкуренция: термин, понятие, форма деятельности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Экономика. Информатика. 2011. № 13(108). С. 176–184. EDN PYDBKL.
8. Сморгунов, Л. В., Шерстобитов А. С. Политические сети. Теория и методы анализа. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство «Аспект Пресс», 2018. – 320 с. ISBN 978-5-7567-0751-9. EDN MEVIBP.
9. Черкасова, Т. П., Шутов, М. В. Тренды политической конкуренции в современной России // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 224–228. DOI 10.22394/2079-1690-2021-1-1-224-228. EDN PCMNZ.
10. Castells, M. (2010). The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell. 656 p

References:

1. Antonov, D. E. (2020) Accounts of the leaders of the constituent entities of the Russian Federation in social networks as an object of research of political values of Russians *Russkaya politologiya* [Russian political science], no. 1 (14), pp. 133–138. EDN: JUKTIF (in Russ.).
2. Efanova, E. V. (2023) Formation of the image of party leaders in social media *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava* [Paradigms of management, economics and law], no. 2 (8), pp. 22–31. EDN GUHGCI (in Russ.).
3. Zhilavskaya, I. V. (2014) Hot visual media as a factor in audience deactivation *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Issues of the theory and practice of journalism], no. 4, pp. 115–124. EDN SXHKLP (in Russ.).
4. Easton, D. (2000) Categories of system analysis of politics in Political Science: Reader / Comp. M.A. Vasilik, M.S. Vershinin. – M. : Gardariki, pp. 319–331 (in Russ.).
5. Pershin, I. V., Pavlenko, A. P. (2019) Electoral activity and electoral preferences of age groups in choosing political parties in Best research work 2019: collection of articles of the XXIII International research competition, Penza, December 15, 2019. – Penza: “Science and Education” (IP Gulyaev G.Yu.), pp. 179–182. EDN XHOSPU (in Russ.).
6. Primakov, V. L. (2020) Mediatization and its social consequences *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennyye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences], no. 1 (838), pp. 222–240.

EDN TYGFDR (in Russ.).

7. Rylkina, A. P., Shilov, V. N. (2011) Political competition: term, concept, form of activity *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Informatika* [Scientific statements of Belgorod State University. Series: Economics. Informatics], no. 13 (108), pp. 176–184. EDN PYDBKL (in Russ.).

8. Smorgunov, L. V., Sherstobitov, A. S. (2018) Political networks. Theory and methods of analysis. – Moscow : Limited Liability Company Publishing House “Aspect Press”, 320 p. ISBN 978-5-7567-0751-9. EDN MEVIBP (in Russ.).

9. Cherkasova, T. P., Shutov, M. V. (2021) Trends of political competition in modern Russia *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski* [State and municipal administration. Scientific notes], no. 1, pp. 224–228. DOI 10.22394/2079-1690-2021-1-1-224-228. EDN PCMNPZ (in Russ.).

10. Castells M. (2010). The Information Age: Economy, Society and Culture. Vol. I: The Rise of the Network Society. Second edition. Oxford: Wiley-Blackwell. 656 p. (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Информация об авторе

К. Ю. Агарков – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-западный институт управления – филиал.

Information about the author

K. Yu. Agarkov – Postgraduate student, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the North-Western institute of management – branch of RANEPA.

Научная статья

УДК 330.34

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-145-157

Влияние бережливого производства на конкурентоспособность российской промышленности

Михаил Сергеевич Вагин

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет,

Санкт-Петербург, Россия

vaginms@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3833-4623>

Аннотация. Отечественная промышленность переживает критически важный этап своего развития. По сути, стране брошен вызов, и чтобы его выдержать требуется комплексный, системный подход, направленный на всестороннее развитие. Совершенствование управленческих практик, повышение производительности труда и эффективности производственных процессов являются тактическими шагами в ближайшей перспективе, их применение в совокупности с инновациями и передовыми научными разработками позволит России преодолеть геополитические барьеры и добиться стратегического превосходства в конкурентной борьбе на международном промышленном рынке. В статье обсуждаются факторы, влияющие на конкурентоспособность российской промышленности. Рассматривается ее оценка в мире с применением Индекса конкурентоспособности промышленности (Competitive Industrial Performance (CIP) index). Анализ проводится с позиции «до» и «после» 2022 г., переломного в силу крайне обострившихся геополитических разногласий и жесткого санкционного давления. Отмечается, что произошедшие перемены не ограничиваются территорией Российской Федерации. Перераспределение энергетических потоков вызвало тектонические сдвиги во всей европейской промышленности, в том числе немецкой, во многом предопределив снижение конкурентоспособности. В статье рассматриваются направления реализации экономики будущего – «экономики предложения». Особый акцент сделан на понимание значимости методик «бережливого производства» для развития российской промышленности в текущих условиях. Сформулированы проблемные вопросы, влияющие на ход внедрения бережливого производства российскими промышленными предприятиями.

Ключевые слова: промышленность, конкурентоспособность, индекс CIP, производительность, бережливое производство

Для цитирования: Вагин М. С. Влияние бережливого производства на конкурентоспособность российской промышленности // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 145–157. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-145-157>

Original article

The Impact of Lean Manufacturing on the Competitiveness of Russian Industry

Mikhail S. Vagin

The Saint Petersburg State Marine Technical University, Saint Petersburg, Russia

vaginms@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-3833-4623>

Abstract. *The domestic industry is experiencing a critically important stage in its development. The country is essentially facing a challenge and to withstand it requires a comprehensive, systematic approach aimed at all-around development. The improvement of management practices, increased labor productivity and the efficiency of production processes are tactical steps for the near future. Implementing these measures, combined with innovations and advanced scientific developments, will enable Russia to overcome geopolitical barriers and achieve strategic superiority in the competitive struggle on the international industrial market. The article points out the factors affecting the competitiveness of Russian industry. It examines its global assessment using the Competitive Industrial Performance (CIP) index. The analysis is conducted from the perspective of «before» and «after» 2022, a year marked by extreme geopolitical tensions and severe sanctions, which has become a turning point in many ways. It is worth noting that the changes extend beyond the borders of the Russian Federation. The redistribution of energy flows has caused tectonic shifts throughout European industry, significantly impacting competitiveness, including that of Germany. The article explores the pathways for implementing the economy of the future - the «supply-side economy.» Special emphasis is placed on understanding the significance of lean manufacturing methodologies for the development of Russian industry under current conditions. Problematic issues affecting the implementation of lean manufacturing by Russian industrial enterprises are formulated.*

Keywords: *industry, competitiveness, CIP index, efficiency, lean manufacturing*

For citation: Vagin M. S. (2025) The Impact of Lean Manufacturing on the Competitiveness of Russian Industry *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 145–157. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-145-157>

Введение

За последние десятилетия мировая промышленность претерпела значительные преобразования, характеризующиеся быстрым технологическим прогрессом, изменением структуры торговли и более динамичным развитием конкуренции. Исторически, обладая обширными природными ресурсами и сильными традициями в научной и инженерной областях, промышленный потенциал России остается приоритетным объектом исследования для ученых и специалистов-практиков.

Одним из показателей в плане оценки конкурентоспособности промышленности на мировой арене является индекс конкурентоспособных промышленных показателей (CIP). Разработанный Организацией Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), индекс CIP является важным инструментом для оценки и сравнения промышленных показателей разных стран. Он состоит из ряда показателей, включая добавленную стоимость производства, экспортный потенциал, интенсивность индустриализации и техноло-

гическое развитие. Индекс дает детальное и многогранное представление о сильных и слабых сторонах промышленности страны, позволяя проводить обоснованный анализ и стратегическое планирование.

Безусловно, наряду с CIP существуют и другие сводные показатели, характеризующие конкурентоспособность и деловую активность, например, индекс глобальной конкурентоспособности (Global Competitiveness Index, GCI), всемирная таблица конкурентоспособности (World Competitiveness Scoreboard, WCS), индекс предпринимательской деятельности (The Doing Business Index, DBI) [Упадхьяя, 2019]. Отличительной чертой индекса конкурентоспособности CIP является его сфокусированность на анализе промышленности с высокой добавленной стоимостью и технологическим вкладом. В то время как упомянутые Индексы GCI и DBI по большей части характеризуют потенциал экономического роста и ведения предпринимательской деятельности в целом. Немаловажным аргументом являются данные, используемые для расчетов индекса. В

основе СІР используются только результаты статистических измерений, в то время как GCI и WCS наряду со статическими показателями используют показатели, основанные на восприятии респондентов, которые в условиях сложной международной обстановки могут искажать результаты проводимого исследования.

Обсуждая конкурентоспособность промышленности Российской Федерации, особое внимание следует уделить машиностроительному сектору, охватывающему такие области, как тяжелое машиностроение, аэрокосмическая промышленность, автомобилестроение и ОПК. Этот сектор служит барометром технологического прогресса России и ее интеграции в мировую промышленную систему.

Важнейшим звеном в повышении конкурентоспособности промышленности является концепция бережливого производства. Бережливое производство, основанное на производственной системе Toyota, представляет собой методологию, направленную на максимизацию ценности для клиентов при минимизации отходов. Оно включает в себя ряд практик и принципов, направленных на повышение эффективности, снижение затрат и повышение качества продукции. Внедрение бережливого производства было признано во всем мире ключевым фактором конкурентоспособности промышленности [Dutta, 2014].

В данном исследовании ставится задача провести анализ конкурентоспособности промышленности России, проанализировать методологию ее оценки в контексте индекса СІР, рассмотреть особенности внедрения методов бережливого производства и их влияние на конкурентоспособность. Результирующая цель статьи – дать представление о потенциальных путях повышения промышленных показателей России и ее позиций на мировом рынке.

Следует отметить, что несмотря на то, что индекс СІР ежегодно рассчитывается с 2002 г. и публикуется более чем по 140 странам мира, количество российских ис-

следователей, применяющих индекс промышленной конкурентоспособности, невелико. Научное сообщество не в полной мере дало оценку применимости данного индекса для оценки потенциала экономики производить и экспортировать промышленные товары на конкурентоспособном уровне. С учетом вышеизложенного актуальность поставленных задач и практическая значимость данного исследования видится автору актуальной.

Индекс промышленной конкурентоспособности (СІР) и российская промышленность

С 2003 г. ЮНИДО приступил к составлению индекса промышленной конкурентоспособности СІР¹. На официальном сайте размещены показатели начиная с 1990 г., что позволяет детально отследить динамику более чем за три прошедших десятилетия. Однако по состоянию на май 2024 г. индекс рассчитан исходя из статистических данных 2021 г., что говорит о значительном временном лаге, необходимом для сбора и обработки статистических данных при расчете индекса.

По последним опубликованным данным лидерами в рейтинге самой конкурентоспособной промышленности являются Германия, Китай, Ирландия, Республика Корея, Соединённые Штаты Америки (табл. 1).

Россия занимает 34 место, находясь в одной группе со Словенией, Австралией, Саудовской Аравией, Румынией.

Для Российской Федерации индекс СІР служит важным инструментом анализа ее промышленного профиля. Исторически Россия демонстрирует значительный промышленный потенциал, подкрепленный богатыми природными ресурсами и прочной фундаментальной базой в области науки и техники. Поэтому переход от ресурсоориентированной к более диверсифицированной и технологически продвинутой структуре создаст условия промышленной независимости.

Прослеживая динамику расположения некоторых стран по индексу конкурентоспособных промышленных показателей

¹ Индекс конкурентоспособности промышленности 2020 // Министерство экономического развития и сокращения бедности Республики Узбекистан, Ташкент, 2020 г. URL: https://tinpesonpotu.gov.uz/uploads/Индекс_конкурентоспособности_промышленности_2020.pdf (дата обращения: 11.02.2024)

Таблица 1

Рейтинг стран СІР, 2021²

9	Страна	Значение индекса СІР	Группа
1	Германия	0,404114288	Лидер
2	Китай	0,374429056	Лидер
3	Ирландия	0,341506923	Лидер
4	Республика Корея	0,319123743	Лидер
5	США	0,307048604	Лидер
...			
32	Словения	0,104391704	Выше среднего
33	Австралия	0,10344965	Выше среднего
34	Российская Федерация	0,094050447	Выше среднего
35	Саудовская Аравия	0,091682365	Выше среднего
36	Румыния	0,089784038	Выше среднего
...			
147	Бурунди	0,001196867	Нижняя группа
148	Афганистан	7,53E-04	Нижняя группа
149	Эритрея	4,54E-04	Нижняя группа
150	Гамбия	0	Нижняя группа
150	Ирак	0	Нижняя группа
150	Тонга	0	Нижняя группа
150	Йемен	0	Нижняя группа

с 1991 по 2021 г., можно отметить стабильно лидирующее положение Германии (рис. 1). Экономика США, имеющая особенности постиндустриального общества с широко развитой сферой услуг, несмотря на некоторый спад, наметившийся с 2011 г. остаётся на первых позициях в авиа и ракетостроении, микроэлектронике и телекоммуникациях, транспортном и энергетическом машиностроении, фармацевтической и медицинской промышленности, производстве сверхчистых материалов.

Неплохую динамику продемонстрировали Ирландия и Корея, поднявшись с 18-го и 15-го места соответственно. Ирландия к 1991 г. обладала традиционной пищевой, текстильной, швейной, химической промышленностью, но за счет проведения последовательной экономической политики привлечения прямых иностранных капиталовложений Ирландия быстро развила такие высокотехнологичные и наукоемкие отрасли, как фармацевтика, электроника, информа-

ционные технологии, подняв конкурентоспособность своей промышленности на 15 ступеней вверх.

На рисунке 2 видно, что Ирландия в последние два десятилетия является непревзойденным лидером по созданию добавленной стоимости на душу населения.

Добавленная стоимость в промышленном секторе (MVA) отражает объем промышленного производства, в котором у России доминирует энергетический сектор, особенно нефть и газ.

Российская Федерация унаследовала технологический опыт в таких областях, как аэрокосмическая промышленность, машиностроение, оборонно-промышленный комплекс, но для повышения конкурентоспособности необходима более широкая интеграция передовых технологий по всему промышленному спектру. При этом после распада СССР, сфокусировавшись на ресурсном секторе экономики, Россия значительно снизила долю средне и высокотехнологичной промышленной продукции (с 0,45 в 1991 г.

² UNIDO Statistics Data Portal // United Nations Industrial Development Organization. URL: <https://stat.unido.org/#> (дата обращения: 11.02.2024)

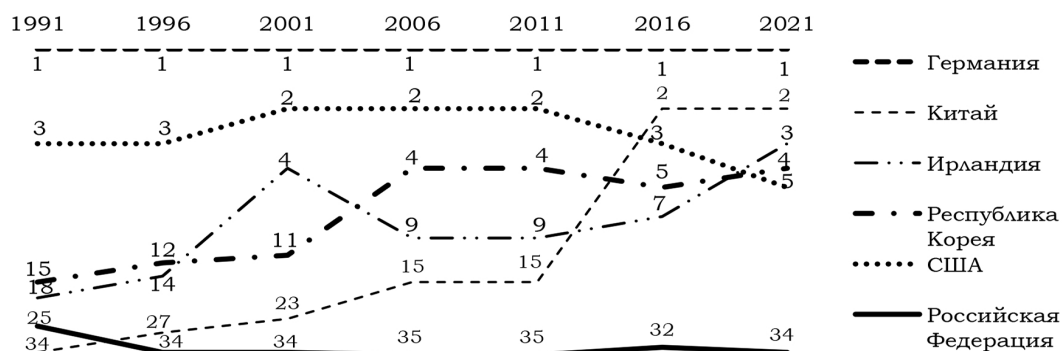

Рис. 1. Динамика расположения некоторых стран по индексу СІР 1991–2021 г.³

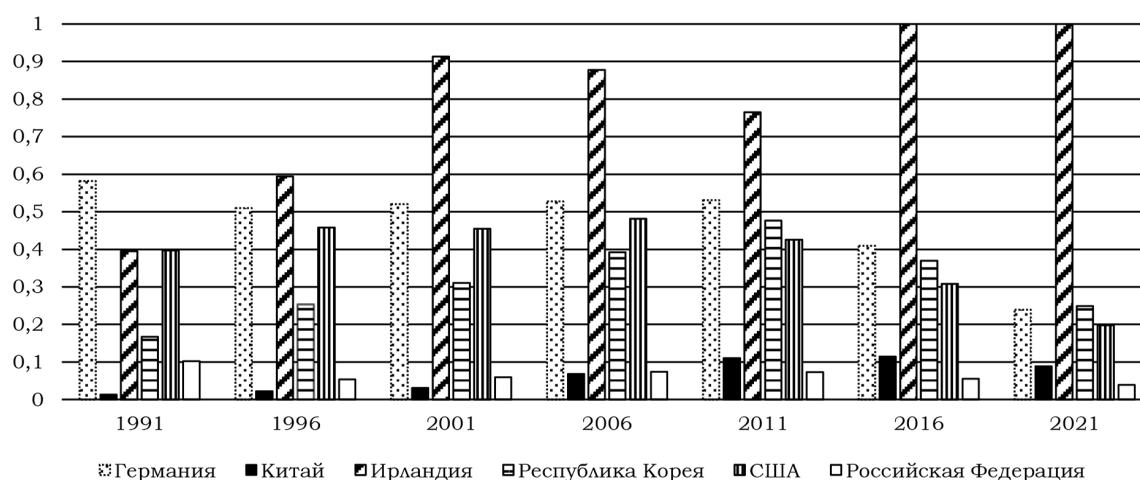

Рис. 2. MVArc (добавленная стоимость промышленности на душу населения)

до 0,25 в 2011 г.) и хотя с 2011 наметился незначительный подъем технологичной продукции, её доля остается относительно небольшой, проигрывая уровню 1991 г. более десяти пунктов (рис. 3).

В последнее время Российская Федерация все большее внимания уделяет диверсификации промышленной базы с акцентом на развитие производственных секторов, однако добыча природных ресурсов к 2021 г. остается доминирующей. В свою очередь Китай с 1991 по 2021 г. увеличил долю средне и высокотехнологичной продукции в два раза.

Экспортный потенциал Ирландии, Германии и Республики Корея в пересчете на душу населения является доминирующим (рис. 4). Профиль экспорта России также сильно смещен в сторону энергоресурсов. И хотя это приносит

значительные доходы в моменте, стратегически замедляет диверсификацию экспортной продукции по сравнению с ведущими промышленно развитыми странами [Сальманов, 2019]. Например, машиностроение, представленное на внутреннем рынке, остается довольно скромным в экспортной корзине.

Машиностроительный сектор России охватывает широкий спектр отраслей промышленности от тяжелого машиностроения до аэрокосмической и автомобильной. Играя важную роль в промышленном потенциале страны, этот сектор не только вносит значительный вклад в национальную экономику, но и воплощает технологическое мастерство и инновационный потенциал страны, характеризую конкурентоспособность российской промышленности в целом.

³ UNIDO industrial statistics. International yearbook 2023. // United Nations Industrial Development Organization. URL: <https://www.unido.org/> (дата обращения: 11.09.2024)

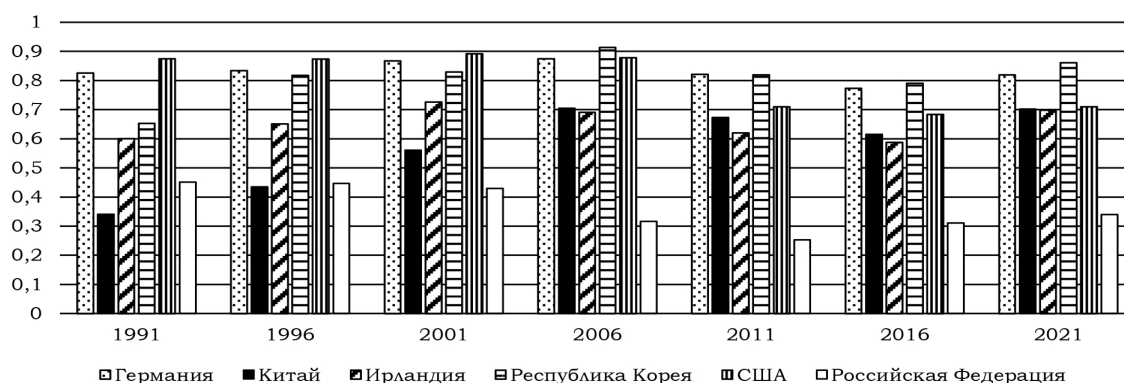

Рис. 3. Доля средне и высокотехнологичной продукции в экспорте промышленных товаров

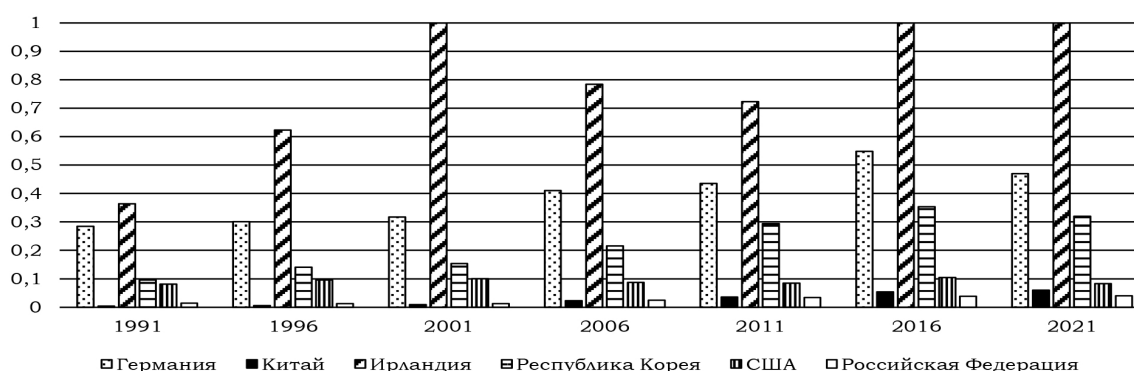

Рис. 4. Экспорт промышленной продукции на душу населения (MХрс)

Россия имеет давнюю историю в области тяжелого машиностроения, с акцентом на оборудование для таких секторов, как горнодобывающая промышленность, энергетика и строительство. Охватывая значительный внутренний рынок, упирается в проблемы технологической модернизации и адаптации к требованиям глобального рынка.

Аэрокосмическая промышленность и ОПК России признаны во всем мире. Производители военной техники, самолетов, космических аппаратов и связанных с ними технологий желанные гости на любых международных выставках. Несмотря на то, что сектор продемонстрировал устойчивость и инновационность, он сталкивается с постоянными проблемами глобальной конкуренции, технологических достижений и воздействия международных санкций.

Сегодня в машиностроительном секторе, да и во всей российской промышленности, растет потребность в инновациях, особенно в освоении новых технологий

и интеграции в глобальную цепочку создания добавленной стоимости высокотехнологичной продукции. Идти в ногу со стремительным технологическим прогрессом во всем мире имеет решающее значение для поддержания и повышения конкурентоспособности.

Один из субиндикаторов индекса СІР – степень интенсивности индустриализации (INDint) Данный показатель характеризует роль и технологическую сложность промышленности. Рассчитывается как среднее двух индикаторов [Горбачева, 2019]:

- доля добавленной стоимости средне и высокотехнологичных отраслей в добавленной стоимости всей промышленности;
- доля добавленной стоимости промышленности в ВВП.

В общем Россия имеет неплохие показатели индустриализации, однако развития не происходит и отставание от Германии, Китая, Ирландии, Кореи заметно усилилось (рис. 5).

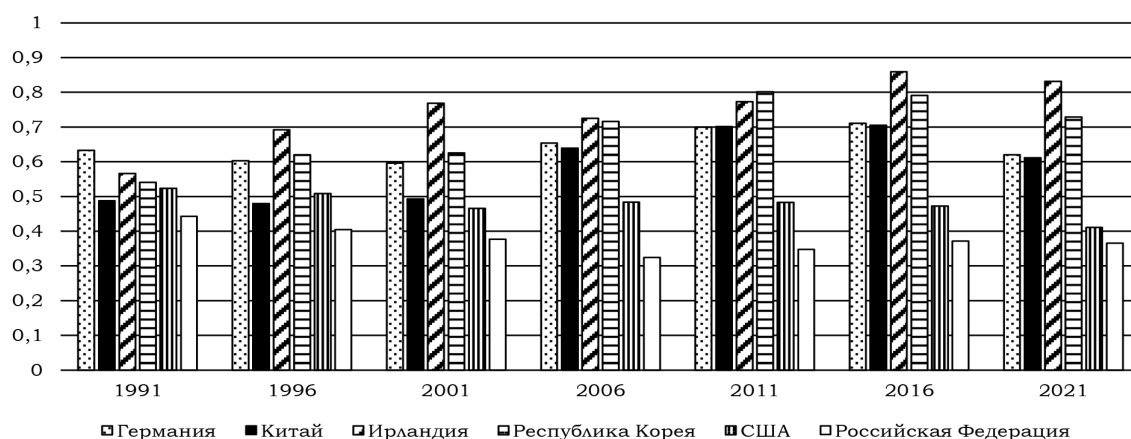

Рис. 5. Степень интенсивности индустриализации (INDInt)

На позицию России в индексе СІР влияют множество разнообразных факторов, включая экономические санкции, колебания мировых цен на нефть, внутренние структурные проблемы. При этом Российская Федерация сохраняет относительно сильную промышленную базу, но необходимость модернизации, технологического перевооружения и перехода к более диверсифицированной промышленной структуре очевидна. Так можно кратко охарактеризовать конкурентоспособность российской промышленности к концу 2021 г.

Промышленная конкурентоспособность с 2022 г.

Как было отмечено выше, индекс СІР требует значительного времени на обработку данных и не может оперативно характеризовать текущую обстановку. В то же время, начиная с 2022 г., ситуация начала кардинально меняться.

Начавшийся с 2017 г. спад промышленного производства в Германии значительно ускорился в 2022 г. Возросшие более чем в два раза цены на электроэнергию существенно влияют на себестоимость производства, вызывая снижение конкурентоспособности европейской промышленности, в первую очередь немецкой. Министр финансов Германии Кристиан Линднер, выступая на мероприятии Bloomberg во Франкфурте 5

февраля 2024 г., заявил: «Мы больше не конкурентоспособны»⁴.

Одной из наиболее пострадавших отраслей стала химическая промышленность, что является следствием потери Германией дешевого российского газа. Lanxess планирует уволить почти 900 рабочих из-за падения спроса на химическую продукцию [Wilkes, 2023]. BASF заявила, что сократит 2600 рабочих мест по причине высоких издержек и снижения прибыли европейских подразделений⁵. Снижение конкурентоспособности промышленности угрожает ввергнуть Германию в нисходящую спираль, считает Мария Реттгер, глава подразделения по Северной Европе Michelin. «Несмотря на мотивацию наших сотрудников, мы достигли точки, когда не можем экспортировать шины для грузовых автомобилей из Германии по конкурентоспособным ценам», – сказала она в интервью Bloomberg [Eckl-Dorna, Randow, Look, Sorge, 2024].

В то же время, по данным Росстата, в России за 2023 г. объем промышленного производства вырос на 3,5%. Основной вклад в положительную динамику промышленности внесла выпуск обрабатывающая промышленность, рост которой достиг 7,5%. Достигнутые показатели свидетельствуют о том, что российская промышленность успешно прошла адаптацию к изменившимся внешнеэконо-

⁴ Министр финансов Германии заявил о бедности и неконкурентоспособности страны. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6493797>

⁵ BASF to cut 2,600 jobs, flags earnings decline. The Economic Times. // News <https://economictimes.indiatimes.com/news/international/business/basf-to-cut-2600-jobs-flags-earnings-decline/articleshow/98200802.cms> (дата обращения: 08.05.2024).

мическим условиям⁶.

Если раньше основной упор делался на добычу и экспорт ресурсов, то теперь значительными темпами прирастает обрабатывающая промышленность. В лидерах производство металлических изделий, кроме машин и оборудования, (+27,8% к данным 2022 г.), производство компьютеров, электроники и оптики (+32,8%), а также производство прочих транспортных средств и оборудования (+25,5%) [Деготькова, 2024], электрооборудования (+19,0%).

В первую очередь упор делается на закрытие внутреннего спроса страны, особенно потребностей, связанных с проведением специальной военной операции (СВО). Так, премьер-министр РФ Михаил Мишустин во время отчета правительства РФ в Госдуме привел данные за 2023 г.: «Увеличили выпуск техники и вооружения, средств защиты и радиоэлектронной борьбы, комплектов медицинского оборудования для использования в том числе в полевых условиях, военной экипировки. По очень многим позициям – в разы. По автомобилям и бронетанковому вооружению – втрое, по средствам поражения – в семь раз, по технике связи, радиоэлектронной борьбы и разведки – в девять раз»⁷.

Российская экономика демонстрирует значительные успехи в области импортозамещения высокотехнологичной продукции, причем ключевую роль в этом процессе играет оборонно-промышленный комплекс (ОПК). И это не случайно, ведь традиционно в ОПК сосредоточены передовые технологии и высококвалифицированные кадры.

Например, Концерн «Калашников» на выставке «Металлообработка – 2024» представил более сотни образцов своей продукции, включая станки с числовым программным управлением и изделия, полученные по технологии прямого лазер-

ного выращивания, а ПО «Стрела» – прецизионный металлорежущий инструмент общепромышленного назначения. «ГОЗ Обуховский завод» начал производство промышленного аддитивного оборудования, включая песчаные 3D-принтеры и атомайзеры, полностью локализовав процесс и используя отечественные материалы и ПО. Корпорация «Тактическое ракетное вооружение» разработала линейку инновационных композитных эндопротезов и гамма-терапевтический комплекс «Рокус-Р». Холдинг «Швабе» выпускает широкий спектр медицинского оборудования, включая фотометры, кольпоскопы и транспортные инкубаторы для новорожденных.

Оборонно-промышленный комплекс является драйвером для всей промышленности и вносит значительный вклад в экономику России через создание новых рабочих мест, увеличение налоговых поступлений и стимулирование смежных отраслей, таких как металлургия, машиностроение, электроника и химическая промышленность.

В 2024 г., 29 февраля Президент России В. В. Путин в Послании Федеральному Собранию отметил, что доля импорта за 1999 г. составляла 26% ВВП. В 2023 г. она снизилась до 19% ВВП, или 32 трлн руб. А в период до 2030 г. нужно выйти на уровень импорта не более 17%⁸.

Для достижения таких показателей обрабатывающей промышленности придется больше и больше осваивать наукоемкие и высокотехнологичные производства, налаживать собственный выпуск лекарств, станков и оборудования.

Научный потенциал и фундаментальные исследования всегда были сильной стороной России. Вот и сейчас сложно переоценить имеющиеся разработки по самым перспективным направлениям науки и техники. На территории России реализуются восемь проектов класса ме-

⁶ О динамике промышленного производства. Итоги 2023 года. // Министерство экономического развития Российской Федерации URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/fb0c841a059708b397b444a18ee41ffb/o_dinamike_promyshlennogo_proizvodstva_itogi_2023_goda.pdf (дата обращения: 17.05.2024)

⁷ Мишустин: ОПК РФ в 2023 году в разы увеличил выпуск различной техники и вооружений. URL: <https://tass.ru/armiya-i-opk/20432949>

⁸ Путин заявил, что Россия к 2030 году должна снизить долю импорта до 17% ВВП. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20116135>

гасайенс, которые не имеют аналогов в мире или превосходят по своим качественным характеристикам существующие установки⁹. Кроме того, ведутся исследования в области природоподобных технологий, искусственного интеллекта, созданию квантового компьютера. Данные технологии позволят России занять ведущие позиции в эпоху индустрии 4.0.

Однако мало иметь совершенные технологии, нужно иметь возможность их использования. Экономика страны должна трансформироваться. Так, на площадке ПМЭФ-2023 В. В. Путин озвучил шесть направлений для развития экономики будущего в России.

В рамках данного исследования особый интерес представляют два, казалось бы, взаимоисключающих направления: автоматизация и освоение технологий искусственного интеллекта; распространение системы «бережного производства». Если автоматизация и новые цифровые технологии (машинное обучение, большие данные, искусственный интеллект) уверенно вписываются в современный тренд Индустрии 4.0, то система «бережливого производства», зародившаяся в

1950-е годы может вызвать вопросы.

Однако все больше экспертов приходят к осознанию того, что цифровые технологии не смогут заменить бережливые инструменты. Кроме того, отмечается, что совместное применение бережливых и цифровых инструментов является более эффективным.

Потенциал расширения производственных мощностей ограничен, а в ряде отраслей невозможен без дополнительных вложений. При этом возросший внутренний спрос, вызванный санкционными ограничениями, обеспечил на ряде предприятий рекордную загрузку оборудования.

По данным департамента исследований и прогнозирования Банка России, инвестиционная активность 51% предприятий сдерживается ограниченной доступностью кадров, 46% опрошенных испытывают проблемы в связи с высокой стоимостью приобретения оборудования, у 38% проблемы поставок по импорту¹⁰.

В этих условиях концепция бережливого производства выделена не случайно. Повышение производительности труда, сокращение издержек, оптимизация

Рис. 6. Шесть направлений реализации модели «экономики предложения» [Гринкевич, Козлов, Костенко, 2023]

⁹ Технопром-2023: проекты класса «мегасайенс» стали драйвером пространственного развития страны. [Электронный ресурс] // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/наука/72141/> (дата обращения: 07.05.2024)

¹⁰ Инвестиционная активность в промышленности в 2023 году: Результаты опроса предприятий. Аналитическая записка Январь 2024 // Официальный сайт Банка России URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/158056/analytic_note_20240109_dip.pdf (дата обращения: 17.05.2024)

производственных процессов являются главными задачами концепции БП.

Бережливое производство в российской промышленности

Концепция бережливого производства (БП, Lean), основанная на повышении эффективности и минимизации отходов, получила мировое признание как ключевой фактор конкурентоспособности промышленности. Бережливое производство представляет собой набор принципов и практик, направленных на создание ценности для конечного потребителя с минимальными затратами. В этой методологии особое внимание уделяется непрерывному совершенствованию и устранению видов деятельности, которые не добавляют ценности.

Проблемы, с которыми сталкивается внедрение бережливого производства в России, особенно остро проявляются в уникальных характеристиках рабочей культуры. Анализ научных статей и экспертных оценок показал, что российский менталитет по праву может считаться главной проблемой внедрения бережливых технологий (рис. 7).

Консерватизм в рабочей культуре, традиционные методы работы глубоко укоренились, а любые попытки изменений часто встречают сопротивление со стороны сотрудников. Строгая иерархия и централизованное управление затрудняют принятие гибких, адаптивных подходов, необходимых для бережливого производства.

Не менее заметную долю занимают проблемы образовательно методологического

характера. Вместе эти две группы составляют более 70% всех упоминаний. Однако без «Коммуникационно управленческих», «Инфраструктурно технологических» и «Экономико-политических» причин структурная картина будет не полной.

Ряд крупнейших предприятий России, уже внедривших бережливые технологии (КамАЗ, Группа ГАЗ, Росатом, Алмаз-Антей, Русал, Сбербанк, ЕвразХолдинг, Еврохим и РЖД и др.), отчитываются о своих достижениях и делятся практическим опытом¹² [Маркова, Марков, 2018; Смирнов, Сорокин, 2022]. Тем не менее в целом по стране отсутствует системная подготовка квалифицированных специалистов в данной области. По большому счету существует всего несколько компаний проводящих тренинги и осуществляющих консалтинг по внедрению.

Недостаточная прозрачность и открытость в коммуникациях между различными уровнями и отделами организации приводит к неэффективному внутреннему общению. Различные изменения и нововведения, внедренные в структурных подразделениях, зачастую не стыкуются с бизнес-процессами смежных отделов.

Некоторые отрасли промышленности сталкиваются с инфраструктурными и технологическими ограничениями, которые препятствуют внедрению методов бережливого производства. Модернизация оборудования и процессов часто является необходимым условием эффективного бережливого производства.

Экономическая нестабильность и политические факторы, включая санкции

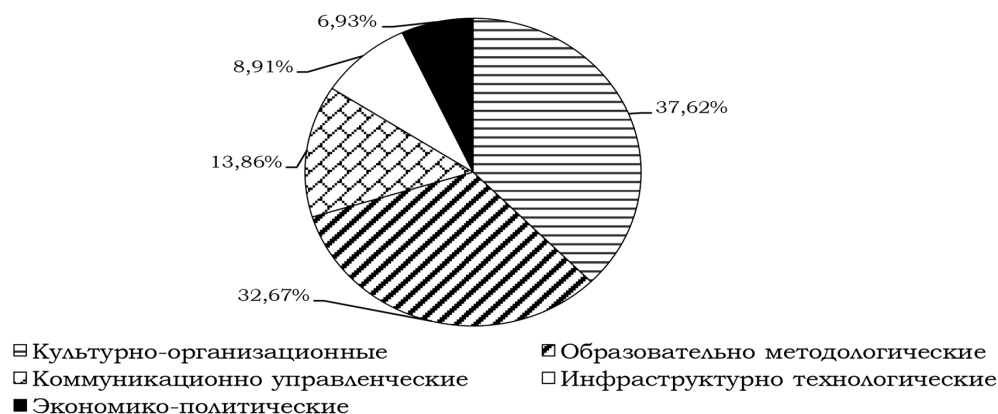

Рис. 7. Группировка проблем внедрения бережливого производства в России¹¹

¹¹ Составлено автором на основе экспертных оценок

и торговые ограничения, тормозят внедрение методов бережливого производства, ограничивая инвестиции и бизнес-планирование.

В то же время развитие культуры инноваций способствует более гибким и отзывчивым процессам в российской промышленности. Практика непрерывного совершенствования улучшает не только внешний вид или функциональные характеристики продукта, но и производственные процессы, тем самым повышая общую конкурентоспособность.

Фокус на совершенствовании и сокращении дефектов значительно повышает качество продукции, что является немаловажным фактором, влияющим на конкурентоспособность. Повышение качества не только снижет затраты, связанные с переделками и гарантийными претензиями, но и укрепляет репутацию российской машиностроительной продукции на мировом рынке, особенно в секторах, где надежность и точность имеют перво-

степенное значение.

Анализируя взаимосвязи между внедрением инструментов бережливого производства и экономической эффективностью предприятия, нужно отметить наличие обратного влияния. Рост экономической эффективности создаёт ресурсы для масштабирования бережливого производства (рис.8).

В целом российская промышленность только приступает к освоению концепции, в то время как индустриальные страны (Япония, Германия и Соединенные Штаты), десятилетиями совершенствовавшие инструменты промышленного менеджмента, теперь демонстрируют зрелые и глубоко интегрированные методики бережливого производства.

Вывод

Внедрение бережливого производства в России продемонстрировало положительный эффект с точки зрения операционной эффективности, снижения затрат, повышения качества и

Таблица 2

Влияние факторов бережливого производства на экономическую эффективность и конкурентоспособность

Факторы бережливого производства	Результаты экономической эффективности
Устранение потерь (Muda) в бизнес-процессах	Сокращение затрат
Введение стандартов работы, систем 5S и Kaizen	Повышение производительности труда
Внедрение Poka-Yoke, контроль качества	Улучшение качества продукции
Внедрение Just-in-Time, устранение простоев	Уменьшение времени производственного цикла
Внедрение SMED (быстрая переналадка).	Гибкость производства
Применение Kanban, управление запасами	Оптимизация цепочки поставок
Внедрение TPM (Total Productive Maintenance)	Повышение надежности оборудования
Вытягивающая система (Pull)	Снижение уровня запасов

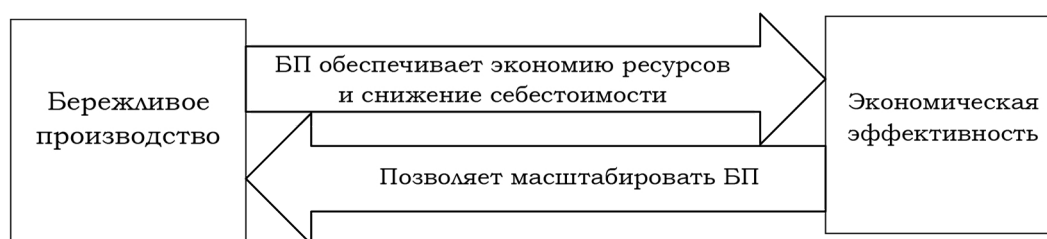

Рис. 8. Взаимосвязи бережливого производства и экономической эффективности

¹² Пресс-центр «КАМАЗ». «КАМАЗ» поделился опытом в сфере бережливого производства [Электронный ресурс] // Официальный сайт «КАМАЗ». URL: https://kamaz.ru/press/releases/kamaz_podelilsya_opytom_v_sfere_berezhlivogo_proizvodstva/ (дата обращения: 15.12.2023)

формирования культуры непрерывных инноваций. Эти изменения имеют важное значение для повышения конкурентоспособности на мировом рынке. Однако весь потенциал бережливого производства еще предстоит реализовать, поскольку проблемы, связанные с культурной адаптацией, технологической модернизацией, развитием квалифицированной рабочей силы и экономико-политическими факторами, продолжают создавать препятствия.

Сравнительный анализ с ведущими промышленными странами показал, что российская промышленность значительно отстает в некоторых вопросах конкурентоспособности, особенно в технологическом прогрессе и инновациях. При этом с 2022 г. наметился существенный перелом. Промышленно развитые европейские страны в следствие энергетических проблем теряют конкурентные преимущества своих предприятий. Российская же обрабатывающая промышленность, наоборот, начинает набирать обороты.

Возможности для роста и повышения конкурентоспособности лежат в нескольких областях. Государственная поддерж-

ка и политические инициативы, направленные на продвижение технологических инноваций, бережливого образования и модернизации, могут сыграть ключевую роль. Кроме того, активизация международного партнерства, сосредоточение внимания на исследованиях и разработках в области искусственного интеллекта, больших данных, предиктивной аналитики, машинного обучения могут стать катализатором развития.

Российская промышленность находится на критически важном этапе. Интеграция практик бережливого производства в сочетании со стратегическими инициативами по технологическому и организационному развитию представляет собой многообещающий путь для повышения промышленной независимости страны на мировой промышленной арене. Постоянные усилия по решению проблем и использованию возможностей необходимы для достижения устойчивого роста и повышения конкурентоспособности. Этот путь сложен и требует многогранного подхода, но потенциальные выгоды для российской экономики и ее промышленного потенциала значительны.

Список источников:

1. Гринкевич, Д., Козлов, А., Костенко, Я. Как будет работать представленная Путиным новая модель развития России. URL: <https://vedomosti.ru.turbopages.org/vedomosti.ru/s/economics/articles/2023/06/19/981092-kak-budet-rabotat-predstavlennaya-putinim-novaya-model-razvitiya-rossii> (дата обращения: 07.09.2024)
2. Горбачева, Н. В. Индекс промышленной конкурентоспособности. // Россия в зеркале международных рейтингов Информационно-справочное издание. Новосибирск, 2019. С. 40–51. EDN YWZMXR.
3. Деготькова, И. Рост промышленности в России в пять раз превысил уровень 2022 года. URL: <https://www.rbc.ru/economics/31/01/2024/65ba64589a794776cf49b625> (дата обращения: 08.05.2024)
4. Маркова, Н. А., Марков, Д. А. Проблемы внедрения концепции бережливого производства на предприятиях // Управленец. 2018. Т. 9. №6. С. 40–48. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-6-4. EDN YYQJNJ.
5. Сальманов, С. М. Роль минерально-сырьевой базы и ее влияние на экономику стран мира // Инновации и инвестиции. 2023. № 1. С. 62–66. EDN CXKUMN.
6. Смирнов, С. А., Сорокин, Г. С. Применение бережливого производства в российских компаниях // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2022. №4 (42). С. 55–67. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-55-67. EDN XTADWI.
7. Упадхья, Ш. Сводный показатель промышленного развития для международного сравнительного анализа // Вопросы статистики. 2019. Т.26(1). С. 35–43. EDN YYFUT.
8. Dutta, A. B., Banerjee, S. Review of lean manufacturing issues and challenges in manufacturing process // International Journal of Research in Business Management. 2014. Vol. 2 (4). P. 27–36.
9. Eckl-Dorna, W., Randow, J., Look, C., Sorge, P. Germany's Days as an Industrial Superpower Are Coming to an End. URL: <https://www.bloomberg.com/news/>

features/2024-02-10/why-germany-s-days-as-an-industrial-superpower-are-coming-to-an-end (дата обращения: 08.05.2024)

10. Wilkes, W. Lanxess Plans to Cut Almost 900 Jobs as Global Chemical Demand Drops. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-10-18/lanxess-cuts-7-of-workforce-on-high-energy-cost-demand-drop> (дата обращения: 08.05.2024)

References:

1. Grinkevich, D., Kozlov, A., Kostenko, Ya. (2023) How the New Model of Russia's Development Presented by Putin Will Work (In Russ.). Available at: <https://vedomosti.ru.turbopages.org/vedomosti.ru/s/economics/articles/2023/06/19/981092-kak-budet-rabotat-predstavennaya-putinim-novaya-model-razvitiya-rossii> (accessed on: 07.09.2024), (in Russ.).

2. Gorbacheva, N. V. (2019) Industrial Competitiveness Index. Russia in the Mirror of International Rankings Information and Reference Edition, Novosibirsk, pp. 40–51. EDN YWZMXR, (in Russ.).

3. Degotkova I. Industrial growth in Russia exceeded the 2022 level by five times. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/31/01/2024/65ba64589a794776cf49b625> (accessed on: 08.05.2024), (in Russ.).

4. Markova, N. A., Markov, D. A. (2018) Problems of Implementing the Lean Manufacturing Concept at Enterprises *Upravlenets* [The manager], vol. 9, no. 6, pp. 40–48. DOI: 10.29141/2218-5003-2018-9-6-4. EDN YYQJNJ, (in Russ.).

5. Salmanov, S. M. (2023) The role of mineral resource base and its impact on the economy of countries worldwide *Innovacii i investicii* [Innovations and investments], no. 1, pp. 62–66. EDN CXKUMN, (in Russ.).

6. Smirnov, S. A., Sorokin, G. S. (2022) Application of Lean Manufacturing in Russian Companies *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics], no. 4(42), pp. 55–67. DOI: 10.22394/2073-2929-2022-04-55-67. EDN XTADWI, (in Russ.).

7. Upadhyaya, S. (2019) Composite indicator of industrial development for international comparative analysis. *Voprosy statistiki* [Statistical issues], no. 26(I), pp. 35–43. EDN YYYYFUT (in Russ.).

8. Dutta, A. B., Banerjee, S. (2014) Review of Lean Manufacturing Issues and Challenges in Manufacturing Process *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy v oblasti upravleniya biznesom* [International Journal of Research in Business Management], vol. 2(4), pp. 27–36.

9. Eckl-Dorna, W., Randow, J., Look, C., Sorge, P. (2024) Germany's Days as an Industrial Superpower Are Coming to an End *Blumberg* [Bloomberg]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2024-02-10/why-germany-s-days-as-an-industrial-superpower-are-coming-to-an-end> (accessed on: 08.05.2024)

10. Wilkes W. (2023) Lanxess Plans to Cut Almost 900 Jobs as Global Chemical Demand Drops *Blumberg* [Bloomberg]. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-10-18/lanxess-cuts-7-of-workforce-on-high-energy-cost-demand-drop> (accessed on: 08.05.2024)

Статья поступила в редакцию 31.01.2025; одобрена после рецензирования 18.03.2025; принята к публикации 20.03.2025.

The article was submitted 31.01.2025; approved after reviewing 18.03.2025; accepted for publication 20.03.2025.

Информация об авторе

М. С. Вагин – аспирант, Санкт-Петербургский государственный морской технический университет

Information about the author

M. S. Vagin – Postgraduate student, the Saint Petersburg State Maritime Technical University

Научная статья

УДК 316.343.3

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-158-166

Теоретические подходы к оценке эффективности реализации молодежной политики

Эдгард Александрович Зайцев

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия
12345zaiaz67@mail.ru

Аннотация. В научной статье представлен теоретический анализ некоторых социологических подходов к оценке эффективности реализации молодежной политики. Под эффективностью молодежной политики в статье понимается качественная трансформация взглядов, поведения молодежи. В большей степени эффективность реализации молодежной политики должна измеряться социологически. Для этого целесообразно разрабатывать многоуровневую систему индикаторов и показателей, учитывающих количественные и качественные параметры состояния и развития молодежи. Следует отметить, что оценка эффективности реализации молодежной политики должна соответствовать потребностям молодежи (соответствие запросам молодежи и ее наиболее значимым проблемам жизнедеятельности), формированию ее ценностей и смыслов (этических, правовых, социальных, духовно-нравственных и т. д.), самореализации, роли в развитии молодежной политики (субъектность молодежи), формированию ее культурного пространства и самоопределения (оценка культурного пространства, сформированного вокруг молодежи, и конструирование этого пространства самой молодежью; оценка особенностей самоопределения молодежи, патриотизма и ее национальной идентичности как интегрального показателя ее социализации в обществе) и др.

Ключевые слова: молодежь, молодежная политика, государственная молодежная политика, эффективность молодежной политики, социологическая оценка эффективности

Для цитирования: Зайцев Э. А. Теоретические подходы к оценке эффективности реализации молодежной политики // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 158–166. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-158-166>

Original article

Theoretical Approaches to Assessing of the Youth Policy Implementation Effectiveness

Edgard A. Zaitsev

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPA, Khabarovsk, Russia
12345zaiaz67@mail.ru

Abstract. The paper presents the theoretical analysis of some sociological

approaches to assessing of the youth policy implementation effectiveness. This analysis makes possible to draw a number of main conclusions. The effectiveness of youth policy is understood as a qualitative transformations of youth (values, motives, actions, satisfaction) which led to the conditions created for its development. To a greater extent, effectiveness of the youth policy implementation should be measured sociologically. And for this it is advisable to develop a multi-level system of indicators that takes into account the quantitative and qualitative parameters of the state and development of the youth. It should be noted that assessment of effectiveness of the youth policy implementation should correspond to: the needs of young people (meeting the needs of young people and their most significant problems of life), formation of its values and meanings (ethical, legal, social, spiritual and moral, etc.) impact on the youth development (self-realization, social and psychological stability), increasing its role in the development of youth policy itself (youth subjectivity), formation of its cultural space and self-determination (assessment of cultural space formed around the young people and creating of this space by the young people themselves; assessment of features of the youth self-determination, patriotism and its national identity as an integral indicator of its socialization in the society).

Keywords: *youth, youth policy, state youth policy, effectiveness of youth policy, sociological assessment of effectiveness*

For citation: Zaitsev E. A. (2025) Theoretical Approaches to Assessing of the Youth Policy Implementation Effectiveness *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 158–166. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-158-166>

Введение

Современная молодежная политика в России, направленная на развитие молодежи и ее интеграцию в российское общество, сталкивается с серьезными проблемами, связанными со снижением доли молодежи в социальной структуре населения, высоким уровнем разводов и низкими показателями брачности, низким коэффициентом рождаемости, миграционным оттоком молодежи. Эти негативные тенденции присущи большому числу регионов, особенно проявляются в малых городах и населенных пунктах.

В Дальневосточном макрорегионе ситуация усугубляется высоким миграционным потенциалом молодежи, которая стремится покинуть регион в поисках лучших условий жизни и самореализации в крупных городах, таких как Москва и Санкт-Петербург [Березутский, 2022. С. 70]. Молодежь в значительной степени выражает недовольство по поводу образования, трудоустройства и качества жизни, перспектив своего развития и самореализации, что актуализирует

необходимость трансформации государственной молодежной политики и подходов к оценке ее эффективности.

Проблема оценки эффективности молодежной политики остается актуальной ввиду отсутствия единой методологии для ее анализа, что связано со сложностью реализации как самой молодежной политики, так и со сложностью самого объекта этой политики – молодежи как социальной группы. Существующие научные подходы к оценке эффективности молодежной политики не охватывают все аспекты молодежных проблем и тенденций ее развития с учетом актуального запроса времени, а зачастую имеют формальный характер оценивания. В связи с этим анализ теоретических подходов к оценке эффективности молодежной политики с точки зрения социологии управления представляется достаточно востребованным ввиду того, что большую ценность имеет не столько количественная оценка состояния тех или иных условий, созданных для развития молодежного потенциала, сколько субъектив-

ная оценка влияния (эффекта) этих условий на развитие молодежи.

Эффективность реализации государственной молодежной политики по-разному оценивается экспертами и специалистами. А. В. Архиреев делает акцент на эффективности как основном показателе «измерения степени достижения целей» [Архиреев, 2023. С. 37]. А. Г. Рассказов акцентирует внимание на показателях удовлетворенности объекта воздействия: «удовлетворенность различными аспектами хозяйственной деятельности выступает важным критерием в оценке социальной эффективности предприятия или организации» [Рассказов, 2023. С. 28].

С точки зрения социологии под эффективностью будем понимать потенциальные (возможные) последствия в результате действий субъекта управления (молодежная политика), положительно отразившиеся на состоянии и развитии объекта управления (молодежи), т. е. произошедшие социальные изменения объекта управления (в режиме «до» и «после» оказываемого воздействия). Другими словами, мы должны ответить на главный вопрос: «Как изменилось сознание и поведение (социальная деятельность) молодежи после воздействия (влияния) на нее условий (мер) молодежной политики?»

Методология исследования

Как подчеркивал один из ведущих исследователей молодежной проблематики И. М. Ильинский, «выявление оптимальных молодежных индикаторов имеет важное значение для разработки и осуществления молодежной политики» [Ильинский, 2001. С. 133]. Отсюда наша исследовательская задача заключалась в поиске социологических подходов к оценке и измерению эффективности реализации молодежной политики.

Обзор различных социологических подходов к оценке эффективности реализации молодежной политики показал наличие как общих, так и специфических характеристик. В работе мы опираемся на научные подходы, заложенные сторонниками гуманистической концепции (Ильинский И. М.), концепции социальной интеграции молодежи (Чупров В. И., Зубок Ю. А.), структурно-деятельностного

подхода (Страдзе А. Э.), теории социального развития молодежи (Омельченко Е. Л., Смирнов В. А.), интегративной модели управления в сфере государственной молодежной политики (Кочетков А. В.) и др.

Результаты исследования

Социологические подходы ученых и исследователей к определению показателей оценки эффективности реализации государственной молодежной политики по критерию значимости условно можно разделить на три группы. Одни исследователи выделяют множество показателей для оценки, другие – делают акцент на выделении одного наиболее значимого (ключевого, основного) показателя, третьи концентрируются на расчете интегрального показателя (индекса).

Рассмотрим все указанные выше подходы с точки зрения их методологии и методики.

Первый подход – выделение одного, наиболее значимого показателя эффективности молодежной политики. Одни исследователи акцентируют свое внимание на показателе качества жизни молодежи, другие – на показателе миграционного оттока молодежи, третьи – на показателе национальной идентичности.

Так, например, исследователи Андрушина Е.В. и Панова Е.А. делают акцент на «постоянном оттоке населения из ДВФО в другие регионы России» как ключевой проблеме его развития [Андрушина, Панова, 2017. С. 60].

Шурбе В. З. акцентирует внимание на таком наиважнейшем показателе, как повышение качества жизни молодежи: «улучшение качества жизни молодежи, субъективными критериями которого выступают удовлетворение потребностей и удовлетворение различными сторонами жизни» [Шурбе, 2008. С. 149].

Т. К. Ростовская и Е. А. Князькова выделяют особую роль в оценке эффективности молодежной политики такого значимого показателя, как национальная идентичность, понимая под ним «высокую культуру, культуру межнационального общения, ориентированную на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи» [Ростовская, Князькова, 2020. С. 95].

Ю. Р. Вишнеvский, Д. Ю. Нархов и Е. В. Сильчук акцентируют внимание на главном показателе эффективности молодежной политики – ее «полезность как для молодежи, так и для общества в целом» [Вишнеvский, Нархов, Сильчук, 2016. С. 8]. Действительно, интересный подход, выделить в качестве показателя самооценки молодежью того, насколько она видит пользу в молодежной политике в плане своего саморазвития и развития общества в целом.

Безусловно, такой подход к оценке эффективности молодежной политики (созвучный по аналогии с так называемыми «социологическими школами одного фактора») имеет право на существование. Такой подход прост в оценке (один ключевой показатель) и в измерении (не сложная процедура), позволяет уловить ключевую суть молодежной политики (ее предназначение) и соответственно главный вектор ее развития. Однако такой подход не позволяет в полной мере оценить эффективность молодежной политики во всех ее проявлениях и реализуемых направлениях.

Второй подход – определение интегральных показателей (индексов) эффективности, рассчитанных на основе множественных статистических и социологических показателей.

Так, на международном уровне сегодня применяются «глобальные» и «национальные» индексы: глобальный индекс развития молодежи (2013 г.), глобальный индекс благополучия молодежи (2014 г.) и индекс прогресса молодежи (2018 г.)¹. В основе показателей данных индексов, как правило, оценивается благополучие молодежи, показатели ее развития.

В странах СНГ с 2013 г. применяется для оценки развития молодежи индекс благополучия и развития молодежи², в основе расчета которого, наряду со статистическими показателями благополучия и развития молодежи, выделяются и социологические, связанные с самооценками

молодежи условий своей жизнедеятельности. К оцениваемым показателям относятся: здоровье молодежи (физическое и психическое); образование; занятость и материальное благополучие; семья, социальные связи и окружение; равенство и интеграция; гражданская активность; мир и безопасность; экология.

Третий подход – оценка эффективности реализации молодежной политики по множеству показателей, характеризующих как различные аспекты самой молодежной политики, так и состояние ее объекта – молодежи.

В. Т. Лисовский видел эффективность реализации молодежной политики в двух аспектах – в ее способности влиять на решение молодежных проблем и вовлеченности молодежи в реализацию молодежной политики: «эффективной может быть только такая государственная молодежная политика, которая отвечает нуждам молодежи, заинтересованно воспринимается ею, в реализации которой она принимает активное участие в качестве активного субъекта деятельности» [Лисовский, 2000. С. 110].

Ильинский И.М. подчеркивал целесообразность выделять в показателях эффективности молодежной политики реальные проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди: «система индикаторов позволяет исследователю разобраться в проблемах молодежи, оценить степень ее социализации, роль и место в обществе. При этом должны учитываться факторы демографические, социально-экономические, этические и др.» [Ильинский, 2001. С. 134].

Ю. А. Зубок подчеркивает важность оценки молодежной политики в контексте социального развития молодежи, учитывая как материальные, так и духовные аспекты ее жизни: профессиональный статус, материальное положение, уровень образования, семейный статус, а также интересы и ценности молодежи [Зубок Ю.А., 2007. С. 39].

¹ Оценка положения молодежи в государствах-участниках СНГ: индексы // Электронная библиотека «Молодежь Содружества». URL: <https://vk.com/@youthlibcis-analiticheskaya-spravka-ocenka-polozheniya-molodezhi-v-gosud> (дата обращения: 14.12.2024).

² Руководство по индексу благополучия и развития молодежи. – М., 2021 // Электронная библиотека «Молодежь Содружества». URL: <https://youthlib.mirea.ru/ru/resource/1790> (дата обращения: 14.12.2024).

В. И. Чупров отмечает целесообразность выстраивания оценки эффективности реализации молодежной политики на основании оценок самой молодежи в результате проведения социологических исследований. При этом к показателям оценки он относит такие самооценки молодежи возможностей, как «найти работу», «повысить квалификацию», «повысить заработную плату», «продвинуться по службе», «защитить права», «организовать собственное дело» [Чупров, 2009. С. 199].

А. В. Кочетков, аналогично коллегам социологам, считает приоритетным в оценке опираться на показатели решения молодежных проблем: «... проблемы участия молодёжи в управлении, организации её досуга, развития молодёжных общественных объединений, решения жилищных проблем молодых граждан, их трудоустройства и социальной защиты, поддержки молодёжного предпринимательства и т. д.» [Кочетков, 2023. С. 130].

В. А. Смирнов считает важным в оценке эффективности молодежной политики акцент делать на «усвоение молодежью социальных норм и ценностей», «возможности для социального становления и реализации молодежного потенциала», «социальное включение молодежи в жизнь общества и разработку социальных проектов» [Смирнов, 2014. С. 73].

Т. К. Ростовская, делает акцент также на показателях социального развития молодежи: «... доля молодых людей, идентифицирующих себя со страной, имеющих сформированное целостное мировоззрение, которое включает гражданское участие, ценности патриотизма, семьи, нравственности, правосознания, здорового образа жизни, экологии и инноваций» [Ростовская, 2014. С. 96].

А. Э. Страдзе, подчеркивает целесообразность сконцентрироваться в оценке эффективности молодежной политики на показателях «социального положения и социального самочувствия молодого поколения» [Страдзе, 2017. С. 69].

В целом такой подход (в основе которого лежит выделение множества значимых для оценки эффективности молодежной политики показателей), на наш взгляд, наиболее целесообразен. Он действительно позволяет оценить эффек-

тивность не столько в целом абстрактной молодежной политики, сколько ее отдельных направлений, а, соответственно, увидеть перспективные точки роста и развития.

Наряду с теоретическими подходами к оценке эффективности молодежной политики, важной является и источниковая база для проведения этой оценки. По сути проведенный анализ показал, что можно выделить три ключевых источника информации для оценки эффективности реализации молодежной политики.

Первый источник – это официальная информация государственных органов власти, реализующих молодежную политику (данные представленные в официальных отчетных документах по достижению тех или иных показателей), а также органов государственной статистики, предоставляющих официальные данные о состоянии молодежи как социальной группы (численность молодежи, показатели рождаемости и смертности, миграции, браков и разводов, рождаемости детей в молодых семьях, уровня молодежной преступности и др.).

Второй источник – это субъективные оценки (самооценки) восприятия на себе молодежной политики и тех условий, которые создаются органами по делам молодежи. Сбор данной информации осуществляется на основе организации и проведения масштабных социологических исследований, позволяющих собрать как количественную (на основе анкетных опросов различных групп молодежи), так и качественную информацию (на основе проведения фокус-групповых исследований, интервью с молодежью). Так, А. Я. Криницкий делает на такой оценке особый акцент, поскольку считает, что ключевым показателем оценки эффективности молодежной политики должна стать «оценка молодежью места государственной молодежной политики в молодежном дискурсе»³. О. А. Рожнов отмечает, что наряду со статистическими показателями оценки молодежной политики, важно использовать и социологические, поскольку они «показывают не статистическую картину, а мнение и оценку самой молодежью, и обществом в целом действительности

и результативности проводимой политики» [Рожнов, 2011. С. 80].

Третий источник – это экспертные оценки специалистов, профессионалов, работающих с молодежью, либо в той или иной степени связанных с этой социальной группой (ученые, исследователи, социальные работники, психологи и др.). Ряд исследователей подчеркивают, что наряду с объективными (статистическими) показателями оценки эффективности молодежной политики и субъективными (социологическими – самооценками самой молодежи, как объекта молодежной политики) показателями, важно применять еще и экспертную оценку, основанную на оценках специалистов в области государственной молодежной политики «представлений молодежи о своей роли в общественных, партийных, государственных структурах и видение экспертами этого механизма»⁴.

Мы разделяем дифференцированный подход к оценке эффективности реализации государственной молодежной политики в зависимости от возрастной группы молодежи – это обусловлено не только особенностями социального, экономического, психологического становления и развития молодежи, но и целесообразностью применения тех или иных инструментов молодежной политики по созданию условий для развития тех или иных групп молодежи. Так, для «юной молодежи» важны инструменты социализации, взросления, образования и др., а для «зрелой молодежи» в большей степени имеют ценность инструменты поддержки молодой семьи, деторождения, доступности жилья и др. Поэтому целесообразной становится и разработка оценки эффективности молодежной политики отдельно для трех целевых групп

молодежи, выделенных в Стратегии⁵ реализации молодежной политики в России:

- первая группа – молодежь в возрасте 14–17 лет, у которой происходит выбор будущей профессии, образовательной стратегии, формируются ценности, привычки к ведению активного образа жизни, формируется устойчивая система убеждений, определяющая нравственное и социальное поведение;

- вторая группа – молодежь в возрасте 18–24 лет, для которой социализация является решающим условием. В этом возрасте формируется готовность к активной социальной деятельности, получению профессионального образования и подготовка или начало трудовой деятельности; закрепляются навыки просоциального поведения, гражданского участия, саморазвития, ведения активного образа жизни, которые сохраняются на протяжении всей жизни человека и которые определяют его жизненный уровень, адаптивность к изменениям, продуктивность как члена общества;

- третья группа – молодежь в возрасте 25–35 лет, для которой характерна активная трудовая деятельность, профессиональная самореализация, углубленные профессиональные знания и навыки; завершается отделение молодого гражданина от родителей, создается собственная семья, рождаются дети; у молодого гражданина наступает период, когда он становится главным двигателем повышения социально-экономической конкурентоспособности страны.

Заключение

Таким образом, результаты проведенного теоретического анализа научных подходов к оценке эффективности реализации государственной молодежной

³ Криницкий А.Я. Государственная молодежная политика: мнение молодежи // Дискурс Пу: парадигмы и процессы. – Электронный ресурс. – URL: <file:///C:/Users/Lenovo/Downloads/gosudarstvennaya-molodezhnaya-politika-mnenie-molodezhi.pdf> (дата обращения: 20.12.2024 г.).

⁴ Гневашева В.А., Фальковская К.И. Эффективность молодежной политики: проблема определения критериев (результаты экспертного опроса) [Электронный ресурс] // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». 2011. № 6 (ноябрь – декабрь). URL: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2011/6/Gnevasheva-Falkovskaya_Youth_Policy_Efficiency/ (Дата обращения: 20.12.2024 г.).

⁵ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р «Стратегия реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт Правительства Российской Федерации. – Электронный ресурс. – URL: <http://static.government.ru/media/files/jBrmJi7WMLGBOftXWhrMlzKFCgIqQ07.pdf> (Дата обращения 25.12.2024 г.).

политики позволили сделать следующие выводы:

- соответствие критериев оценки потребностям молодежи: оценку направленной молодежной политики целесообразно проводить на соответствие запросам молодежи и ее наиболее значимым проблемам жизнедеятельности;

- формирование ценностей и смыслов: целесообразна оценка сформированности ценностей и ценностных ориентаций молодежи (этических, правовых, социальных, духовно-нравственных и т. д.) как объекта молодежной политики;

- влияние на развитие молодежи: важно проводить оценку влияния молодежной политики на развитие молодежи (ее самореализацию, социальную и психологическую устойчивость) и на ее роль в развитии самой молодежной политики (субъектность молодежи);

- культурное пространство и самоопределение: здесь важна оценка культурного пространства, сформированного вокруг молодежи, и конструирование этого пространства самой молодежью; оценка особенностей самоопределения молодежи, патриотизма и ее национальной идентичности как интегрального показателя ее социализации в обществе;

- социальная активность и доверие: важна и оценка уровня доверия молодежи социальным и политическим институтам и его влияния на социальную активность и вовлеченность молодежи в общественную жизнь; создание возможностей для реализации идей молодежи в социально-экономическом развитии общества и государства;

- инструменты реализации молодежной политики: необходима и оценка форм вовлеченности молодежи в деятельность

институтов гражданского общества (общественные молодежные организации, молодежные парламенты и советы, молодежные объединения).

Как отмечает Ю. В. Березутский, «... действующая система показателей, заложенная в оценке эффективности молодежной политики, больше связана с количественными (рост молодежных объединений, рост молодежных мероприятий, рост численности вовлеченных молодых людей, процент исполнения бюджета и т. п.), нежели качественными показателями изменения состояния объекта молодежной политики – молодежи. Важной исследовательской и управленческой задачей является именно оценка влияния созданных условий для конкретного объекта непосредственно самим этим объектом (посредством таких социологических показателей, как, например, удовлетворенность условиями, информированность, степень вовлеченности, оценка проблемного поля, оценка деятельности органа власти и т. д.)» [Березутский, 2018. С. 69].

Эффективность молодежной политики представляет собой качественные трансформации молодежи, к которым привели созданные для развития молодежи условия (ценности, мотивация, поступки, удовлетворенность); это те изменения сознания и поведения молодежи, которые произошли под влиянием создаваемых условий. В большей степени эффективность реализации молодежной политики должна измеряться социологически. А для этого целесообразно разрабатывать многоуровневую систему индикаторов и показателей, учитывающих количественные и качественные параметры состояние и развития молодежи.

Список источников:

1. Андрюшина, Е. В., Панова, Е. А. Современная российская государственная молодежная политика: эволюция, основные направления, практики // *Власть*. 2017. Т. 25, № 7. С. 60-65. EDN: ZBLRTB
2. Архиреев, А. В. Генезис понятия эффективности. Структура, состояние, оценка // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2023. Том 12. № 10. С. 36-49. DOI: 10.34670/AR.2024.43.45.004 EDN: ZPFLHJ
3. Березутский, Ю. В. Молодежь Хабаровского края: «точка роста» или «точка невозврата»? // *Социологические исследования*. 2022. № 2. С. 65-72. DOI: 10.31857/S013216250016668-7 EDN: KKGQFI
4. Березутский, Ю. В. Роль государственной молодежной политики в развитии со-

циальной активности молодежи // Власть и управление на Востоке России. 2018. № 1(82). С. 65–78. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-82-1-65-78 EDN: XTGQGD

5. Вишневецкий, Ю. Р., Нархов Д. Ю., Сильчук Е. В. Новые явления в молодежной среде и актуальные задачи молодежной политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 4. С. 8–18. EDN: XSUAZD

6. Зубок, Ю. А. Проблемы социального измерения в социологии молодежи // Общество и право. 2007. № 2(16). С. 35–39. EDN: OKUYEM

7. Ильинский, И. М. Молодежь и молодежная политика. – М.: Голос, 2001. – 696 с. EDN: VSTBQJ

8. Кочетков, А. В. Государственная молодежная политика: поиск интегративной модели управления // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29. № 3. С. 120–135. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.7 EDN: XYTXEY

9. Лисовский, В. Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: учеб. пособие для студентов вузов. – СПб.: СПбГУП, 2000. – 508 с. ISBN: 5-7621-0196-7 EDN: TPMJSV

10. Рассказов, А. Г. Оценка социальной эффективности деятельности хозяйствующего субъекта // Экономический вестник ДонГТИ. 2023. № 15. С. 25–33. EDN: DAVYRL

11. Рожнов, О. А. Оценка эффективности реализации молодежной политики // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 8 (103). Выпуск 16. – С. 76–80. EDN: QCIXEV

12. Ростовская, Т. К., Князькова Е. А. Молодежная политика в современной России: учебное пособие для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. – 155 с.

13. Ростовская, Т. К. Принятие Основ государственной молодежной политики 2025 года: фактор эволюционного развития в современной России // Государственный советник. 2014. № 4(8). С. 93–96.

14. Смирнов, В. А. Молодежная политика: опыт системного описания // Социологические исследования. 2014. № 3. С. 72–80. EDN: SEQAVZ

15. Страдзе, А. Э. Социальная эффективность государственной молодежной политики и государственной социальной поддержки молодежи: синтез приоритетов и целей // Гуманитарий Юга России. – 2017. – Т. 6. № 5. – С. 63–72. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.5.4 EDN: ZNGTVF

16. Чупров, В. И. Молодежь: саморегуляция как антикризисная стратегия // Социальная политика и социология. 2009. № 2(44). С. 194–206. EDN: KVENND

17. Шурбе, В. З. Молодежная политика как системная технология улучшения качества жизни молодежи: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: диссертация на соискание ученой степени канд. социол. наук. – Тюмень, 2008. – 208 с. EDN: NQFRLH

References:

1. Andryushina, E. V., Panova, E. A. (2017) Modern Russian state youth policy: evolution, main directions, practices *Vlast'* [Power], vol. 25, no. 7, pp. 60–65. EDN: ZBLRTB (in Russ.).

2. Arkhireev, A. V. (2023) Genesis of the concept of efficiency. Structure, state, assessment *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and reflection: philosophy about the world and man], vol. 12, no. 10 A, pp. 36–49. DOI: 10.34670/AR.2024.43.45.004 EDN: ZPFLHJ (in Russ.).

3. Berezovsky, Yu. V. (2022) Youth of Khabarovsk Krai: “growth point” or “point of no return”? *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], no. 2, pp. 65–72. DOI: 10.31857/S013216250016668-7 EDN: KKGQFI (in Russ.).

4. Berezovsky, Yu. V. (2018) The Role of State Youth Policy in the Development of Social Activity of Young People *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1(82), pp. 65–78. DOI: 10.22394/1818-4049-2018-82-1-65-78 EDN: XTGQGD (in Russ.).

5. Vishnevsky, Yu. R., Narkhov D. Yu., Silchuk E. V. (2016) New Phenomena in the Youth Environment and Current Tasks of Youth Policy *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiiye nauki* [Bul-

letin of Perm National Research Polytechnic University. Social and Economic Sciences], no. 4, pp. 8–18. EDN: XSUAZD (in Russ.).

6. Zubok, Yu. A. (2007) Problems of the Social Dimension in the Sociology of Youth *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], no. 2(16), pp. 35–39. EDN: OKUYEM (in Russ.).

7. Ilyinsky, I. M. (2001) Youth and Youth Policy. – Moscow: Golos, 696 p. EDN: VST-BQJ (in Russ.).

8. Kochetkov, A. V. (2023) State Youth Policy: The Search for an Integrative Management Model *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society], vol. 29, no. 3, pp. 120–135. DOI: 10.19181/nko.2023.29.3.7 EDN: XYTXEY (in Russ.).

9. Lisovsky, V. T. (2000) Spiritual world and value orientations of the youth of Russia: a textbook for students of higher educational institutions. – SPb. : SPbGUP, 508 p. ISBN: 5-7621-0196-7 EDN: TPMJSV (in Russ.).

10. Rasskazov, A. G. (2023) Assessment of social efficiency of the economic entity *Ekonomicheskiiy vestnik DonGTI* [Economic Bulletin of DonGTI], no. 15, pp. 25–33. EDN: DAVYRL (in Russ.).

11. Rozhnov, O. A. (2011) Assessment of the effectiveness of youth policy implementation *Nauchnyye vedomosti. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo* [Scientific Vedomosti. Series: Philosophy. Sociology. Law], no. 8 (103), is. 16, pp. 76–80. EDN: QCIXEV (in Russ.).

12. Rostovskaya, T. K., Knyazkova E. A. (2020) Youth Policy in Modern Russia: A Textbook for Universities. – Moscow: Yurait Publishing House, 155 p. (in Russ.).

13. Rostovskaya, T. K. (2014) Adoption of the Fundamentals of State Youth Policy for 2025: A Factor of Evolutionary Development in Modern Russia *Gosudarstvennyy sovetnik* [State Advisor], no. 4 (8), pp. 93–96 (in Russ.).

14. Smirnov, V. A. (2014) Youth Policy: An Experience of Systemic Description *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], no. 3, pp. 72–80. EDN: SEQAVZ (in Russ.).

15. Stradze, A. E. (2017) Social Efficiency of State Youth Policy and State Social Support for Youth: A Synthesis of Priorities and Goals *Gumanitarniy Yuga Rossii* [Humanitarian of the South of Russia], vol. 6, no. 5, pp. 63–72. DOI: 10.23683/2227-8656.2017.5.4 EDN: ZNGTVF (in Russ.).

16. Chuprov, V. I. (2009) Youth: self-regulation as an anti-crisis strategy *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social policy and sociology], no. 2(44), pp. 194–206. EDN: KVENND (in Russ.).

17. Shurbe, V. Z. (2008) Youth policy as a systemic technology for improving the quality of life of young people: specialty 23.00.02 “Political institutions, processes and technologies”: dissertation for the degree of candidate of sociological sciences. – Tyumen, 208 p. EDN: NQFRLH (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 16.01.2025; одобрена после рецензирования 28.02.2025; принята к публикации 03.03.2025.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 28.02.2025; accepted for publication 03.03.2025.

Информация об авторе

Э. А. Зайцев – ИП Зайцев, аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

E. A. Zaitsev – IE Zaitsev, Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Научная статья

УДК 330.322.7(571.6)

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-167-177

Краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы автономных расходов в регионах российского Дальнего Востока

Андрей Леонтьевич Ким

Институт экономических исследований ДВО РАН, Хабаровск, Россия

Kimandrey@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6739-672X>

Аннотация. На основе данных о среднедушевых потребительских расходах и доходах населения за период 2000–2022 гг. проводится оценка функций потребления в регионах Дальневосточного федерального округа, на базе которой рассчитываются краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы потребления. Для оценки предельной склонности к потреблению использовались стандартная кейнсианская функция потребления и функция перманентного дохода М. Фридмана. Для обеих функций выявлена незначимость статистических оценок для Магаданской области и Чукотского автономного округа. Это указывает не только на отсутствие измеримой взаимосвязи между потреблением и доходом в данных субъектах федерации, но и на отсутствие мультипликативных эффектов, генерируемых экономиками этих регионов. Для всех остальных субъектов федерации обосновано, что объем текущего потребления определяется не только текущим доходом, но и сложившейся тенденцией потребления. Оценены мультипликаторы автономных расходов регионов с учетом поправок на региональный ввоз потребительских товаров. Показано, что мультипликаторы, рассчитанные на основе потребительской функции Кейнса, близки по значениям к долгосрочным мультипликаторам, оцененным по функции перманентного дохода. Выявлено, что наибольшим мультипликативным эффектом в долгосрочной перспективе обладает Хабаровский край, где удельный вес расходов на локально производимые товары и услуги наибольший среди всех субъектов ДФО РФ. Наименьшие значения мультипликаторов характерны для Еврейской автономной области и Камчатского края. Также выявлено, что регионы с наибольшими (наименьшими) значениями краткосрочного мультипликатора не всегда характеризуются наибольшими (наименьшими) значениями долгосрочного мультипликатора.

Ключевые слова: потребление, доход, перманентный доход, предельная склонность к потреблению, мультипликатор, регионы России

Для цитирования: Ким А. Л. Краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы автономных расходов в регионах российского Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 1 (110). С. 167–177. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-167-177>

Original article

Short-term and Long-term Multipliers in the Regions of the Russian Far East

Andrey L. Kim

The Economic Research Institute, FEB RAS, Khabarovsk, Russia

Kimandrey@ecrin.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6739-672X>

Abstract. *The article is devoted to the assessment of consumption functions in the regions of the Far Eastern Federal District based on per capita consumer expenditure data and population income for the period 2000-2022. Short-term and long-term multipliers of autonomous expenditure are calculated. The standard Keynesian consumption function and the permanent income function of M. Friedman are used for the estimation of the marginal propensities to consume. For both functions, statistical estimates were found to be insignificant for the Magadan Region and the Chukotka Autonomous Area, which indicates not only the absence of a relationship between consumption and income, but also the absence of multiplier effects generated by the economies of these regions. For all other regions, it is shown that the volume of current consumption is determined not only by current income, but also by the consumption trend. The multipliers of autonomous expenditure of the regions are estimated taking into account adjustments for regional import of consumer goods. It is shown that the multipliers calculated on the basis of the Keynesian consumer function are close in value to the long-term multipliers estimated using the permanent income function. It is shown that the Khabarovsk Territory, where the share of expenditure on locally produced goods and services is the highest among all regions of the Russian Far East, possesses the greatest multiplier effect in the long-term period. The lowest values of multipliers are typical for the Jewish Autonomous Area and the Kamchatka Territory. It was also found that regions with the highest (lowest) values of the short-term multiplier are not always characterized by the highest (lowest) values of the long-term multiplier.*

Keywords: *consumption, income, permanent income, marginal propensity to consume, multiplier, Russian regions*

For citation: Kim A. L. (2025) Short-term and Long-term Multipliers in the Regions of the Russian Far East *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 167–177. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-167-177>

Введение

Экономический рост и развитие Дальнего Востока и, следовательно, увеличение объёмов располагаемых доходов и потребления его населения являются приоритетными государственными задачами на весь XXI век. Построение адекватной экономической модели региона позволит оценить эффекты от реализации тех или иных мер и шагов регионального развития для выпуска, занятости, доходов домохозяйств. Одним из ключевых показателей, позволяющих оценить масштабы таких эффектов, является мультипликатор автономных расходов.

Знание величины регионального мультипликатора автономных расходов позволяет ответить на множество вопросов, касающихся эффектов экономической политики регионального развития: как отразится на региональных доходах строительство инфраструктурных объектов; в какой степени увеличение расходов в регионе приведет к росту производства на

местном уровне и т.д. В отличие от мультипликатора на национальном уровне, региональный аналог должен корректно учитывать масштабы ввоза потребительской продукции в регион, в противном случае его величина окажется существенно завышенной. Основой мультипликатора является величина предельной склонности к потреблению, следовательно, межрегиональные различия данного показателя будут в значительной степени определять неравенство мультипликативных эффектов в разных регионах.

Предельная склонность к потреблению зависит от поведения населения региона на рынке товаров и услуг. Потребительские расходы населения являются важным макроэкономическим агрегатом, требующим внимательного изучения, так как он отражает динамику спроса населения на товары и услуги. От величины потребительских расходов жителей страны (региона) зависит объём производимой и ввозимой продукции.

Исследование потребительского поведения населения, ввиду его определяющей роли в формировании мультипликатора, является важным этапом моделирования и прогнозирования экономической динамики и обоснования экономической политики государства.

В рамках настоящего исследования решаются две задачи: оцениваются функции потребления населения в 11 субъектах ДФО, и на их основе проводится расчёт мультипликаторов автономных расходов.

Потребление в регионах Дальнего Востока: подходы к исследованию и данные

Традиционный подход к анализу потребления связан с именем Дж.М. Кейнса. Он исследовал потребительские расходы домохозяйств как важную составную часть совокупного спроса. Он считал, что предельная склонность к потреблению отражает объективный психологический закон общества, когда размеры совокупного потребления изменяются в том же направлении (увеличиваются или уменьшаются), что и совокупный реальный доход, но не с такой быстротой. Потребление, по мнению Дж.М. Кейнса, может быть представлено в виде функции, связывающей потребительские расходы с располагаемым доходом в простой линейной форме [Кейнс, 2023]. Ещё одно важное связанное с этим понятие – мультипликатор, показывающий степень влияния на совокупный генерируемый доход от импульса, вызванного экзогенными по отношению к экономике расходами (государственное потребление, инвестиции, поступление экспортной выручки).

Распространение кейнсианского анализа привело к появлению большого количества исследований, в которых потребление рассматривалось как функция от дохода, а предельная склонность к потреблению и мультипликатор оценивались статистическими и эконометрическими методами. Особую популярность кейнсианский подход получил в исследованиях регионов, где, как считают некоторые экономисты, альтернативный кейнсианству неоклассический подход неприменим из-за предпосылок о закрытости исследуемой экономики и прима-

те предложения над спросом [Thirlwall, 1980]. Однако кейнсианский анализ обладает рядом недостатков, о которых писали ещё современники Дж.М. Кейнса [Шумпетер, 2011]. Главный из них – фактическое игнорирование долгосрочной перспективы и способность объяснить лишь краткосрочную динамику.

Иной подход к исследованию потребления был предложен М. Фридманом [Friedman, 1957]. Он также представлял потребление как функцию от дохода, но уже не текущего, а перманентного. Перманентный доход – это некоторая (ненаблюдаемая статистически) постоянная часть располагаемого дохода, на которую рассчитывает индивид при планировании будущих расходов. М. Фридман утверждал, что функции потребления от текущего дохода не полностью отражают лежащие в основе этой зависимости закономерности. Как считает Д. Лайдлер, гипотеза М. Фридмана о перманентном доходе обнаружила, что кейнсианская предельная склонность к потреблению и, следовательно, мультипликатор не могут считаться основанием для теории, которая стремится объяснить макроэкономику или претендует на роль надёжного руководства в экономической политике [Laidler, 2005]. Тем не менее существует большой пласт работ, где кейнсианский и фридмановский анализ потребления используется совместно (см. [Ghali, Renaud, 1971], [Gillen, Guccione, 1970], [Guccione, Gillen, 1974]). В некоторых из них проводится сравнительный анализ результатов расчётов мультипликативных эффектов двумя методами [Gillen, Guccione, 1970]. Сосуществование кейнсианского и фридмановского подхода вполне объяснимо, поскольку оба предполагают наличие предпосылок, упрощающих расчёты, из-за которых идеально точное описание объекта исследования невозможно.

С эконометрической точки зрения ни модель Кейнса, ни модель Фридмана не используются для проверки лежащих в их основе гипотез. Если существует как таковая функциональная взаимосвязь между доходом и потребительскими расходами, обе модели, как правило, дают статистически значимые и теоретически

состоятельные оценки искомым параметров соответствующих функций.

Первым этапом исследования тенденций потребления в субъектах РФ может быть анализ динамики отношения потребительских расходов C к доходам населения Y (оба показателя выражены в среднедушевых величинах). Предполагается, что в условиях долгосрочного равновесия это отношение постоянно (потребление увеличивается пропорционально реальным доходам, по крайней мере на уровне национальных экономик). Низкие значения C/Y могут сигнализировать о недостаточной насыщенности потребительского рынка или о пессимистичных ожиданиях населения относительно будущих доходов (предпочтение сбережению, а не потреблению).

В таблице 1 приведены расчётные значения C/Y в 11 регионах ДФО за исследуемый период. Здесь C – величина потребительских расходов в среднем на душу населения (в месяц, руб.), Y – среднедушевые денежные доходы населения (в месяц, руб.). Для наглядности приведены 2000 г., 2022 г. (первый и последний годы исследуемого периода), а также 2011 г., отображающий промежуточные тенденции.

Из таблицы 1 видно, что во всех регионах ДФО, кроме Камчатского края, Магаданской области и Чукотского автономного округа, существенно возросла норма потребления. Наибольшие значе-

ния C/Y наблюдаются в двух регионах с наибольшим количеством населения – Приморском и Хабаровском краях (среднее значение за период 2000–2022 гг. 75,74% и 73,61% соответственно) – а также, что несколько неожиданно, в Республике Бурятия (74,42% в среднем). Ситуация с потреблением в Республике Бурятия намного отличается от ситуации в соседнем Забайкальском крае, где средняя норма потребления за период 2000–2022 гг. была на 25,65% ниже. Можно также выделить три региона с явным недопотреблением: Забайкальский край, Магаданская область и Чукотский автономный округ.

Из данных таблицы 1 следует, что в 2000 г. уровень потребления относительно дохода в Забайкальском крае был самым низким в ДФО (до 2018 г. край входил в состав Сибирского федерального округа). К 2011 г. норма потребления достигла отметки 52,54%, а к 2013 г. – 61,22%, но после 2013 г. она начала стремительно снижаться, к 2022 г. опустившись до 47,84%. В Магаданской области в 2000–2012 гг. норма потребления была примерно на уровне 50%, после чего она выросла до 65% в 2014 г., а затем вернулась к первоначальному уровню (48,85% в 2022 г.). Интересная ситуация наблюдалась в Камчатском крае: доля потребительских расходов в доходах населения сперва снизилась с 65,56% в 2000 г. до 47,69% в 2005 г., за-

Таблица 1

Доля потребительских расходов в доходах населения в регионах ДФО в 2000–2022 гг., %

Регион	2000	2011	2022
Республика Бурятия	65,95	72,16	85,18
Республика Саха (Якутия)	57,79	62,37	71,05
Забайкальский край	33,36	52,54	47,84
Камчатский край	65,56	55,31	62,78
Приморский край	77,17	68,97	86,01
Хабаровский край	71,48	70,71	85,52
Амурская область	68,16	68,43	80,12
Магаданская область	48,52	53,60	48,85
Сахалинская область	56,64	74,83	73,19
Еврейская автономная область	63,80	61,60	77,47
Чукотский автономный округ	33,60	34,81	34,45
В среднем по Дальневосточному федеральному округу	61,35	65,37	73,65

Источник: рассчитано автором по данным: Регионы России. Социально-экономические показатели. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 01.12.2024).

тем выросла до 75,56% в 2014 г., а затем снова снизилась уже до 60,8% в 2021 г. В Сахалинской области наибольшие значения C/Y наблюдались в период 2012–2019 гг. (в среднем 77,36%). До этого уровня норма потребления поднялась с 56,64% в 2000 г., в 2022 г. она составляла 73,19%. Чукотский автономный округ – единственный регион, где отношение C/Y примерно постоянно на протяжении всего исследуемого периода – 33,6% в 2000 г. и 34,45% в 2022 г., среднее значение в 2000–2022 гг. – 34,22%.

Востальных дальневосточных регионах наблюдалась следующая ситуация. Вслед за тремя явными лидерами (Приморский край, Хабаровский край, Республика Бурятия) по среднегодовому отношению потребительских расходов к доходам идут Амурская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, республика Саха (Якутия). При этом в Амурской и Еврейской автономной областях значения C/Y в начале 2020-х гг. были близки к пиковым, а на Сахалине и в Якутии они существенно меньше, чем в 2018–2019 гг. Амурская область по доле потребления догоняет Приморский край, который, в свою очередь, лишь немного уступает Бурятии и Хабаровскому краю.

Различия в норме потребления демонстрируют неоднородность Дальневосточного федерального округа. Эта характеристика макрорегиона известна давно (см., например, [Синтез..., 2011]), по этой причине в рамках настоящего исследования мы будем оценивать потребление только в отдельных регионах, а не по всему Дальнему Востоку в целом.

Оценка потребительских функций

Рассмотрим простую кейнсианскую функцию, в соответствии с которой потребление есть линейная функция от текущего дохода. Временной ряд среднедушевых денежных доходов в сопоставимых ценах 2022 г. рассчитывался с использованием индекса реальных денежных доходов. Величина потребительских

расходов за год в сопоставимых ценах находится из рассчитанного ранее соотношения C/Y , в предположении, что доля потребительских расходов в доходах населения в сопоставимых ценах равна ей же в текущих ценах. Эконометрическая форма функции потребления по Кейнсу выглядит следующим образом:

$$C_t = a + bY_t + u_t, \quad (1)$$

где C_t – среднедушевые потребительские расходы населения за год; Y_t – среднедушевые доходы за год; a – автономное потребление; b – предельная склонность к потреблению; u_t – ошибки измерения.

Для оценки коэффициентов регрессии взята выборка за 2000–2022 гг. Полученные во всех случаях низкие значения критерия Дарбина–Уотсона (DW) свидетельствуют о наличии автокорреляции ошибок первого порядка, для устранения которых применена процедура Кохрейна–Оркатта [Cochrane, Orcutt, 1949]. Новые оценки, полученные после избавления от автокорреляции, приведены в таблице 2:

Даже после применения процедуры Кохрейна–Оркатта значение DW , рассчитанное для Чукотского автономного округа, не соответствует пороговому, необходимому для принятия гипотезы об отсутствии автокорреляции ошибок. Это значит, что полученная оценка предельной склонности к потреблению не является надёжной и не может быть использована в дальнейших расчётах. То же самое можно сказать и о результатах для Магаданской области, хотя DW превышает минимальный порог, но незначительно. Из дальнейшего исследования эти регионы исключены¹.

Обращает на себя внимание существенный разброс предельных склонностей к потреблению, оцененных по функции Кейнса: от минимальной в ЕАО (0,503) до близкой к единице в Республике Саха (Якутия) (0,984). Как правило, значения предельной склонности к потре-

¹ В работе [Исаев, 2024] получены вариации оценок предельных склонностей к потреблению для субъектов федерации ДФО на основе модели коррекции ошибок. Несмотря на то, что прямое сравнение этих оценок с полученными в настоящей статье некорректно ввиду разных подходов к оценке, отсутствие взаимосвязи между доходом и потребительскими расходами для указанных выше регионов подтверждается в обеих статьях.

Таблица 2

**Результаты оценок потребительских функций по Кейнсу
регионов ДФО (после избавления от автокорреляции)**

Регион	b (t -статистика)	R^2	DW
Республика Бурятия	0,722 (3,78)	0,98	1,91
Республика Саха (Якутия)	0,984 (7,36)	0,97	2,20
Забайкальский край	0,914 (5,98)	0,97	1,85
Камчатский край	0,892 (4,24)	0,95	1,55
Приморский край	0,901 (7,33)	0,97	2,04
Хабаровский край	0,541 (2,46)	0,97	2,14
Амурская область	0,580 (3,96)	0,98	1,87
Магаданская область	0,359 (2,03)	0,96	1,48
Сахалинская область	0,615 (3,93)	0,99	1,75
Еврейская автономная область	0,508 (2,86)	0,97	2,11
Чукотский автономный округ	0,025 (0,29)	0,96	1,25

Источник: рассчитано автором.

блению, близкие к единице, характерны для длительного периода, когда, как предполагается, весь располагаемый доход расходуется на потребление. Однако спецификация кейнсианской функции потребления подразумевает, что величина потребления зависит от уровня текущего дохода. Поэтому однозначного вывода о краткосрочном или долгосрочном характере предельной склонности к потреблению из функции потребления Кейнса сделать нельзя.

Как уже было отмечено, потребительская функция, предложенная М. Фридманом, учитывает долгосрочные ожидания людей, предполагая, что они сглаживают уровень потребления в течение жизни.

Под доходом здесь подразумевается не текущий доход, который потребитель имеет в данный момент времени, а перманентный, который он ожидает иметь в течение жизни. Функция выглядит следующим образом:

$$C_t = a + bY^* \quad (2)$$

где C_t – среднедушевые потребительские расходы населения за год; Y^* – перманентный доход; a – автономное потребление; b – предельная склонность к потреблению.

Перманентный доход является ненаблюдаемой величиной. Он аппроксимируется функцией с конечным распределённым лагом, включающей в себя величину доходов, полученных в несколько предыдущих лет. Предполагается геометрическая структура лага, когда воздействие

на результирующий показатель каждой дополнительной лаговой переменной снижается в геометрической прогрессии.

$$Y^* = \sum_{i=0}^{\infty} \lambda^i Y_{t-i} \quad (3)$$

где λ – весовой коэффициент.

Предпосылка о геометрической структуре лага позволяет преобразовать потребительскую функцию по методу Койка [Койк, 1954]. В результате подстановки (3) в (2) получается следующее уравнение, в котором все переменные являются наблюдаемыми:

$$C_t = a(1 - \lambda) + bY_t + \lambda C_{t-1} \quad (4)$$

С эконометрической точки зрения функция потребления Фридмана является расширенной версией функции по Кейнсу с дополнительной переменной – потребительскими расходами с лагом. Из этого следует, что на величину текущих расходов на потребление оказывает влияние не только величина текущего дохода (как в случае кейнсианской функции), но и величина потребительских расходов, сложившаяся в предыдущих периодах. Другими словами, текущее потребление только частично объясняется текущим доходом. В то же время оно обладает некоторой инерцией. Значения коэффициентов b и λ находятся путём эконометрического оценивания получившейся модели авторегрессии с распределённым лагом (ARDL 1;0). Результаты оценивания

приведены в *таблице 3*:

Оценивание ARDL-модели дало статистически значимые коэффициенты. Судя по значениям критериев Дарбина–Уотсона, автокорреляция ошибок отсутствует во всех региональных функциях, за исключением Магаданской области и Чукотского автономного округа – тех же самых регионов, для которых не были получены предельные склонности к сбережению по функции Кейнса.

Полученные значения оценок подтверждают гипотезу М. Фридмана о более низком влиянии текущего дохода на величину потребительских расходов населения. По сравнению с предельными склонностями к потреблению, оцененными для кейнсианской функции, их оценки для функции Фридмана существенно ниже (в среднем на 50%). Это свидетельствует о том, что колебания доходов в регионах имеют гораздо более ограниченное влияние на динамику потребления, чем предсказываемое моделью Кейнса.

Обращает на себя внимание тот факт, что сумма значений b и λ почти для всех субъектов федерации близка к 1. В работе [Ghali, Renaud, 1971] показано: если

сумма данных параметров незначительно отличается от 1, это свидетельствует о том, что потребление пропорционально размеру богатства домохозяйств. В противном случае изменения в потреблении зависят от изменений текущего дохода. Практически для всех субъектов ДФО данная сумма находится в диапазоне от 0,9 до 1. Исключение – Еврейская автономная область (0,887).

Однако регионы ДФО различаются по степени влияния изменений перманентного дохода на подушевое потребление и по величине разрыва между предельными склонностями b и λ . Коэффициент при C_{t-1} существенно выше коэффициента при Y_t в Республике Бурятия, Камчатском и Хабаровском краях, Сахалинской области и Еврейской автономной области. Это означает, что в этих регионах уровень потребления населения зависит от сложившихся долгосрочных тенденций в уровне потребления в большей степени, чем от текущих изменений дохода. В остальных дальневосточных регионах (напомним, что Магаданскую область и Чукотский автономный округ мы не рассматриваем) на объём потре-

Таблица 3

**Результаты оценок потребительских функций по М. Фридману
регионов ДФО**

Регион	b (t -статистика)	λ (t -статистика)	R^2 (DW)
Республика Бурятия	0,378 (3,90)	0,602 (6,85)	0,98 (1,81)
Республика Саха (Якутия)	0,440 (3,51)	0,503 (3,99)	0,97 (2,12)
Забайкальский край	0,427 (4,24)	0,479 (4,58)	0,97 (1,79)
Камчатский край	0,268 (2,53)	0,665 (5,47)	0,95 (1,53)
Приморский край	0,448 (3,29)	0,458 (3,00)	0,97 (1,86)
Хабаровский край	0,293 (3,2)	0,692 (8,52)	0,97 (1,98)
Амурская область	0,414 (5,38)	0,541 (6,48)	0,99 (1,54)
Магаданская область	0,143 (1,92)	0,733 (6,74)	0,96 (1,24)
Сахалинская область	0,360 (2,96)	0,552 (4,31)	0,98 (1,67)
Еврейская автономная область	0,200 (2,54)	0,687 (7,99)	0,97 (1,79)
Чукотский автономный округ	0,081 (1,41)	0,762 (5,61)	0,96 (1,23)

Источник: рассчитано автором.

бления приблизительно в равной степени влияют как изменения текущего, так и ожидаемого дохода, так как значения b и λ в них примерно одинаковые.

Специфика функции потребления по Фридману позволяет получить значения двух предельных склонностей к потреблению – краткосрочной и долгосрочной. Краткосрочная предельная склонность к потреблению, как и в функции Кейнса, представляет собой значение параметра b в формуле (4). Долгосрочная предельная склонность к потреблению находится исходя из предположения о равновесных темпах экономического роста.

Предположим, что в состоянии долгосрочного динамического равновесия уровень душевого потребления C_t изменяется с некоторым постоянным темпом g , т.е.

$$C_t = (1 + g)C_{t-1} \quad (5)$$

Перепишав эту формулу относительно C_{t-1} , получим:

$$C_{t-1} = \frac{1}{1 + g} C_t \quad (6)$$

Подставим в формулу (4), получим:

$$C_t = \frac{a(1 - \lambda)(1 + g)}{1 - \lambda + g} + \frac{b(1 + g)}{1 - \lambda + g} \quad (7)$$

Долгосрочная предельная склонность к потреблению, таким образом, равна $\frac{b(1+g)}{1-\lambda+g}$.

Мультипликаторы автономных расходов

Мультипликатор представляет собой величину, обратную предельной склонности к сбережению. Предполагая, что за счет локального (внутрирегионального) производства товаров и услуг удовлетворяется лишь часть потребительского спроса домохозяйств, величина регионального мультипликатора может быть рассчитана по следующей формуле (см. [Исаев, 2022, с.69]):

$$M = \frac{1}{1 - b(1 - m_b)} \quad (8)$$

где b – предельная склонность к потреблению; m_b – удельный вес потребительских расходов на приобретение товаров и услуг, произведенных за пределами данного субъекта федерации (региональный импорт потребительских товаров).

Как следует из (8), региональный мультипликатор отражает сложившиеся структурные особенности исследуемой экономики. На основании расчёта мультипликатора и предполагая неизменность прочих структурных переменных, можно делать выводы о величине отклика экономики на изменения в объёмах автономных (не индуцированных изменениями регионального дохода) расходов.

При расчете мультипликаторов остановимся на случае стационарного равновесия ($g=0$). В этом случае долгосрочная предельная склонность к потреблению равна $\frac{b}{1-\lambda}$. Также следует провести корректировку потребительских расходов на «импорт», т.е. исключить те товары и услуги, которые не производятся внутри региона, а завозятся извне. К сожалению, ограниченная доступность подобной статистики не позволяет выполнить такую корректировку с высокой точностью. Однако можно воспользоваться предположением, предложенной в работе [Исаев, 2022], в соответствии с которой локальное потребление домохозяйств ограничивается потреблением платных услуг на местном уровне.

Расчетные значения региональных мультипликаторов по Кейнсу и Фридману для субъектов федерации Дальнего Востока (за исключением Магаданской области и Чукотского автономного округа) приведены в *таблице 4*:

Из *таблицы 4* видно, что краткосрочные мультипликаторы в функции Фридмана существенно ниже, чем в функции Кейнса, поскольку существенно ниже оценённые предельные склонности к потреблению при изменениях текущего дохода. В то же время различия между кейнсианскими мультипликаторами и долгосрочными мультипликаторами по

Таблица 4

Мультипликаторы автономных расходов регионов ДФО

Субъект РФ	Доля оплаты услуг в структуре потребления домашних хозяйств (1-т _в)	Мультипликатор (по Кейнсу)	Мультипликатор (по Фридману)	
			краткосрочный	долгосрочный
Республика Бурятия	0,22	1,19	1,09	1,26
Республика Саха (Якутия)	0,29	1,40	1,15	1,35
Забайкальский край	0,24	1,28	1,11	1,24
Камчатский край	0,27	1,32	1,08	1,28
Приморский край	0,27	1,32	1,14	1,29
Хабаровский край	0,31	1,20	1,10	1,42
Амурская область	0,29	1,20	1,14	1,35
Сахалинская область	0,26	1,19	1,10	1,26
Еврейская автономная область	0,24	1,14	1,05	1,18

Источник: рассчитано автором.

Фридману незначительны.

Корректировка мультипликаторов на величину регионального импорта существенно изменила соотношения оценок долгосрочных мультипликативных эффектов регионов ДФО между собой. Например, в Республике Бурятия до внесения поправок на «импорт» долгосрочное значение мультипликатора было выше, чем в Якутии, Камчатском и Приморском краях и Амурской области. В Республике Бурятия доля оплаты услуг в потребительских расходах меньше, чем в других субъектах ДФО.

За исключением Еврейской автономной области, обладающей самым низким мультипликатором, для субъектов ДФО значения краткосрочных мультипликаторов находятся в диапазоне 1,1–1,2. Это отражает ограниченные возможности регионов по удовлетворению потребительского спроса на товары и услуги за счет собственных производств. Примечательно, что для Хабаровского края значение краткосрочного мультипликатора находится в середине «спектра» (1,1), тогда как долгосрочный мультипликатор – самый высокий среди дальневосточных регионов (1,42).

Долгосрочный мультипликатор до введения поправок на «импорт» имеет наибольшее значение в Хабаровском крае и Республике Бурятия. Однако проведение

соответствующей корректировки существенно снизило итоговое значение мультипликатора. В итоге наибольшие значения долгосрочный мультипликатор принимает в Хабаровском крае, Республике Саха (Якутия) и Амурской области.

Заключение

В настоящей статье на базе статистических данных об объемах потребления, величине дохода и структуре региональных экономик были рассчитаны краткосрочные и долгосрочные мультипликаторы автономных расходов в регионах Дальневосточного федерального округа. Простая кейнсианская потребительская функция показала, что, с учетом поправки на региональный «импорт» потребительских товаров, наибольшие значения мультипликаторов наблюдаются в республике Саха (Якутия), Приморском и Камчатском краях. Однако регионы ДФО различаются по тому, какие (краткосрочные или долгосрочные) изменения уровня дохода в них оказывают большее влияние на объем потребления. Если оценивать потребление по функции перманентного дохода, величина краткосрочного мультипликатора в Еврейской автономной области и Камчатском крае заметно ниже лидеров по этому показателю (Республика Саха (Якутия), Приморский край, Амурская область). Наконец, Чукотский автономный округ и

Магаданская область вообще не генерируют мультипликативных эффектов, связанных с потребительским поведением.

Представляется, что мультипликаторы, оцененные на основе краткосрочной предельной склонности к потреблению из функции М. Фридмана, теоретически более обоснованы в качестве инструмента анализа откликов региональной экономики на экзогенные воздействия.

Полученные результаты расчётов предельных склонностей к потреблению и мультипликаторов доказывают важность исследования такого сложного и многогранного феномена, как потребительское поведение в регионах. От учета его особенностей зависят региональные мультипликативные эффекты, и, следовательно, общий отклик региональной системы на различные экзогенные воздействия.

Список источников:

1. Исаев, А. Г. Экономический рост российских регионов: экзогенные и эндогенные источники. – Хабаровск: ИЭИ ДВО РАН, 2022. – 208 с. ISBN: 978-5-906118-63-9 EDN: HOKDMI
2. Исаев, А. Г. Моделирование и оценка региональных функций потребления: случай Дальнего Востока // *Пространственная экономика*. 2024. № 4. С. 27–47. DOI: 10.14530/se.2024.4.027-047 EDN: OBDVNB
3. Кейнс, Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег. – М.: Издательство АСТ, 2023. – 544 с.
4. Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / под ред. П.А. Минакира, В.И. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. – 912 с.
5. Шумпетер, Й. А. Десять великих экономистов от Маркса до Кейнса. – М.: Изд. Института Гайдара, 2011. – 400 с.
6. Cochrane, D., Orcutt, G. H. Application of Least Squares Regression to Relationships Containing AutoCorrelated Error Terms // *Journal of the American Statistical Association*. 1949. Vol. 44. Issue 245. Pp. 32–61. DOI: 10.1080/01621459.1949.10483290
7. Friedman, M. A Theory of the Consumption Function. Princeton: Princeton University Press, 1957.
8. Ghali, M., Renaud, B. The Consumption Function at the Regional Level: The Case of Hawaii // *The Annals of Regional Science*. 1971. Vol. 5. Pp. 50–61. DOI: 10.1007/BF01288112
9. Gillen, W.J., Guccione, A. The Estimation of Postwar Regional Consumption Functions in Canada // *The Canadian Journal of Economics / Revue canadienne d'Économie*. 1970. Vol. 3. Issue 2. Pp. 276–290. DOI: 10.2307/133677
10. Guccione, A., Gillen, W.J. A Metzler-Type Model for the Canadian Regions // *Journal of Regional Science*. 1974. Vol. 14. Issue 2. Pp. 173–189. DOI: 10.1111/j.1467-9787.1974.tb00441.x
11. Koyck, L.M. Distributed Lags and Investment Analysis. North-Holland Publishing Company, 1954.
12. Laidler, D. Milton Friedman and the Evolution of Macroeconomics // *Economic Policy Research Institute. EPRI Working Papers*. 2005.31 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/61681295.pdf> (дата обращения: 01 декабря 2024 г.)
13. Thirlwall, A. Regional Problems Are «Balance-of-payments» Problems // *Regional Studies*. 1980. Vol. 72. Issue5. Pp. 419–425.

References:

1. Isaev, A. G. (2022) Economic growth of Russian regions: exogenous and endogenous sources. Khabarovsk, 208 p. ISBN: 978-5-906118-63-9 EDN: HOKDMI (in Russ.).
2. Isaev, A. G. (2024) Modelling and Estimation of Regional Consumption Functions: A

Case for the Russian Far East *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], no. 4, pp. 27–47. DOI: 10.14530/se.2024.4.027-047 EDN: OBDVNB (in Russ.).

3. Keynes, J. M. (2023) *The General Theory of Employment, Interest and Money*. Moscow, 544 p. (in Russ.).

4. *The Synthesis of Scientific-Technological and Economic Forecasts: Pacific Russia – 2050*. Ed. by P.A. Minakir, V.I. Sergienko. Vladivostok, 2011. 912 p. (in Russ.).

5. Schumpeter, J. A. (2011) *Ten Great Economists from Marx to Keynes*. Moscow, 400 p. (in Russ.).

6. Cochran, D., Orcutt, G. H. (1949) Application of Least Squares Regression to Relationships Containing AutoCorrelated Error Terms // *Journal of the American Statistical Association*, vol. 44. no. 245. pp. 32–61. DOI: 10.1080/01621459.1949.10483290

7. Friedman, M. (1957) *A Theory of the Consumption Function*. Princeton: Princeton University Press.

8. Ghali, M., Renaud, B. (1971) The Consumption Function at the Regional Level: The Case of Hawaii // *The Annals of Regional Science*, vol. 5. pp. 50–61. DOI: 10.1007/BF01288112

9. Gillen, W. J., Guccione, A. (1970) The Estimation of Postwar Regional Consumption Functions in Canada // *The Canadian Journal of Economics / Revue canadienne d'Economie*, vol. 3. no. 2. pp. 276–290. DOI: 10.2307/133677

10. Guccione, A., Gillen, W. J. (1974) A Metzler-Type Model for the Canadian Regions // *Journal of Regional Science*, vol. 14, no. 2. pp. 173–189. DOI: 10.1111/j.1467-9787.1974.tb00441.x

11. Koyck, L. M. (1954) *Distributed Lags and Investment Analysis*. North-Holland Publishing Company,

12. Laidler, D. (2005) *Milton Friedman and the Evolution of Macroeconomics* // Economic Policy Research Institute. EPRI Working Papers, 31 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/61681295.pdf> (accessed December 01, 2024).

13. Thirlwall, A. (1980) Regional Problems Are «Balance-of-payments» Problems // *Regional Studies*, vol. 72, no. 5. pp. 419–425.

Статья поступила в редакцию 04.02.2025; одобрена после рецензирования 14.03.2025; принята к публикации 18.03.2025.

The article was submitted 04.02.2025; approved after reviewing 14.03.2025; accepted for publication 18.03.2025.

Информация об авторе

А. Л. Ким – младший научный сотрудник, Институт экономических исследований ДВО РАН.

Information about the author

A. L. Kim – Junior researcher, the Economic Research Institute, FEB RAS.

Научная статья

УДК 316.48(571.62)

doi:10.22394/1818-4049-2025-110-1-178-189

Особенности межэтнических и межконфессиональных процессов в Хабаровском крае: социологическое измерение

Кирилл Владимирович Мугдин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал, Хабаровск, Россия

fox_6151@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты конфликтологического мониторинга этнополитических и этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае в 2024 г. Выводы, полученные автором в ходе исследования, основаны на результатах массового анкетного опроса, экспертных интервью, серии фокус-групп и отражают ключевые аспекты текущего состояния и перспектив развития полиэтнического сообщества региона. Установлено, что, несмотря на преобладающее восприятие в общественном сознании межнациональных отношений как доброжелательных, сохраняется определенный уровень социальной напряженности, связанный с недостаточной адаптацией и интеграцией трудовых мигрантов в принимающее сообщество. Важными условиями в решении этого вопроса выступают высокий уровень владения иностранными гражданами государственным языком и принятие ими ценностей и норм принимающего сообщества, а также эффективная поддержка со стороны государственных и социальных институтов. Особую роль в формировании общественного мнения играет информационное поле. Так, недостоверное освещение межэтнических вопросов в средствах массовой информации, социальных сетях и мессенджерах может усиливать конфликтный потенциал в региональном полиэтническом сообществе. Результаты исследования имеют практическое значение для органов государственной власти и местного самоуправления, научного сообщества и общественных организаций, занимающихся вопросами реализации государственной национальной политики в регионе.

Ключевые слова: межнациональные отношения, межконфессиональные отношения, миграционные процессы, социальная и культурная адаптация, принимающее сообщество, гражданская идентичность, государственная национальная политика, конфликтный потенциал, полиэтническое сообщество, Хабаровский край

Для цитирования: Мугдин К. В. Особенности межэтнических и межконфессиональных процессов в Хабаровском крае: социологическое измерение // Власть и управление на Востоке России. 2025. №1 (110). С. 178–189. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-178-189>

Original article

Features of Interethnic and Interfaith Processes in the Khabarovsk Territory: Sociological Assessment

Kirill V. Mugdin

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА, Khabarovsk, Russia
fox_6151@mail.ru

Abstract. *The paper examines results of the conflict monitoring of ethno-political and ethno-confessional relations in the Khabarovsk Territory in 2024. Conclusions obtained by the author during the study are based on the results of the mass questionnaire survey, expert interviews, series of focus groups and reflect key aspects of the current state and prospects for development of the multi-ethnic community of the region. It has been established that, despite the prevailing perception in the public mind of interethnic relations as benevolent, a certain level of social tension remains associated with insufficient adaptation and integration of labor migrants into the host community. An important condition in resolving this issue is the high level of state language proficiency by foreign citizens and their acceptance of values and norms of the host community, as well as effective state and social institutions support. The information field plays a special role in formation of public opinion. Thus, inaccurate coverage of interethnic issues in the media, social networks and instant messengers can increase the conflict potential in the regional multi-ethnic community. Results of the study have practical significance for the government in general and local governments, scientific communities and public organizations involved in implementation of the state national policy in the region.*

Keywords: *interethnic relations, interfaith relations, migration processes, social and cultural adaptation, host community, civic identity, state national policy, conflict potential, multi-ethnic community, the Khabarovsk Territory*

For citation: Mugdin K. V. (2025) Features of Interethnic and Interfaith Processes in the Khabarovsk Territory: Sociological Assessment *Vlast` i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and Administration in the East of Russia], no. 1 (110), pp. 178–189. <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2025-110-1-178-189>

Введение

В условиях полиэтничного сообщества и актуальных процессов трудовой миграции вопросы межнациональных отношений приобретают особую актуальность. Хабаровский край, расположенный на дальневосточных рубежах России, представляет собой приграничный и трансграничный регион [Черная, 2005. С. 146], который характеризуется высоким уровнем многонациональности и культурного разнообразия. Регион традиционно становится ареной как позитивных процессов культурного обмена, так и потенциальных

конфликтов, связанных с различиями в традициях, языке и религии [Завалишин, Ким, 2019. С. 64]. Современные вызовы, обусловленные изменением демографической структуры, усилением миграционных потоков и влиянием информационного поля, требуют детального социологического анализа этноконфессиональных отношений, позволяющего выявить как позитивные аспекты, так и источники социальной напряженности.

Статья нацелена на анализ состояния этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае с учетом оценки

межэтнических процессов, выявления проблемных зон и перспектив развития государственной национальной политики. Аналитические выводы опираются на результаты количественных и качественных методов социологического исследования (массового анкетирования, экспертных опросов и фокус-групп), подготовленных в рамках конфликтологического мониторинга этнополитических и этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае в 2024 г.

Эмпирическая база исследования

Исследование основано на рекомендациях Федерального агентства по делам национальностей и направлено на социологическую оценку состояния этнополитических и этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае в 2024 г. Исследование проводилось методом комплексного социологического мониторинга ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет» под научным руководством канд. социол. наук, А. Ф. Гарнага, включает следующие методы сбора социальной информации.

1. **Массовый анкетный опрос.** Объем выборки составил 3 366 респондентов, проживающих на территории Хабаровского края, в возрасте от 18 лет и старше. Выборочная совокупность репрезентативна по полу, возрасту, типу населенного пункта (город/село) и административно-территориальному делению. Допустимая статистическая погрешность не превышает 5%.

2. **Экспертный опрос 38 представителей** научного сообщества, руководителей общественных организаций и работников органов местного самоуправления, непосредственно задействованных в реализации государственной национальной политики на территории Хабаровского края.

3. **Фокус-групповое исследование.** В рамках исследования было проведено 12 фокус-групп (8 групп в г. Хабаровске и

4 группы в г. Комсомольске-на-Амуре) с участием 109 жителей Хабаровского края разных возрастных категорий (от 18 до старше 60 лет).

Полевой этап исследования проходил в период с августа по ноябрь 2024 г. После сбора данные были обработаны статистическими методами, включающими анализ частотных распределений, парных распределений и вычисление базовых показателей по каждому из вопросов анкеты. Результаты были агрегированы с учетом взвешивания по административно-территориальному делению.

Оценка состояния межнациональных отношений и уровня межэтнической напряженности

Согласно результатам Всероссийской переписи населения 2020 г. в Хабаровском крае проживают представители 131 национальности, в том числе 8 национальностей из числа коренных малочисленных народов Севера, что составляет 1,6% от общей численности населения региона¹. Кроме того, на территории края зарегистрировано более 300 общественных организаций и объединений, представляющих интересы национальных объединений Хабаровского края. Таким образом, учитывая высокий уровень этнического многообразия, анализ состояния межнациональных отношений приобретает особую значимость².

В этой связи результаты массового анкетного опроса показали, что более половины респондентов (58,7%) оценивают межнациональные отношения как «доброжелательные» и (или) «нормальные, бесконфликтные». Однако каждый четвертый-пятый опрошенный (22,1%) указывает на наличие напряженности, а 4,1% – на риск перехода в открытые столкновения. При этом каждый четвертый опрошенный (25,6%) затруднился с оценкой состояния межнациональных отношений.

Анализ позиций общественного мне-

¹ Официальный сайт Федерального агентства по делам национальностей. Всероссийская перепись населения 2020 / Национальный состав населения. URL: <https://fadn.gov.ru/otkritoeh-agentstvo/vserossiyskaya-perepis-naseleniya-2020/file-download/qj8-sbvyq8bcn5ryvreaagigm8pno9rg9>

² Интернет-портал «Многоликий Хабаровский край». Раздел Государственная национальная политика / Межнациональные отношения. URL: <https://mnogolikiy.ru/gosudarstvennaya-natsionalnaya-politika/mezhnatsionalnye-otnosheniya/>

ния по особенностям состояния межнациональных отношений выявляет следующие особенности:

– доля испытывающих неприязнь по отношению к представителям других национальностей невелика и составляет 11,8%;

– возникает неприязнь к представителям других национальностей в оценках указанных респондентов в первую очередь по причинам поведенческим (манеры, традиции) – 49,0%, культурным (обычаи, традиции) – 31,9%, лингвистическим (иностранный язык) – 26,9%.

Представленные результаты нашли отражение во мнениях и оценках участников фокус-групп:

– «... во-первых, они сюда приезжают, они новые люди, они приехали на чужую территорию, они должны уважать то, что у нас есть, и не создавать какие-то огромные ... тусовки, как показывают: там зарезали на улице барана, ну, условно. Вот такие вещи не должны происходить. То есть это они показывают неуважение к нашей культуре, потому что у нас не принято, чтобы, допустим, мой ребенок такое видел, не принято...»;

– «...водители грубят. Они позволяют себе очень вольно выражаться. И они разговаривают по телефону часто, когда ездят по дорогам, на своем языке. То есть это раздражающий фактор, во-первых, потому что они постоянно разговаривают, во-вторых, на непонятном языке. То есть как-то так».

Эти высказывания подчеркивают, что негативное отношение принимающего сообщества в первую очередь обусловлено культурными и языковыми различиями, а также нарушениями общепринятых в обществе норм поведения.

Результаты анкетного опроса позволили выделить следующие тенденции. Чуть менее половины респондентов (42,1%) считают, что многонациональность приносит больше пользы. Хотя чуть более трети опрошенных (38,7%) видит в ней источник проблем, а чуть менее пятой части респондентов (19,2%) затруднились с ответом. Респонденты из числа представителей российской нации (85,1%) демонстрируют высокий уровень позитивного отношения к собственной группе, что

контрастирует с более низкими показателями для некоторых этнических групп мигрантов (например, узбеки и цыгане получают лишь 23,4% – 26,2% позитивных оценок). Представленные результаты схожи с данными аналогичных социологических исследований прошлых лет [Березутский, Байков, Мачкарина, Мельницкая, 2016. С. 87], что свидетельствует об устойчивости социальных оценок по вопросу отношения местного населения к различным этническим группам. Результаты анкетного опроса согласуются с жизненными практиками участников фокус-групп: «... у меня одноклассник довольно нерусский человек. Мы учились с ним, он русский как бы, он адекватно разговаривает, ...ни мигрант он никакой, все с ним хорошо, несмотря на то что родители – мама цыганка, папа у него там не помню, тоже какой-то национальности. Недавно он проходил на ул. Муравьева-Амурского, его сбила машина. Сбила машина не сильно как бы, задела, но не остановился водитель. И потом он встречался с этим водителем и спрашивал, почему такая ситуация получилась. И ему говорит русский человек, что: «...был бы там котенок, я бы остановился, но тебя увидел и не остановился. Я подумал, ты агрессивно настроен ко мне и все такое».

Стоит отметить, что межконфессиональное согласие выступает важным фактором обеспечения социальной и национальной безопасности приграничных регионов и страны в целом [Качур, 2019. С. 126]. Вместе с тем межконфессиональные отношения в Хабаровском крае имеют определенный потенциал дестабилизации общественной системы в оценках респондентов. Так, почти каждый пятый опрошенный (19,5%) отмечает наличие недоверия к представителям других религиозных течений. Однако, отвечая на вопрос о вероятности конфликтов на межконфессиональной почве в Хабаровском крае, только 13,4% опрошенных ответили, что такое возможно.

Данные фокус-групп демонстрируют, что, несмотря на общий уровень этноконфессиональной солидарности, отдельные инциденты, например, связан-

ные с проведением религиозных обрядов (перекрытие улиц для намаза), вызывают общественное недовольство. Таким образом, межрелигиозные противоречия могут служить дополнительным источником конфликтного потенциала.

Определенный интерес представляют данные о предполагаемом равенстве прав и возможностей представителей различных национальностей, поскольку половина опрошенных утверждает, что разница и в правах, и в возможностях присутствует как при устройстве на работу, так и при возможности занять высокий пост в органах власти (56,1% и 35,5%). При открытии своего дела большинство респондентов считают, что условия у людей разных национальностей равны (60,1%).

Представленные результаты свидетельствуют о том, что проблема этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае носит амбивалентный характер: с одной стороны, присутствуют позитивные оценки и чувство общности полиэтнического сообщества, а с другой – сохраняются элементы межэтнического и межрелигиозного недоверия.

Миграционные процессы и демографическая структура региона

Социально-демографическая ситуация в Хабаровском крае характеризуется активными миграционными процессами, обусловленными как притоком иностранных граждан, так и внутренними перемещениями населения [Мотрич, 2018. С. 145]. Согласно данным Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области, Чукотскому автономному округу в регион на протяжении последних нескольких лет прибывает более 10 тыс. иностранных граждан, наибольшая доля которых приходится на лиц из стран центрального азиатского региона (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан)³.

Миграционный потенциал Хабаровского края определяется рядом условий,

в том числе географическим положением, наличием рабочих мест в строительной и логистической сферах, исторически сложившейся многонациональностью, что способствует появлению новых культурных контактов, но одновременно порождает риски социально-культурной фрагментации. Несмотря на в целом терпимое отношение местного населения к различным этническим группам, социально-экономические вызовы и недостатки миграционной политики могут становиться предпосылками для роста межэтнического напряжения [Ким, 2021. С. 37].

Мигранты занимают важное место в формировании демографической структуры региона. Однако результаты фокус-групп фиксируют различия в культурном и социальном опыте между коренным населением и приезжими. С одной стороны, часть жителей видит позитивный эффект культурного обмена, с другой – отмечается негативное отношение к мигрантам, проявляющееся в виде бытовых конфликтов и недовольства по поводу незнания или непринятия норм принимающего сообщества. Результаты исследования показали, что вопросы социальной адаптации иностранных граждан воспринимаются неоднозначно. Так, участники фокус-групп отмечают:

– «Если мы берем общую картинку, человек, который приехал с аула, никогда не жил в городе, не знал, что это такое вообще, и тем более уровень там гормонов у человека другой совершенно, потому что это другие национальности, они себя по-другому ведут, по-другому реагируют. Это все чревато последствиями. И можно бесконечно рассуждать о том, что все люди прекрасны, все это разное, но, когда это касается твоей семьи, твоей жены, твоего ребенка, ну все почему-то упирается в большинстве случаев именно вот в эту миграционную политику. Поэтому все должно быть гораздо жестче, гораздо сложнее в плане получения гражданства. Работать – пожалуйста».

– «А мы их пускаем с распростёртыми

³ Официальный сайт Управления Федеральной службы государственной статистики по Хабаровскому краю, Магаданской области, Еврейской автономной области, Чукотскому автономному округу. Раздел: Официальная статистика / Население / Миграция населения. URL: <https://27.rosstat.gov.ru/folder/25028>

объятями: вот работа, пожалуйста, вот, занимайтесь чем хотите. И к женщинам у них отношение специфическое. У них на родине женщина – это товар. Поэтому такое отношение. Сюда приезжают многие из них, им не вбивают в голову, их не воспитывают так, как всех... Случай, пожалуйста, в Большом камне, наверно, Вы слышали: избили девушку, инвалидом сделали, ...понравилась она ему. А у наших девушек характер такой, она может «нет» сказать. А у них не может девушка сказать «нет». Он этого не знал и поэтому на такой почве, поэтому, повторюсь, проблемка есть...».

Для понимания особенностей миграционных процессов в полиэтническом сообществе Хабаровского края необходимо учитывать мнения специалистов в сфере этноконфессиональных отношений, озвученные в ходе экспертных интервью:

– «... люди понимают, что конфронтация не решит проблем, и стараются удерживаться. Тем не менее есть негативные тенденции, как и во всей стране, во всех территориях, и это не связано именно с Дальним Востоком, но, возможно, обостренно воспринимаются именно из-за того, что мы находимся в линии демаркации, территориально соседствуем с Китаем и все возможные движения воспринимаются по соответствию с этими соседями...».

– «Хабаровский край – он сам по себе такая территория, что в нем всегда люди жили дружно, не чувствовали себя там сверх кого-то или ниже кого-то, потому что такая территория, что, в общем-то, у нас всегда отношение, то есть у нас таких межконфессиональных конфликтов, в общем-то, никогда и не было, люди всех национальностей себя хорошо чувствуют. Единственное, что в последнее время, конечно, проблема именно увеличения количества мигрантов, как бы я чувствую, да, что действительно люди недовольны и возмущаются. То есть постепенно начинают ощущать дискомфорт. Ну, в принципе, я могу сказать, что наши мигранты тоже не особо агрессивные, то есть нету какого-то от них негатива. И я бы даже сказала, что и к ним негатива на

самом деле тоже особого нет. То есть здесь немножко, может быть, общий информационный фон, который идет. Ну и, конечно, все равно количество их резко возрастает, и кто-то это замечает, это начинает беспокоить...».

– «Проблема – она как бы не принципиальна, она не политическая, проблема, бытовая скорее. Потому что появилось много людей... Когда-то мы жили в одной стране, но за время жития врозь сложились разные практики и осознание того, что они разные, не всегда существует. Они пытаются реализовать те практики, которые сложились у них, они напарываются на несовпадения со сложившимися практиками у нас, и возникают бытовые конфликты... На мигранта можно указать пальцем: вот он – китаец, он – таджик. То есть он фенотипически отличается от привычного образа принимающей стороны. Вот на таком уровне. Причём сегодня, похоже, этот дискурс именно транслируется через властные структуры и СМИ и не очень поддерживается на уровне бытовом. То есть если начать делать опрос, то мы получим то, что нам нужно, ... т. е. опрос показывает нам, какой таблоид человек прочёл последним».

Совокупный анализ оценок экспертов позволяет сделать вывод, что хотя Хабаровский край традиционно характеризуется стабильными и дружественными межнациональными отношениями, динамика миграционных процессов и внешние факторы могут способствовать систематическому возникновению бытовых конфликтов и ухудшению общественного дискурса. В этой связи для смягчения негативных тенденций необходимо уделять внимание не только практическим аспектам социальной и культурной адаптации мигрантов, но и работе с информационным пространством, направленной на снижение этнических стереотипов и укрепление межкультурного диалога.

Таким образом, в рамках решения актуальных вопросов миграционной политики целесообразно продолжать работу по совершенствованию механизмов интеграции иностранных граждан в

принимающее сообщество через образовательные и культурные программы, а также путем формирования благоприятного имиджа региона для новых жителей посредством активной информационной политики, направленной на популяризацию традиционных российских ценностей и жизненного уклада.

Особенности социальной и культурной адаптации и интеграция иностранных граждан

Согласно докладу начальника управления по вопросам миграции УМВД России по Хабаровскому краю в 2024 г. количество въехавших в регион иностранных граждан возросло более чем в 4 раза и составило около 36 тыс. человек. Основную часть мигрантов составляют граждане Таджикистана, Узбекистана, Киргизии, занятые преимущественно в строительной отрасли, домашних хозяйствах, торговле, такси, обрабатывающих производствах. В условиях сложной демографической ситуации в регионе органы государственного управления уделяют особое внимание проблемам незаконной миграции и подделке миграционных документов⁴. Эти проблемы тесно связаны с распространенным в российском обществе мнением о низком уровне образования и слабом владении русским языком трудовых мигрантов [Мельничук, 2020. С. 92].

Вопрос адаптации иностранных граждан в принимающее сообщество региона стоит особенно остро и зависит от ряда социально-культурных факторов. В этом контексте В. В. Зубков подчеркивает важность соблюдения трудовыми мигрантами местных традиций и законов. Значительная часть общества выражает обеспокоенность по вопросу сохранения самобытности культуры своей страны, рассматривая миграцию одним из факторов, оказывающих давление на традиционные культурные ценности [Зубков, 2020. С. 141], что согласуется с мнениями участников фокус-групп, которые отмечают, что незнание местных традиций, обычаев и норм создает предпосылки для межэтнического недопонимания

и напряженности, а уровень владения русским языком является критически важным для успешной адаптации и интеграции в российский социум:

– «Проблема интеграции в российское общество существует. Приезжие стараются жить своими замкнутыми общинами в силу культурных особенностей, например, жены не имеют право с кем-то разговаривать, заводить друзей, то есть они вообще не интегрируются в наше общество. Многие из них, прожив здесь 5–10 лет, даже не знают русского языка. Лично наблюдал как мама – выходец из Средней Азии разговаривает с ребенком на своём языке, а он ей отвечает на русском. Он понимает на условном таджикском или узбекском, но не разговаривает на нем. То есть вот эта прослойка остаётся как бы вне нашего общества».

– «Надо начинать с садика и со школы. Потому что очень много детей мигрантов, которые не учатся в садике и школе. Может быть нужно начинать как раз вот с этих двух институтов, которые начнут уже работу и с ребенком, пока он маленький, и с родителями, которые приехали сюда».

– «Вопрос по лечению, тоже возникает языковой барьер. То есть иногда они делают вид, что они не понимают, те же врачи. Иногда они действительно не понимают именно русский язык, то есть языковой барьер, но при этом они работают».

– «Они приехали, значит должны соблюдать наши законы. Я бы внесла еще такое предложение: чтобы они разговаривали на русском языке. Я иду, а позади меня их идет пять человек. Вот о чем они там говорят? Может они хотят меня по голове стукнуть?».

При анализе условий адаптации иностранных граждан целесообразно обратиться к оценочным суждениям профильных специалистов, полученным в ходе экспертных интервью.

Соблюдение законности и правовая грамотность выступают важнейшими условиями для успешной адаптации и интеграции иностранных граждан:

⁴ Официальный сайт Законодательной Думы Хабаровского края. Новость: В региональном парламенте обсудили регулирование миграционных процессов в Хабаровском крае. URL: <http://www.duma.khv.ru/?doc=270148145>

– ключевым аспектом адаптации иностранного гражданина является его желание изучить действующее федеральное и региональное законодательство;

– наблюдается парадокс, связанный с тем, что некоторые мигранты, несмотря на уверенное владение местной разговорной речью, испытывают трудности с чтением на русском языке. Это может говорить о том, что уровень языковой подготовки разнороден и часто не соответствует требованиям для полноценного ознакомления с законодательными и административными документами.

– локальные средства массовой информации (телеграм-каналы и интернет-сообщества) часто формируют отдельную информационную среду внутри этнических сообществ. Это приводит к тому, что иностранные граждане получают информацию, адаптированную под их сообщество, но при этом не всегда способны полноценно ориентироваться в официальных документах и законодательных требованиях.

Кроме того, важно создавать благоприятную среду для адаптации иностранных граждан через эффективное использование средств массовой информации и формирование политики гостеприимства:

– для успешной адаптации иностранных граждан целесообразно формировать «режим гостеприимства», при котором адаптация происходит естественным образом. Этот процесс должен происходить через информационные каналы, включая традиционные и цифровые платформы;

– средства массовой информации играют неоднозначную роль: с одной стороны, при правильном целеполагании они способствуют адаптации иностранных граждан, с другой стороны, на практике информационное поле часто приводит к обострению этноконфессиональной напряженности за счет сенсационности и искаженного освещения событий;

– существует необходимость выстраивания эффективного механизма подготовки по изучению государственного языка среди иностранных граждан. Однако имеют место системные проблемы в организации обучения и проверки языковых навыков (например, практика

приобретения мигрантами справок об обучении), что подрывает доверие к таким институтам и увеличивает финансовую нагрузку на мигрантов.

Также, ключевую роль в адаптации иностранных граждан в оценках экспертов играет степень их вовлеченности в социальную и культурную жизнь принимающего сообщества. Практический опыт отдельных экспертов показывает, что участие иностранных граждан в информационно-просветительских, этнокультурных, спортивных и иных социально-значимых публичных мероприятиях способствует более эффективному пониманию и освоению социальных норм и правил, что является важнейшим фактором их социальной и культурной интеграции.

Вместе с тем отдельные эксперты выделяют различия в готовности местного населения принимать иностранных граждан в зависимости от размера населенного пункта. Так, в малых населенных пунктах мигранты могут восприниматься как угроза, способная привести к вытеснению коренных жителей с рабочих мест, способствуя изменению социального и экономического баланса местных сообществ. В этой связи необходимо выстраивать диалог с местными жителями и реализовывать адаптивные меры с учетом специфики малых территорий, где традиционные связи и устоявшиеся социальные порядки имеют большое значение.

Таким образом, комментарии экспертов позволяют наиболее полным образом оценить многоаспектность проблемы социальной и культурной адаптации иностранных граждан как в Хабаровском крае, так в России в целом.

Анализ рассуждений участников фокус-групп показывает, что проблема интеграции мигрантов в регионе рассматривается с разных точек зрения. С одной стороны, существует мнение о необходимости самостоятельной адаптации мигрантов, где ответственность за изучение языка и культуры полностью лежит на них самих («...если ты желаешь здесь жить как гражданин Российской Федерации, в этом случае проде-

монстрируй Российской Федерации, что ты действительно в этом заинтересован и что ты хочешь стать ее гражданином, и сделай для этого что-то сам, а не приезжай и жди, что тебя будут всячески поддерживать»). С другой стороны, отмечается противоположное мнение о важности активной поддержки со стороны образовательных и культурных институтов («...я считаю, определенно это нужно делать – помогать гостям из зарубежья изучать русский язык. Этим занимается и наш педагогический университет, например»), что согласуется с политикой обязательного внедрения курсов по русскому языку и культуре.

В условиях неоднородности общественного сознания жителей региона в отношении трудовых мигрантов эффективное решение интеграционных задач может быть достигнуто через сбалансированное сочетание этих подходов в рамках создания обязательных программ, способствующих адаптации и одновременно при стимулировании самостоятельного стремления мигрантов к интеграции в принимающее сообщество [Березутский, Мугдин, 2020. С. 177]. Такое целеполагание позволит не только улучшить языковую и культурную подготовку, но и сформировать у мигрантов фактическое, а не декларируемое понимание и уважение к ценностям принимающего общества.

Состояние гражданской идентичности и ее место в идентификационном профиле жителей региона

Гражданская идентичность является одним из важнейших компонентов межнациональных отношений, поскольку она определяет степень принадлежности к общегражданскому сообществу. Формирование общероссийской гражданской идентичности как ключевой основы для укрепления единства и консолидации российского общества является одним из ключевых условий стабильного развития региона и страны в целом [Горлова, 2023. С. 48].

Результаты исследования показывают, что подавляющее большинство респондентов (79,3%) признают свою общероссийскую гражданскую идентичность, что свидетельствует о высоком уровне един-

ства жителей региона. Вместе с тем локальная и национальная идентичности, особенно среди представителей меньшинств, проявляются менее выражено.

Участники фокус-групп по-разному отвечали на вопросы о социальной идентичности. Преобладают заявления о патриотизме, любви к Родине, краю, городу, Дальнему Востоку. Однако зафиксированы мнения, в которых респондент не считает себя дальневосточником в силу, к примеру, личных причин, чувствует оторванность и одиночество. Кроме того, озвучены мнения, позволяющие считать дальневосточников сплоченными между собой и привязанными к региону больше, чем к центру России, в столице которой они ощущают себя чуждыми:

– «... я хабаровчанин. Я русский, да, я гражданин Российской Федерации»;

– «... я ощущаю себя русской, я воспринимаю, что регионы другие есть, да. И мы в составе тоже»;

– «... ну, не знаю. Ну, наверное, есть родственники в других городах, как-то приезжаешь в гости, созваниваешься и нет какого-то ощущения, что там этот город чужой»;

– «... тяжелый вопрос. Относительно города я, как человек, принимающий не очень активную позицию в политической и социальной жизни, могу сказать, что я, безусловно, отношу себя к комсомольчанину. Что касается края... Да, я живу в Хабаровском крае, я здесь нахожусь. Поэтому да, я являюсь жителем Хабаровского края. По паспорту я, конечно, гражданин РФ»;

– «... я ощущаю себя причастной и к городу, и к краю, и к стране».

– «... я 54 года живу в Комсомольске. Люблю этот город и на другой какой-то не променяю. Но обидно, конечно, что у нас запущенный город. Я как-то ездила в Уссурийск и плакала, что такой маленький городок и такой чистый, как будто бы в другом государстве. Город люблю, Хабаровским краем горжусь. Ну и Россию, конечно, люблю. Это с молоком матери впиталось уже».

Гражданская идентичность жителей, проживающих на территории края, имеет сложную многослойную природу

и включает следующие аспекты: идентификация с общероссийским гражданским обществом; идентификация с региональным социумом; установление представлений граждан о локальной, национальной, идеологической и экономической идентичности.

Заключение

Проведенное исследование этноконфессиональных отношений в Хабаровском крае выявило ряд ключевых аспектов, характеризующих современное состояние, проблемы и перспективы развития полиэтнического сообщества.

Амбивалентность этноконфессиональных отношений. Большинство респондентов оценивают межнациональные отношения как «доброжелательные» или «нормальные, бесконфликтные», однако значительная часть населения отмечает наличие напряженности и потенциальных конфликтных ситуаций. Прямые высказывания участников фокус-групп свидетельствуют о том, что незнание и неприятие традиций, норм и ценностей принимающего сообщества остаются одним из основных источников межэтнической неприязни.

Миграционные процессы как фактор трансформации общества. Текущие миграционные процессы способствуют как обогащению культурного пространства региона, так и появлению новых вызовов, требующих формирования механизмов социальной адаптации иностранных граждан. Результаты исследования указывают на необходимость развития программ социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов, которые позволят уменьшить риск возникновения бытовых конфликтов на этнической и религиозной основе.

Особенности социальной и культурной адаптации иностранных граждан. Успешная адаптация и интеграция мигрантов в принимающее сообщество во

многом зависит от владения государственным языком, личной позиции по вопросу принятия местных традиций и норм, наличия поддержки со стороны государственных и общественных институтов. Проблемы адаптации и интеграции иностранных граждан напрямую влияют на уровень этноконфессионального согласия и могут способствовать росту конфликтного потенциала в социуме.

Влияние информационного поля. Современные средства массовой информации и информационное поле играют ключевую роль в формировании общественного мнения по вопросам этноконфессиональных отношений. Негативные стереотипы и недостоверное освещение конфликтных ситуаций могут способствовать обострению межэтнической и межрелигиозной напряженности, поэтому необходима координация усилий власти, общества и средств массовой информации в целях формирования позитивного образа полиэтнического сообщества региона.

Таким образом, этноконфессиональные отношения в Хабаровском крае представляют собой сложный и многогранный социальный феномен, в котором взаимодействуют демографические, экономические, культурные и информационные факторы. Несмотря на общую тенденцию к гармонизации и позитивному восприятию многонациональности, сохраняются риски возникновения конфликтов, связанных с недостатками интеграционной политики, языковыми и культурными барьерами, а также негативным влиянием информационного поля. Успешное решение проблем межнациональных и межконфессиональных отношений в Хабаровском крае возможно лишь при комплексном подходе, включающем как меры государственной политики, так и активное участие общественных организаций и граждан.

Список источников:

1. Березутский, Ю. В., Байков, Н. М., Мачкарина, О. Е., Мельницкая, Ю. А. Межнациональные отношения в городском округе: социологическое измерение // Власть и управление на Востоке России. 2016. № 4 (77). С. 87.
2. Березутский, Ю. В. Мугдин, К. В. Межнациональные отношения в Хабаровском

крае в социологическом измерении: состояние, проблемы, перспективы // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 2 (99). С. 169-180. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-99-2-169-180 EDN: CODFLA

3. Горлова, И. И. Межнациональные и межконфессиональные отношения в стабильном развитии современного российского общества // *Культурное наследие Сибири: изучение, музеефикация, презентация (к 30-летию Сибирского филиала Института Наследия): Материалы всероссийской науч.-практ. конф. (Омск, 17–18 мая 2023 г.) / под ред. Т. Н. Золотовой, И. А. Селезневой*. Москва, Омск: Институт Наследия, 2023. С. 48.

4. Завалишин, А. Ю., Ким, А. С. Этнополитическая конфликтность в Хабаровском крае (по данным мониторинга, июнь 2019) // *Дальний Восток в зеркале этнополитики Хабаровск, 25–26 октября года: Материалы Всероссийской научной конференции / под ред. Е. Н. Спасского, О. А. Рудецкого*. С. 63–67. EDN: TFOOKX

5. Зубков, В. В. Сегментированный рынок труда в контексте демографической ситуации в социологическом измерении // *Власть и управление на Востоке России*. 2020. № 2 (91). С. 138–145. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-138-145 EDN: OQNKWD

6. Качур, А. С. Особенности межконфессиональных отношений в приграничных регионах Российской Федерации: обзор прикладных и теоретических исследований // *Журнал «Society and Security Insights»*. 2019. Т. 2, № 2. С. 126–137. DOI: 10.14258/ssi(2019)4-12 EDN: PDRYTU

7. Ким, А. С. Феномен политического конфликта как угроза межнациональному согласию в муниципальном образовании // *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*. 2021. № 2 (106). С. 33–39. DOI: 10.38161/2618-9526-2021-2-33-39 EDN: HUFVWX

8. Мельничук, Е. С. Отношение к мигрантам в контексте состояния межнациональных отношений // *Вопросы этнополитики*. 2020. № 3. С. 91-99. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-91-99 EDN: IGGQSQ

9. Мотрич, Е. Л. Современная демографическая ситуация в Хабаровском крае // *Регионалистика*. 2018. Т. 5. № 6. С. 120–126. DOI: 10.14530/reg.2018.6.120 EDN: YTWBNJ

10. Черная, И. П. Приграничный регион в условиях глобализации: теоретико-концептуальные подходы // *Пространственная экономика*. 2005. № 2. С. 146–160. EDN: KVNFOB

References:

1. Berezutsky, Yu. V., Baikov, N. M., Machkarina, O. E., Melnitskaya, Yu. A. (2016) Inter-ethnic relations in the urban district: sociological dimension *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia], no. 4 (77), pp. 87 (in Russ.).

2. Berezutsky, Yu. V. Mugdin, K. V. (2022) Interethnic relations in Khabarovsk Krai in the sociological dimension: state, problems, prospects *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia], no. 2 (99), pp. 169–180. DOI: 10.22394/1818-4049-2022-99-2-169-180 EDN: CODFLA (in Russ.).

3. Gorlova, I. I. (2023) Interethnic and interfaith relations in the stable development of modern Russian society in Cultural heritage of Siberia: study, museification, presentation (for the 30th anniversary of the Siberian branch of the Heritage Institute): Proceedings of the All-Russian scientific and practical. conf. (Omsk, May 17-18, 2023) / edited by T. N. Zolotova, I. A. Selezneva. Moscow, Omsk: Institute of Heritage, p. 48. (in Russ.).

4. Zavalishin, A. Yu., Kim, A. S. (2019) Ethnopolitical conflictogenicity in Khabarovsk Krai (according to monitoring data, June 2019) in *The Far East in the Mirror of Ethnopolitics Khabarovsk, October 25–26, 2019: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference / edited by E. N. Spassky, O. A. Rudetsky*, pp. 63–67. EDN: TFOOKX (in Russ.).

5. Zubkov, V. V. (2020) Segmented labor market in the context of the demographic situation in the sociological dimension *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii* [Power and management in the East of Russia], no. 2 (91), pp. 138–145. DOI: 10.22394/1818-4049-2020-91-2-138-145 EDN: OQNKWD (in Russ.).

6. Kachur, A. S. (2019) Features of interfaith relations in the border regions of the Russian Federation: a review of applied and theoretical research *Zhurnal "Society and Security Insights"* [Journal "Society and Security Insights"], vol. 2, no. 2, pp. 126–137. DOI: 10.14258/ssi(2019)4-12 EDN: PDRYTU (in Russ.).

7. Kim, A. S. (2021) The phenomenon of political conflict as a threat to interethnic harmony in a municipality *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law], no. 2 (106), pp. 33–39. DOI: 10.38161/2618-9526-2021-2-33-39 EDN: HUFVWX (in Russ.).

8. Melnichuk, E. S. (2020) Attitude towards migrants in the context of the state of interethnic relations *Voprosy etnopolitiki* [Issues of Ethnopolitics], no. 3, pp. 91–99. DOI: 10.28995/2658-7041-2020-3-91-99 EDN: IGGQSQ (in Russ.).

9. Motrich, E. L. (2018) Current demographic situation in Khabarovsk Krai *Regionalistika* [Regionalistics], vol. 5, no. 6, pp. 120–126. DOI: 10.14530/reg.2018.6.120 EDN: YTWBNJ (in Russ.).

10. Chernaya, I. P. (2005) Border region in the context of globalization: theoretical and conceptual approaches *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial economy], no. 2, pp. 146–160. EDN: KVNFOB (in Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.01.2025; одобрена после рецензирования 26.02.2025; принята к публикации 28.02.2025.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 26.02.2025; accepted for publication 28.02.2025.

Информация об авторе

К. В. Мугдин – аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Дальневосточный институт управления – филиал.

Information about the author

K. V. Mugdin – Postgraduate student, the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the Far-Eastern institute of management – branch of RANEPА.

Власть и управление на Востоке России

Научный журнал

2025 г. № 1 (110)

«ВЛАСТЬ И УПРАВЛЕНИЕ НА ВОСТОКЕ РОССИИ»
В ИНТЕРНЕТЕ

<http://vlastdviu.ru/>
<http://elibrary.ru/>
<https://e.lanbook.com/>
<http://cyberleninka.ru/>
www.worldcat.org
app.dimensions.ai

Дата выхода в свет – 14.04.2025 г.

Формат бумаги 60x84 1/8 А-4

Усл. печ. л. – 22,0

Учетн.-изд. л. – 24,0

Тираж – 500 экз.

Заказ № 4.

Свободная цена

Адрес издателя и типографии: 680000, г. Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 33
Дальневосточный институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Тел.: (4212)30-53-06, (4212)30-65-49; факс: (4212) 30-53-06 E-mail: rio-dviu@ranepa.ru
Web-сайт: <http://vlastdviu.ru/index.html>
